Проф. А. Яроцкій.

Идеализмъ,

какъ физіологическій факторъ.

14232

Юрьевъ 1908.

Х 53
Х 23
1 В

„Пров 38“

1957

В
823

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

1234
30

Печатается съ разрѣшенія Медицинскаго Факультета Императорскаго Юрьевскаго Университета.

30 Октября 1908.

№ 1164.

Исп. об. Декана: А. Игнатовскій.

Тип. К. Маттисенъ, Юрьевъ.

Центральная Рабочая
Совета
Профессиональных Союзов.

Посвящается

моей женѣ.

Предлагаемая читателямъ работа представляетъ собою критическое изслѣдованіе основъ, на которыхъ построена современная научная медицина и поэтому, когда она писалась, имѣлись въ виду, конечно, прежде всего врачи. Но вопросы, которые мнѣ пришлось разбирать въ этой книгѣ, имѣютъ такое общее значеніе, что я старался излагать ихъ настолько общепонятно, чтобы книга была доступна самому широкому кругу читателей. Вопросъ о вліяніи высшихъ сторонъ душевной жизни*) на теченіе болѣзненныхъ процессовъ имѣлъ для меня, какъ для врача, не только одно теоретическое значеніе, но и интересовалъ меня съ практической стороны. Поэтому въ этой книгѣ я обращаюсь особенно ко всѣмъ тѣмъ, для кого она, какъ мнѣ кажется, является наи-

*) Подъ „идеализмомъ“ въ этой книгѣ разумѣется не философскій терминъ (т. е. идеалистическое міросозерцаніе, какъ противоположность матеріалистическому), а извѣстное душевное состояніе — стремленіе къ идеалу (идеализмъ психологическій).

болѣе важной, т. е. къ больнымъ тяжелыми хроническими болѣзнями (туберкулезомъ, сифилисомъ, болѣзнями сердца, почекъ и т. п.), а также къ тѣмъ, которые считаютъ, что имъ грозятъ тяжелыя наслѣдственныя болѣзни.

Какъ виньетку для заглавнаго листка я выбралъ одинъ изъ рисунковъ Гольбейна Младшаго „Крестьянинъ и смерть," изъ его серіи „Танецъ смерти". Онъ хорошо изображаетъ отношеніе большинства людей къ жизни: они съ трудомъ ведутъ жизненную борозду, не видятъ ничего кругомъ себя кромѣ этой борозды, незаглядываютъ впередъ дальше окончанія своего тяжелаго обыденнаго труда и не замѣчаютъ, что около нихъ кружитъ смерть въ видѣ сперва нравственнаго, а затѣмъ и физическаго разложенія.

Въ заключеніе я долженъ высказать свою благодарность моимъ товарищамъ по Юрьевскому университету, а также многочисленнымъ друзьямъ, помогавшимъ мнѣ своими указаніями и совѣтами.

20-го Октября 1908 г.
Юрьевъ (Дерптъ).

А. Яроцкій

Профессоръ Госпитальной Клиники внутреннихъ болѣзней.

Оглавленіе.

Предисловіе V
Часть первая 1
Часть вторая 211
Приложеніе 301

Часть первая.

I.

Если взять только послѣдніе двадцать лѣтъ, то даже и за это сравнительно непродолжительное время медицинскія науки сдѣлали большой шагъ впередъ. Особенно это бросается въ глаза, когда сравниваешь то, что приходилось намъ учить и слушать, когда я и мои сверстники были студентами медиками и что мнѣ теперь приходится излагать на своихъ лекціяхъ. Цѣлые отдѣлы глубоко измѣнились. Особенно далеко ушло съ тѣхъ поръ ученіе о заразныхъ болѣзняхъ. Когда я учился, врачъ былъ еще безпомощенъ противъ дифтерита; всѣ врачебныя мѣропріятія противъ него не приносили существенной пользы, а нѣкоторыя приносили даже вредъ. Ни одна семья не была гарантирована отъ этой ужасной болѣзни и чѣмъ она была богаче дѣтьми, счастливѣе, тѣмъ ужаснѣе была для нея угроза, которую представлялъ для нея дифтеритъ. Въ нѣсколько дней эта семья могла потерять отъ дифте-

рита всѣхъ своихъ дѣтей. Зараза была такъ упорна, такъ легко передавалась, что цѣлыя области въ нѣсколько лѣтъ лишались всего своего молодого поколѣнія. Энергія врачей и земствъ въ борьбѣ съ этой эпидеміей не только не приносила сколько нибудь осязательныхъ результатовъ, но и еще возбуждала неудовольствіе и негодованіе противъ себя, не смотря на то, что врачи являлись первыми жертвами эпидеміи и во множествѣ гибли. И все это на нашихъ глазахъ измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ открыта противодифтеритная сыворотка. Конечно и теперь дифтеритъ остается страшнымъ врагомъ, но условія борьбы совершенно измѣнились. Если только болѣзнь распознана во время и впрыскиваніе сыворотки сдѣлано не слишкомъ поздно, то громадный процентъ заболѣвшихъ выздоравливаетъ. Когда въ большой семьѣ заболѣетъ одинъ ребенокъ, то остальнымъ дѣтямъ мы можемъ сдѣлать предохранительныя впрыскиванія сыворотки и такимъ образомъ предохранить ихъ отъ заболѣванія. Насколько это средство могуче можно заключить изъ того, что русское деревенское населеніе, которое съ недовѣріемъ и злобой относилось раньше къ мѣрамъ противъ распространенія дифтерита и къ персоналу, при-

 мѣнявшему эти мѣры, въ настоящее время

кореннымъ образомъ измѣнило свое отношеніе. Населеніе не только ничего не имѣетъ противъ такихъ лѣчебныхъ мѣропріятій, какъ впрыскиваніе сыворотки, но само идетъ на встрѣчу врачамъ. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на югѣ Россіи, деревни, заброшенныя въ глуши, самостоятельно и на свой счетъ выписываютъ сыворотку для того чтобы она всегда была подъ рукою и въ достаточномъ количествѣ у земскаго врача или фельдшера.

Также поразителенъ успѣхъ достигнутый за это время наукой въ вопросѣ о чумѣ. Когда мы учились, чума была еще какой то ужасной, таинственной болѣзнью, для которой отъ минувшихъ вѣковъ сохранилось имя „черной смерти". Но, что это такое, какъ бороться съ нею, было совершенно невыяснено; эта была какая то мрачная, таинственная сила, о которой было изъ исторіи извѣстно, что она опустошала не только цѣлыя страны, но и цѣлые материки. Какой страхъ внушала чума видно изъ того, что по русскому уголовному законодательству смертная казнь полагалась только за самыя важныя политическія преступленія и за нарушенія карантиннаго устава.

Въ настоящее время положеніе вопроса о чумѣ измѣнилось тоже самымъ кореннымъ образомъ. Не только намъ извѣстенъ воз-

будитель чумы — чумная палочка, но мы знаемъ способъ, какимъ образомъ распространяется эпидемія, роль, которую при этомъ играютъ крысы. Не только найдены предохранительныя прививки противъ чумы, но и лѣчебная сыворотка, которая въ значительномъ числѣ случаевъ даетъ при своемъ примѣненіи хорошіе результаты.

Стольже рѣзкое измѣненіе произошло за это время и въ научной постановкѣ вопроса о болотной лихорадкѣ. Правда, уже съ конца 70-хъ годовъ извѣстенъ возбудитель болотной лихорадки. Но, открытіе его сравнительно мало подвинуло впередъ практическое разрѣшеніе вопроса о борьбѣ съ маляріей, такъ какъ пути, при посредствѣ которыхъ паразитъ попадалъ въ кровь человѣка, были неизвѣстны. И только открытія послѣдняго времени указали на особый видъ москитовъ, не только разносителей заразы, но и ея жертвъ, въ которыхъ паразитъ маляріи размножается и проходитъ извѣстныя ступени своего развитія. Открытія эти дали возможность до мелочей выработать планъ борьбы съ болотной лихорадкой. Въ настоящее время, конечно, еще рано говорить, что болотная лихорадка окончательно побѣждена, но, несомнѣнно, теперь это только вопросъ времени, денежныхъ средствъ и послѣдова-

тельности въ проведеніи борьбы въ жизнь. Между тѣмъ мы, жители сѣвера, не можемъ себѣ представить, какой это страшный врагъ болотная лихорадка, какую массу людей она губитъ и какъ цѣлыя мѣстности изъ за нея дѣлаются необитаемыми.

Мы привели для примѣра отдѣлъ, въ которомъ медицинскія науки сдѣлали за послѣднія десятилѣтія особенно крупные успѣхи. Но и во всѣхъ остальныхъ отрасляхъ медицинскаго знанія, можетъ быть, результаты не такъ велики и рѣшительны, но, во всякомъ случаѣ, во всѣхъ отдѣлахъ сдѣланы крупныя завоеванія. По любому вопросу наши знанія обогатились, мы проникли глубже въ соотношенія наблюдаемыхъ явленій, мы, такъ сказать, лучше, основательнѣе владѣемъ предметомъ.

Но, если успѣхи достигнутые за послѣднія двадцать-тридцать лѣтъ значительны, то результаты послѣдняго столѣтія въ медицинѣ являются по истинѣ грандіозными. Я не буду перечислять и описывать ихъ — это выходило бы изъ рамокъ нашей задачи. Скажу только, что наши представленія не только о сущности болѣзненныхъ явленій, но и вообще о природѣ живого существа стали совершенно иными, чѣмъ раньше, и, можетъ быть, только впервые эти представленія могутъ быть на-

званы научными. Наряду съ этимъ необыкновенно обогатился и усовершенствовался запасъ практическихъ лѣчебныхъ пріемовъ и средствъ.

Я остановлюсь только на двухъ примѣрахъ, чтобы показать, какъ успѣхи медицины глубоко отозвались на жизни. Оспопрививаніе, открытое въ XVIII вѣкѣ, распространилось и упрочилось за XIX вѣкъ и благодаря ему исчезла опасность заболѣванія оспой. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ оспопрививаніе проводится послѣдовательно и методично, можно считать, что оспа совершенно исчезла изъ ряда болѣзней. А между тѣмъ, сравнительно недавно оспа грозила каждому человѣку, какъ Дамокловъ мечъ висѣла надъ нимъ, неся за собой обезображиваніе, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ слѣпоту и даже смерть.

Другой примѣръ необыкновенныхъ успѣховъ медицины представляетъ борьба съ послѣродовыми заболѣваніями (съ родильной горячкой). Еще недавно она грозила каждой женщинѣ, которой предстояло разрѣшиться отъ бремени. Большое число родильницъ умирало отъ нея. Между тѣмъ причины этой болѣзни, способы ея распространенія были совершенно невыяснены. Въ настоящее время

 картина измѣнилась кореннымъ образомъ —

родильная горячка встрѣчается, какъ исключеніе, только въ случаяхъ грубой погрѣшности или невѣжества врача или акушерки. Такое рѣзкое измѣненіе условій въ такомъ важномъ въ жизни женщины актѣ, какъ роды, не могло не отразиться на всей структурѣ семьи. Теперь меньше матерей въ цвѣтѣ лѣтъ погибаетъ, меньше дѣтей остаются сиротами, рѣже мачихи вступаютъ въ семью.

Принимая во вниманіе такіе успѣхи медицины, можно было бы думать, что какъ и она сама, такъ и представители ея — врачи, должны пользоваться особеннымъ авторитетомъ и довѣріемъ широкихъ массъ. Это можно было бы ожидать тѣмъ болѣе, что недавніе успѣхи, какъ открытіе противодифтеритной сыворотки, даютъ возможность предполагать, что не сегодня, такъ завтра будутъ открыты средства противъ такихъ ужасныхъ враговъ человѣчества, какъ туберкулезъ и сифилисъ. Вѣдь успѣхи медицины, о которыхъ мы говорили выше, должны были показать широкимъ массамъ, какое могучее орудіе для борьбы съ болѣзнями представляетъ изъ себя совокупность медицинскихъ знаній, сосредоточенная у научныхъ представителей медицины. На самомъ дѣлѣ мы видимъ обратное и чѣмъ, кажется, быстрѣе успѣхъ медицины, тѣмъ сильнѣе въ широ-

кихъ массахъ накапливается чувство неудовлетворенности результатами научной работы и недовѣрчиваго отношенія къ врачамъ.

Въ такихъ странахъ, какъ Россія, гдѣ культура распространена такъ неравномѣрно, это не представляется удивительнымъ. Если у насъ большая часть населенія лѣчится у знахарей, а не у врачей, то это объясняется прежде всего недоступностью врачебной помощи — большинство фактически не можетъ получить помощь у врача, такъ населеніе бѣдно, а количество врачей недостаточно. Если же мы видимъ, что рядомъ съ научно образованнымъ и хорошимъ практикомъ врачемъ процвѣтаетъ знахарь и къ послѣднему прибѣгаютъ за помощью столько же, если не болѣе, чѣмъ къ врачу, то это легко объяснить невѣжествомъ населенія, среди котораго даже грамотность распространена недостаточно. Можно предполагать, что по мѣрѣ роста народнаго просвѣщенія будетъ уходить почва изъ подъ ногъ знахарства и упрочиваться положеніе научной медицины.

Поразительнымъ явленіемъ представляется то, что и на Западѣ мы имѣемъ тоже пышный разцвѣтъ знахарства и это замѣчается не только въ католическихъ странахъ, но и въ самыхъ просвѣщенныхъ, протестантскихъ, гдѣ уровень культурности народныхъ

массъ стоитъ особенно высоко; это замѣчается въ Германіи, Англіи и Америкѣ. Трудно получить точныя цифровыя данныя по этому вопросу, но несомнѣнно, что противники научной медицины, какъ Кнейппъ, Ламаннъ, различные кружки лицъ, которые лѣчатъ болѣзни молитвой, пользуются громаднымъ успѣхомъ, привлекаютъ къ себѣ тысячи паціэнтовъ и являются характерной чертой общей картины жизни этихъ странъ. Въ Германіи по мѣрѣ того какъ происходитъ ростъ капитализаціи страны и во врачебномъ дѣлѣ начинаютъ играть роль крупныя предпріятія, въ которыхъ вложены большіе капиталы, какъ напр. санаторіи, курорты и т. п.; то же явленіе наблюдается и въ знахарствѣ и здѣсь возникаютъ крупныя капиталистическія лѣчебныя предпріятія, которыя только потому могутъ существовать, что обслуживаютъ массы пріѣзжающихъ больныхъ. И вотъ, значительныя размѣры этихъ лѣчебныхъ учрежденій указываютъ то существенное мѣсто, которое занимаетъ въ психологіи народныхъ массъ вѣра въ знахарское лѣченіе.

Въ статьѣ д-ра Гомолицкаго „Нѣмецкіе Шарлатаны“*) содержится много матеріала

*) Русское Богатство, 1900, № 6.

по вопросу о необыкновенномъ развитіи знахарства въ Германіи. Иллюстраціей могутъ служить слѣдующіе факты. По отчетамъ медицинскаго департамента саксонскаго королевства за 1898 г. видно, говоритъ д-ръ Гомолицкій, что въ нѣкоторыхъ городахъ королевства (Zittau, Kochlitz и др.) число знахарей превышаетъ даже число врачей, а въ городѣ Annaberg приходится на 28 врачей 36 знахарей. Всего врачей въ королевствѣ насчитывается 1897, а знахарей, причисляя сюда-же и недипломированныхъ зубныхъ врачей, около 900. Такимъ образомъ, на 2 врачей приходится въ среднемъ одинъ знахарь и при этомъ замѣчается, что число ихъ значительно выростаетъ съ каждымъ годомъ. Изъ цѣлаго ряда процессовъ можно заключить, какъ великъ вредъ, приносимый этими знахарями и какъ глубоко невѣжественъ народъ даже въ Германіи. Такіе знахари попадаютъ даже на фабрики, замѣщая тамъ мѣста фабричныхъ врачей.

Д-ръ Гомолицкій приводитъ въ своей статьѣ слѣдующую корреспонденцію изъ „Würt. Corr. Bl." отъ 23 декабря 1899 г.: „Уже нѣсколько недѣль, какъ здѣсь (въ Pforzheim'ѣ) живутъ два араба, пріобрѣвшіе себѣ въ качествѣ врачей чародѣевъ большую извѣстность. Десятки лицъ утвержда-

ютъ, что они были ими излѣчены. За обманъ одинъ арабъ былъ приговоренъ къ 8-ми дневному аресту. Когда это извѣстіе распространилось между его паціентами и къ этому еще прибавился слухъ, что послѣ отбытія наказанія послѣдуетъ высылка его изъ города, то доброжелатели его созвали большое собраніе, гдѣ съ энтузіазмомъ былъ выраженъ и 400-ми подписями удостовѣренъ протестъ противъ изгнанія и высказано полное довѣріе къ методамъ лѣченія шарлатановъ. Методъ-же лѣченія ихъ состоялъ въ массажѣ, примѣненіи горячаго масла, вина, настоеннаго на ревенѣ, соленой воды и пр., причемъ для усиленія дѣйствія микстуръ, въ нихъ бросались еще маленькіе листики бумаги съ написанными на нихъ никому непонятными гіероглифами.“ *)

Помимо фактовъ только что приведенныхъ нами изъ статьи д-ра Гомолицкаго, можно привести еще многочисленные другіе.

Такъ д-ръ Левенфелдъ говоритъ по поводу германскихъ условій, что образованіе и здравый смыслъ не всегда идутъ вмѣстѣ, такъ что приходится у многихъ людей, причисляемыхъ къ классу образованныхъ, встрѣчать такую наклонность къ суевѣрію и от-

*) loc. cit. стр. 136.

сутствіе критическаго отношенія, какихъ не приходится зачастую замѣчать у совершенно не получившихъ образованія представителей низшаго класса. „Если бы мы вздумали, говоритъ онъ, посовѣтовать интеллигентному рабочему противъ болѣзни носить амулетъ или какое нибудь изъ такъ называемыхъ симпатическихъ средствъ, то въ большинствѣ случаевъ мы получили бы въ отвѣтъ пожиманіе плечами; въ кругу образованныхъ, особенно у нѣкоторыхъ дамъ, эти средства до сихъ поръ встрѣчаютъ сочувствіе*).

Чѣмъ-же объясняется это чувство неудовлетворенности, которое вызываетъ современная медицина, не смотря на всѣ свои успѣхи? А несомнѣнно такое чувство существуетъ — широкіе круги населенія ищутъ медицинской помощи внѣ рамокъ научной медицины.

Можно привести цѣлый рядъ причинъ для объясненія этого явленія. Во первыхъ, міросозерцаніе широкихъ массъ и современное научное медицинское находятся другъ съ другомъ зачастую въ глубокомъ противорѣчіи. Не смотря на то, что культурный уровень народныхъ массъ въ Западной Европѣ значительно выше, чѣмъ у насъ, но и тамъ онъ

*) Löwenfeld. Lehrbuch der gesammten Psychotherapie. Wiesbaden, 1897. p. 59.

недостаточно высокъ: грамотность и внѣшній лоскъ сами по себѣ еще не составляютъ культурности.

Во вторыхъ, какъ не велики успѣхи медицины все таки самые главные враги людей — туберкулезъ, сифилисъ, злокачественные опухоли до сихъ поръ не побѣждены и по отношеніи къ нимъ медицина довольно таки безпомощна. И можетъ быть, частичныя успѣхи медицины, о которыхъ мы говорили выше, еще ярче заставляютъ чувствовать ее безпомощность въ этихъ болѣзняхъ. Наконецъ, нѣкоторые, какъ напримѣръ, Мечниковъ, думаютъ, что какъ бы ни были велики успѣхи медицины вообще, но человѣчество все же будетъ недовольно ея результатами, такъ какъ она не въ состояніи уничтожить два коренныхъ зла въ жизни живыхъ существъ — старость и смерть.

Эти мотивы чувства недовольства, которые возбуждаетъ медицина, лежатъ такъ сказать внѣ ея и измѣнить ихъ она не въ состояніи. Но можно себѣ представить, что источникъ этого недовольства коренится въ ней самой, что логическое построеніе научной медицины выведено изъ неполнаго матеріала, что въ своихъ выводахъ она не пользуется всѣми тѣми обобщеніями, которыми располагаетъ въ настоящее время че-

ловѣчество и поэтому эти выводы односторонни и частью невѣрны. Вотъ въ дальнѣйшемъ мы и попытаемся критически отнестись ко всей совокупности медицинскаго міросозерцанія настоящаго времени и отвѣтить на этотъ вопросъ.

II.

Главнѣйшія основы, на которыхъ построено все зданіе медицины настоящаго времени, заложены въ концѣ XVIII-го и въ началѣ XIX-го вѣка. Тѣ два главныхъ рычага, которыми обусловленъ весь громадный успѣхъ медицины за истекшее столѣтіе, намѣчены уже въ то время. Это, во первыхъ представленіе о томъ, что живое существо есть машина, въ которой все до послѣдней детали объясняется данными физики и химіи, совершенно также, какъ и въ неорганизованномъ мірѣ, и во вторыхъ физіологическіе опыты надъ живыми животными. Мы можемъ считать, что въ эпоху, которую мы назвали выше, были установлены основные факты и намѣчены тѣ пути, по которымъ наука пошла дальше. И какъ бы не были грандіозны результаты физіологіи и медицины за весь XIX-ый вѣкъ, эти результаты есть ничто иное, какъ логическое развитіе и накопленіе научныхъ фактовъ на пути, который былъ

показанъ Лавуазье, Биша, Леннекомъ и Маженди.

Представленію о живомъ существѣ, какъ о машинѣ, прочное научное основаніе было положено изслѣдованіями Лавуазье о дыханіи, которое сопровождается поглощеніемъ кислорода и выдѣленіемъ угольной кислоты, также, какъ и при горѣніи и которое онъ опредѣлилъ, какъ медленное горѣніе. Биша и Леннекъ показали связь между болѣзненными процессами съ одной стороны и патологоанатомическими измѣненіями въ тканяхъ, путь на которомъ впослѣдствіи сдѣлали такъ много Вирховъ и его послѣдователи. Наконецъ, Маженди систематически сталъ примѣнять опыты надъ животными для разрѣшенія физіологическихъ вопросовъ.

Изслѣдованія явленій жизни путемъ опытовъ надъ животными и взглядъ на живое существо, какъ на машину, явились двумя необыкновенно могучими орудіями научнаго изслѣдованія. Остановимся сперва на второмъ, возьмемъ, напримѣръ, изслѣдованія органовъ кровеобращенія. Всѣ старанія ученыхъ XIX-го вѣка были направлены къ тому, чтобы свести все, наблюдаемое здѣсь, къ чисто механическимъ законамъ: сердце представлялось въ видѣ насоса, а кровеносные сосуды — системой развѣтляющихся трубокъ.

Послѣ того, какъ физіологамъ удалось справиться съ этой задачей и свести явленія, которыя здѣсь наблюдаются, къ законамъ механики, передъ ними встала новая задача: объяснить съ точки зрѣнія физики и химіи явленія, происходящія въ живыхъ сердечныхъ клѣткахъ, изъ которыхъ состоитъ сердце и которыя своими сокращеніями проталкиваютъ кровь въ сосуды. Эта задача состоитъ въ томъ, чтобы живую клѣтку представить себѣ въ видѣ механизма. Задача эта до сихъ поръ не разрѣшена, но точка зрѣнія, которая была въ высшей степени плодотворна въ первой половинѣ изслѣдованія, остается такой-же плодотворной и здѣсь и ведетъ все къ новымъ и новымъ открытіямъ.

Наука не можетъ открыть абсолютную истину и не стремится къ этому. Когда говорятъ, что живое существо есть машина, то это есть ни что иное, какъ предположеніе — гипотеза, но гипотеза, оказавшаяся крайне плодотворной, такъ какъ она дала возможность открыть множество новыхъ соотношеній между явленіями, часть этихъ соотношеній позволила выразить въ цифрахъ; такимъ образомъ она позволила глубже проникнуть въ пониманіе явленій жизни и привела ко множеству выводовъ очень большого практическаго значенія. И на всемъ пути

этихъ научныхъ изслѣдованій опыты надъ животными являлись однимъ изъ самыхъ важныхъ элементовъ.

Общее явленіе, наблюдаемое въ наукѣ, это то, что методы изслѣдованія и пріемы мышленія сильно вліяютъ на тотъ матеріалъ, который составляетъ ея содержаніе. Такъ случилось и въ медицинѣ: объектъ ея изслѣдованія человѣкъ, но путь ея изслѣдованій былъ таковъ, что большая часть матеріала, съ которымъ она оперировала, были факты, добытые на животныхъ. Еще грубую анатомію можно было изучать на человѣческихъ трупахъ, но когда пришлось перейти къ изученію тонкаго, микроскопическаго строенія тканей, изъ которыхъ состоитъ человѣческое тѣло, то по неволѣ пришлось заняться изслѣдованіемъ на животныхъ. Дѣло въ томъ, что человѣка вскрывать можно только спустя, по крайней мѣрѣ, нѣсколько часовъ послѣ смерти и во всѣхъ странахъ установлены различные сроки, послѣ которыхъ можно приступить ко вскрытію, а за это время тонкое строеніе клѣтокъ уже успѣваетъ измѣниться.

Что же касается изученія отправленій человѣческаго тѣла, т. е. физіологіи, то оно цѣликомъ построено на основаніи опытовъ на животныхъ — вѣдь нельзя же дѣлать ви-

висекціи на человѣкѣ. И, если коечто и можно наблюдать на живомъ человѣкѣ и ставить на немъ опыты, которые не приносили бы ему вреда, то эти наблюденія надъ людьми и эти опыты во всемъ зданіи, возведенномъ физіологами, имѣютъ второстепенное значеніе.

Даже когда идетъ дѣло объ изученіи болѣзненныхъ явленій, то, хотя наблюденіе надъ больными доставляетъ массу матеріала, но для того чтобъ понять и освѣтить этотъ матеріалъ необходимы съ одной стороны обобщенія, добытыя физіологами, съ другой стороны опять таки опыты надъ животными: искусственное возпроизведеніе у нихъ болѣзненныхъ явленій и наблюденіе ихъ.

Возьмемъ для примѣра наблюденія надъ людьми, заболѣвшими какимъ либо заразнымъ заболѣваніемъ и съ другой стороны наблюденія надъ животными, искусственно зараженными микробами той же болѣзни. Разница въ возможности полноты и разносторонности изслѣдованія въ томъ и другомъ случаѣ очень рѣзкая. Дѣлая опыты надъ животными, можно взять микробовъ опредѣленной вредоносности, заразить цѣлый рядъ животныхъ, потомъ убивать ихъ въ опредѣленные промежутки времени и подвергать всѣ ихъ органы самому тщательному

и разностороннему микроскопическому и химическому изслѣдованію.

Совсѣмъ въ другомъ, далеко не столь выгодномъ для успѣха изслѣдованія, положеніи находится ученый у постели больнаго. Во первыхъ, не онъ хозяинъ матеріала, который онъ изслѣдуетъ, а этотъ матеріалъ — больные предъявляются ему болѣе или менѣе случайно — по мѣрѣ развитія эпидеміи. Анатомическія изслѣдованія измѣненій, происходящихъ въ больномъ организмѣ можно произвести только въ томъ случаѣ, если бываетъ вскрытіе; но и тогда изслѣдованіе затруднено тѣмъ, что его надо производить надъ органами, потерпѣвшими измѣненія вслѣдствіе гніенія трупа. Еще болѣе значенія имѣетъ то обстоятельство, что смерть при заразной болѣзни наступаетъ большею частью тогда, когда силы сопротивленія организма вторгнувшимся микробамъ уже сломлены. Такимъ образомъ на вскрытіи субъекта, умершаго отъ заразной болѣзни мы видимъ картину, соотвѣтствующую окончательному пораженію организма въ борьбѣ съ врагами. Изъ нея мы можемъ также мало судить о томъ, что происходило въ тотъ моментъ, когда организмъ не поддавался заразѣ, какъ трудно судить о томъ, что представлялъ изъ себя роскош-

ный дворецъ до пожара, видя передъ собою остатки зданія на пожарищѣ.

Изслѣдованіе больнаго организма въ настоящее время очень разработано. При изслѣдованіи у постели больнаго примѣняется все, что дали физика и химія и что стоитъ примѣнить для того, чтобы уловить процессы происходящіе въ организмѣ. Въ силу этого изслѣдованіе больнаго очень усложнилось, состоитъ изъ массы отдѣльныхъ изслѣдованій, чтобы овладѣть этой методикой нужны многіе годы и не смотря на это результаты, получаемыя съ помощію ея, зачастую оказываются только приблизительными. Такъ, напримѣръ, для того чтобы судить объ отправленіяхъ кровеносной системы однимъ изъ самыхъ важныхъ элементовъ является величина давленія, подъ которымъ движется кровь въ сосудахъ. На животномъ крайне просто опредѣлить эту величину, для этого нужно только вскрыть кровеносный сосудъ и приставить къ нему манометръ, но само собой разумѣется, что эта методика совершенно непримѣнима, когда мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ. И вотъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ, какъ разрабатывается вопросъ объ опредѣленіи кровянаго давленія у человѣка, придумано множество приборовъ, но задача эта до сихъ

поръ вполнѣ удовлетворительно не рѣшена. Поэтому, какъ ни многочисленны разнообразные методы, примѣняемые при изслѣдованіи больнаго человѣка, какъ они ни плодотворны, не смотря на блестящіе результаты, къ которымъ они въ общемъ приводятъ, выводы, которые дѣлаются о состояніи больнаго организма, объ отправленіяхъ тѣхъ или другихъ его органовъ, всегда представляютъ изъ себя ни что иное, какъ предположеніе; при томъ предположеніе, сдѣланное при помощи тѣхъ руководящихъ началъ, которые выработалъ физіологъ, дѣлая опыты надъ животными.

Послѣ этого, вполнѣ понятно, что, когда научно образованный врачъ, слѣдящій за наукой, думаетъ о томъ или другомъ отклоненіи отъ правильной дѣятельности того или другого органа у своего больнаго, у него передъ глазами встаютъ соотвѣтствующіе опыты изъ физіологической лабораторіи. Когда онъ имѣетъ дѣло съ неправильно работающимъ сердцемъ, ему тотчасъ же представляется или вырѣзанное изъ животнаго сердце, соединенное съ системой трубокъ, по которымъ оно снабжается согрѣтою, питательною жидкостью и при такихъ условіяхъ сокращающееся часами; или ему пред-
 ставляется картина физіологическаго опыта,

при которомъ сердце у животнаго оставлено на мѣстѣ и подъ вліяніемъ раздраженія тѣхъ или другихъ нервовъ мѣняетъ соотвѣтствующимъ образомъ свою дѣятельность.

Точно также, когда врачу приходится имѣть дѣло съ больнымъ, жалующимся на различныя неправильности въ дѣятельности его органовъ пищеваренія, врачъ тотчасъ возстановляетъ въ своей памяти оперированныхъ различнымъ способомъ собакъ И. П. Павлова, работы котораго внесли такъ много въ эту область. Точно также стоитъ дѣло, когда врачъ имѣетъ передъ собою человѣка, болѣзнь котораго зависитъ отъ проникновенія въ него тѣхъ или другихъ бактерій. Такъ, когда онъ имѣетъ передъ собою больнаго съ туберкулезнымъ пораженіемъ брюшины, онъ, чтобы лучше представить себѣ развитіе процесса, невольно вспоминаетъ о морскихъ свинкахъ, которымъ привиты въ брюшину туберкулезные бациллы; а когда передъ нимъ больные съ какой нибудь острой заразной болѣзнью ему прямо необходимо, для того чтобы представить себѣ связь между отдѣльными явленіями и ихъ развитіе, представить себѣ серію лабораторныхъ животныхъ зараженныхъ бактеріями въ различной дозѣ и различной силы.

И эта связь между клиникой и лабораторіей до такой степени ясна, что уже лѣтъ тридцать назадъ, если не болѣе, при клиникахъ начали устраивать лабораторіи, въ которыхъ на животныхъ можно было бы выяснить все то, что осталось неяснымъ у постели больнаго. Такая лабораторія была устроена, и С. П. Боткинымъ при его клиникѣ. Нужно помнить, что въ такой тѣсной связи клиники съ лабораторіей лежитъ основаніе достигнутыхъ большихъ результатовъ и залогъ дальнѣйшаго успѣшнаго развитія.

III

Такимъ образомъ взглядъ на живое существо, какъ на механизмъ, и постоянная связь лабораторіи съ клиникой явились основаніемъ громадныхъ успѣховъ медицины за послѣднее столѣтіе, но несомнѣнно оба эти теченія имѣли и свои невыгодныя послѣдствія. Дѣло заключается въ слѣдующемъ. Извѣстный методъ научнаго изслѣдованія является орудіемъ въ рукахъ научнаго работника. Но чѣмъ полезнѣе этотъ методъ, чѣмъ больше результатовъ онъ даетъ, тѣмъ болѣе онъ порабощаетъ работающихъ съ нимъ. Орудіе по своему передѣлываетъ работающихъ съ нимъ. Происходитъ это такимъ образомъ, что методъ изслѣдованія обусловливаетъ кругъ фактовъ, среди которыхъ вращается изслѣдователь и результаты изслѣдованія. Съ другой стороны понятно, что работа годами, поколѣніями надъ опредѣленнымъ матеріаломъ, въ опредѣленномъ направленіи передѣлываетъ по своему

самихъ работающихъ. Каковъ же тотъ отпечатокъ, который наложило на врача экспериментальное и матеріалистическое направленіе науки въ XIX. вѣкѣ?

Не можемъ не признать, что то направленіе, въ которомъ развивалась медицина за послѣдніе сто лѣтъ не могло не повлечь за собою упрощенія, схематизаціи представленія о больномъ человѣкѣ.

Само собой понятно, что представленіе живого существа въ видѣ машины роковымъ образомъ влечетъ за собою упрощеніе нашего взгляда на живое существо, схематизацію. Какія бы не дѣлались оговорки о необыкновенной сложности и совершенствѣ этой машины, всетаки при изслѣдованіи всегда будутъ выдвигаться впередъ болѣе элементарныя отношенія, общія у живого существа съ машинами, сдѣланными руками человѣка и оставаться въ тѣни болѣе сложныя явленія, не укладывающіяся въ настоящій моментъ въ формулы. Особенно, конечно, это выдвигается на первый планъ при изученіи явленій психической жизни. Является совершенно раціональнымъ объяснить самыя высшія свойства духа — идеалистическія стремленія, энтузіазмъ и т. п., какъ результатъ особаго строенія нервной системы и свойства химическихъ и другихъ молекуляр-

ныхъ процессовъ, происходящихъ въ ея элементахъ; но только эта задача лежитъ въ настоящее время внѣ предѣловъ научнаго изслѣдованія. Точно также то обстоятельство, что въ основу клиническихъ построеній обыкновенно кладется опытъ надъ лабораторными животными не могъ не отразиться на точкѣ зрѣнія, которую усвоили врачи на больнаго. Конечно, человѣкъ есть животное и животное, которое, вѣроятно ближе, родственнѣе человѣкообразнымъ обезьянамъ (орангъ-утангу, шимпанзе), чѣмъ эти послѣднія другимъ животнымъ и даже обезьянамъ. Но, если человѣкъ есть животное, то это все таки особое животное, отличающееся необыкновеннымъ развитіемъ душевной жизни, животное, поведеніе котораго можетъ руководиться сложными и высокими нравственными началами, способное къ необыкновенному подъему чувствъ.

Если мы теперь посмотримъ, какъ современная медицина лѣчитъ это существо, то увидимъ, что въ настоящее время стерлось какое бы то ни было различіе между медициной и ветеринаріей и первая вполнѣ укладывается въ рамки второй. Съ общей точки зрѣнія было бы вполнѣ правильно, если представить себѣ ветеринарію, какъ

болѣе общую науку, задача которой заключалась бы въ изученіи болѣзненныхъ явленій у всѣхъ животныхъ и лѣченіе ихъ. Тогда медицина являлась бы частью ветеринаріи, менѣе общей наукой, задача которой сводилась бы къ помощи больному человѣку. При этомъ, не смотря, на свой менѣе общій характеръ, медицина могла бы быть болѣе богатой по содержанію и болѣе разработанной наукой, въ виду большей сложности и высшей организаціи объекта, которымъ она занимается и въ виду того особеннаго интереса, который она представляетъ для человѣка.

Въ настоящее время дѣло стоитъ не такъ. Если мы возьмемъ ветеринарію, то есть прикладную науку, задача которой сводится на изученіе методовъ лѣченія всѣхъ животныхъ кромѣ человѣка и медицину, объектъ которой человѣкъ, то принципы, направленія мысли, на которыхъ они построены, являются совершенно тождественными. Каждый дѣльный ветеринаръ, достаточно полно изучившій свою спеціальность, могъ бы приступить къ лѣченію человѣка и нашелъ бы въ своей наукѣ всѣ необходимые ему общіе принципы. Ему пришлось бы дополнить свои знанія частными свѣдѣніями, касающимися человѣка, совершенно также,

какъ ему пришлось бы это сдѣлать, если бы ему вдругъ предложили лѣчить какой нибудь новый родъ животныхъ, съ анатоміей и физіологіей которыхъ онъ до того случайно не былъ знакомъ.

Такое положеніе дѣла, можетъ быть, было бы правильно, если-бъ дѣло шло только объ операціяхъ, такъ какъ одни и тѣже научныя основанія руководятъ операторомъ, имѣетъ-ли онъ дѣло съ человѣкомъ или животнымъ и каждая новая операція предварительно по многу разъ продѣлывается на животныхъ. Можетъ быть, такая точка зрѣнія приложима къ лѣченію острыхъ заразныхъ болѣзней, при которыхъ больной, или лежитъ безъ сознанія, или сознаніе затемнено. Въ этомъ случаѣ можно на больнаго смотрѣть, какъ на испорченный механизмъ, особенность котораго заключается въ томъ, что, если самыя важныя для его работы части сдѣлаются неподвижными, хотя-бы на одну минуту, то этотъ механизмъ безвозвратно погибнетъ; вся задача врача заключается здѣсь въ томъ, чтобъ заботливымъ уходомъ за этимъ механизмомъ въ цѣломъ и за отдѣльными его частями въ частности дать возможность опять наладиться правильному его ходу. На такого больнаго, еще пожалуй, можно смотрѣть какъ на больное

животное, которое нужно помѣстить въ особую обстановку и окружить заботливымъ уходомъ, чтобъ оно могло поправиться. Но въ громадномъ большинствѣ болѣзней человѣка такая упрощенная точка зрѣнія на больнаго недопустима и логически неправильна. При ней игнорируется вся та громадная разница, которая отдѣляетъ въ психическомъ отношеніи человѣка отъ самыхъ высшихъ животныхъ. Конечно, сердце играетъ въ человѣкѣ роль насоса, но смотрѣть на человѣка съ больнымъ сердцемъ, какъ на машину, въ которой испортился насосъ, строить всю систему лѣченія, руководясь только мыслью о томъ, какъ бы исправить эту испорченную часть механизма, было бы совершенно неосновательно, хотя это и дѣлаютъ.

Правда, есть одинъ отдѣлъ врачебныхъ мѣропріятій, который своимъ объектомъ избираетъ душевную жизнь больнаго и, воздѣйствуя на нее, стремится достигнуть излѣченія. Это, такъ называемая, психотерапія. Однако, если мы внимательно присмотримся къ этому отдѣлу медицины, то и здѣсь встрѣтимся съ тѣмъ-же цикломъ идей и пріемовъ, которыя примѣняетъ ветеринаръ, когда имѣетъ дѣло съ больнымъ животнымъ. На первомъ планѣ въ психотерапіи стоитъ цѣ-

лый рядъ мѣръ, направленныхъ къ тому, чтобы поднять бодрость больнаго. Конечно, когда дѣло идетъ о больномъ человѣкѣ, средства, съ помощію которыхъ врачъ старается поднять бодрость своего паціента, могутъ быть очень сложны, состоять изъ длинныхъ и разработанныхъ по содержанію рѣчей. Но, по существу дѣла всѣ эти пріемы не отличаются отъ попытокъ тономъ голоса и поглаживаніемъ ободрить больное животное, попытокъ, которыя всегда пробуетъ примѣнить въ бѣдѣ хозяинъ больнаго животнаго.

Второй рядъ врачебныхъ мѣропріятій, направленныхъ на душевную сторону жизни больнаго, заключается въ томъ, чтобы окружить больнаго пріятными впечатлѣніями и удалить все, что безъ нужды возбуждало и раздражало бы его. Конечно, при лѣченіи больнаго животнаго это играетъ меньшую роль, такъ какъ душевная жизнь животнаго играетъ меньшую роль въ экономіи его организма, но несомнѣнно и этотъ родъ лѣчебныхъ мѣропріятій всегда имѣется на лицо, когда имѣютъ дѣло съ больнымъ животнымъ. Всегда хозяинъ больнаго животнаго старается обращаться съ нимъ по возможности ласковѣе и совершенно недопустимо дразнить его.

Наконецъ, одинъ изъ самыхъ большихъ отдѣловъ современной психотерапіи заключается въ попыткахъ лѣчить съ помощію внушенія и гипнотизма *). Но, общеизвѣстно, что гипнозъ можно примѣнять и на животныхъ и это не есть лѣчебный пріемъ, примѣнимый исключительно къ человѣку. При этомъ, это не есть такой пріемъ, который стремится поднять до наиболѣе интенсивной дѣятельности наивысшія стороны души. Наоборотъ, это лѣчебный пріемъ, задача котораго заключается въ томъ, чтобы, правда на время, понизить уровень психической жизни пацієнта, съузить поле сознанія больнаго, сосредоточить его вниманіе на какомъ-нибудь одномъ фактѣ. Наконецъ, задача его заключается въ томъ, чтобы сломить сопротивляемость больнаго приказаніямъ извнѣ, а это соотвѣтствуетъ пониженію уровня психической личности больнаго.

Среди психотерапевтическихъ пріемовъ большое примѣненіе имѣетъ, такъ называемое, замаскированное внушеніе (larvierte Suggestion)**). При этомъ лѣчебномъ пріемѣ больной получаетъ какое-нибудь вещество,

---

*) См. напримѣръ, L. Löwenfeld, Lehrbuch der gesammten Psychoterapie, 1898, Wiesbaden.

**) См. Löwenfeld. op. cit. p. 129.

само по себѣ не имѣющее лѣчебныхъ свойствъ, но при этомъ больнаго убѣждаютъ въ томъ, что ему дается сильно дѣйствующее лѣкарство. Такимъ образомъ удается при извѣстныхъ условіяхъ, давъ больному пилюли изъ простого хлѣба или простую воду, самымъ благопріятнымъ образомъ воздѣйствовать на болѣзнь, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ такія индиферентныя вещества, если только субъектъ убѣжденъ въ ихъ сильномъ дѣйствіи, могутъ вызвать рѣзкіе физіологическіе эффекты, какъ напр. поносъ или запоръ, совершенно также, какъ еслибъ мы дали слабительное или опій. Эти явленія можно сопоставить съ такъ называемыми „условными“ рефлексами, изученіемъ которыхъ въ настоящее время занимается И. П. Павловъ. Явленіе это состоитъ въ слѣдующемъ. Собаку кормятъ всегда въ опредѣленной обстановкѣ и при этомъ дѣлаютъ что-нибудь не имѣющее непосредственной связи съ актомъ кормленія — напримѣръ, каждый разъ зажигаютъ лампу или ударяютъ въ гонгъ. Тогда между этимъ случайнымъ явленіемъ и представленіемъ объ ѣдѣ вырабатывается прочная ассоціація и каждый разъ зажиганіе лампы или звукъ гонга будетъ сопровождаться у собаки выдѣленіемъ обильнаго количества слюны и

желудочнаго сока, какъ будто, дѣйствительно, мы принесли кусокъ мяса или въ самомъ дѣлѣ покормили собаку. Если нѣсколько разъ зажиганіе лампы или звукъ гонга не будутъ сопровождаться кормленіемъ и наоборотъ кормленіе собаки будетъ производиться безъ нихъ, то получившаяся ассоціація начнетъ разрушаться и свѣтъ лампы или звукъ гонга будутъ вызывать выдѣленіе все меньшаго и меньшаго количества пищеварительныхъ жидкостей. Очевидно, если бы въ этомъ встрѣтилась необходимость, мы могли бы примѣнять у животныхъ съ лѣчебною цѣлью условные рефлексы аналогично тому, какъ мы примѣняемъ замаскированное внушеніе для лѣченія людей.

Правда, современный врачъ, имѣя дѣло съ больнымъ долженъ по неволѣ добиваться отъ послѣдняго сознательнаго отношенія и къ своему состоянію и къ лѣчебнымъ мѣропріятіямъ. Дѣло въ томъ, что въ настоящее время методъ лѣченія, обстановка, въ которой оно должно происходить, діэта, предосторожности, которыя долженъ принимать паціентъ, чтобы не повредить себѣ, до такой степени разработаны въ деталяхъ и до такой степени сложны, что провести ихъ въ жизнь возможно только при томъ условіи, что больной сознательно ко всему этому относится и

самъ раздѣляетъ точку зрѣнія своего врача и на причины заболѣванія, и на цѣлесообразность, примѣняемыхъ лѣчебныхъ мѣропріятій. Въ этомъ направленіи и долженъ воздѣйствовать врачъ на больного. Конечно такое отношеніе врача къ паціенту очень далеко отъ того отношенія, которое имѣется у ветеринара къ больному животному. Врачъ не только стремится дѣйствовать на сознаніе больного, но старается изъ него какъ бы воспитать врача, задачей котораго было бы леченіе самого себя. Но какъ ни рѣзко отличается эта картина отъ того, что мы наблюдаемъ въ отношеніяхъ ветеринара къ его паціентамъ, врачъ не можетъ научить своего паціента ничему иному, кромѣ того, что ему самому извѣстно, и какой бы понятливый и развитой паціентъ не былъ — и врачъ, и паціенты все таки будутъ роковымъ образомъ заключены въ одинъ кругъ идей, а, какъ мы старались показать выше, этотъ кругъ идей одинъ и тотъ же и для медицины и для ветеринаріи.

IV.

Современная ветеринарія представляется намъ стройной, логически построенной наукой, утилизировавшей для своихъ выводовъ весь тотъ фактическій матеріалъ, который былъ въ ея распоряженіи. Не то въ современной медицинѣ. Пріемы научнаго изслѣдованія, примѣнявшіеся въ теченіе прошлаго вѣка (взглядъ на живое существо, какъ на машину, и опыты на животныхъ), дали громадную массу новыхъ фактовъ и выводовъ, но эти факты и выводы загромоздили, задавили ее. Въ сознаніи врачей стерлось, остается въ тѣни то, что составляетъ главное отличіе человѣка отъ животныхъ, т. е. этическая сторона душевной жизни человѣка, его способность воодушевляться идеаломъ и руководиться имъ въ своихъ поступкахъ. Конечно, врачи не отрицаютъ, что такія стороны душевной жизни человѣка существуютъ, но они думаютъ что эти явленія не входятъ въ кругъ ихъ интересовъ,

что они не вліяютъ рѣзко на заболѣваемость и не являются лѣчебнымъ факторомъ. А если нѣкоторое вліяніе этихъ сторонъ душевной жизни на здоровье, какъ они признаютъ, и нельзя совсѣмъ исключить, то во всякомъ случаѣ вопросы о высшихъ сторонахъ психической жизни, объ идеалахъ, о стремленіи осуществить ихъ въ жизни не входятъ по мнѣнію врачей въ кругъ ихъ спеціальности и должны интересовать, можетъ быть, самого паціента, можетъ быть, кого нибудь другого, но только не врачей. Ихъ дѣло — это починить ногу, руку, сердце, мозгъ съ помощію тѣхъ, дѣйствительно могучихъ средствъ, которыя дали имъ въ руки физика, химія и экспериментъ надъ животными. Не смотря на то, что современная медицина строго, научно и послѣдовательно строитъ свои выводы, стараясь насколько возможно въ цифрахъ и формулахъ выразить открываемыя ею соотношенія фактовъ, все таки она повинна въ грубой логической ошибкѣ, въ ненаучности. Кто при своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ принимаетъ во вниманіе только часть доступныхъ для него фактовъ, тотъ приходитъ къ невѣрнымъ выводамъ, какъ бы строго логически не оперировалъ надъ тѣмъ неполнымъ матеріаломъ, который онъ включилъ

въ кругъ своего изслѣдованія, отбросивъ произвольно рядъ явленій, связанныхъ съ тѣмъ, что онъ изучаетъ.

Нужно при этомъ отмѣтить, что, если медицина сдѣлала за XIX вѣкъ громадный шагъ впередъ, то, повидимому, личность самого врача сильно измельчала по сравненію съ прошлымъ. Зависитъ это отъ измѣненій условій жизни. Въ прежнее время населеніе сосредоточивалось главнымъ образомъ въ маленькихъ городахъ и въ деревнѣ и притомъ отличалось очень небольшою подвижностью — семья всю свою жизнь проводила на одномъ и томъ же мѣстѣ и лѣчилась у одного и того же врача, на долю котораго приходилось иногда заботиться о здоровьѣ трехъ послѣдовательныхъ поколѣній. Это былъ, такъ называемый, домашній врачъ досконально знавшій своихъ паціентовъ, которые рождались, выростали и старились на его глазахъ. Ему не надо было собирать свѣдѣнія о прошломъ своего паціента, потому что все это прошлое проходило предъ его глазами. Такой врачъ не только зналъ семью больного, но, живя всю жизнь въ одномъ и томъ-же мѣстѣ, онъ, если не лѣчилъ самъ, то, по крайней мѣрѣ, по наслышкѣ зналъ всю родню своихъ паціентовъ. Насколько хорошо зналъ прежній врачъ своихъ боль-

ныхъ, настолько же хорошо были ему знакомы и обстановка и условія въ которыхъ они жили. Онъ былъ близкій уважаемый человѣкъ, съ которымъ они сжились и каждое слово котораго имѣло для нихъ серьезное значеніе.

Теперь это смѣнилось другой картиной жизни. Выросли громадные города, все населеніе стало гораздо болѣе подвижнымъ: сегодня человѣкъ живетъ въ одной мѣстности, завтра въ другой. Когда больные обращаются къ врачу, то являются къ нему, какъ совершенно незнакомые люди съ улицы, которымъ онъ можетъ посвятить въ лучшемъ случаѣ нѣсколько десятковъ минутъ и которые послѣ этого опять зачастую безслѣдно исчезаютъ въ толпѣ.

Самые успѣхи медицины не могли не понизить, можетъ быть, временно уровень личности врача. Медицинскія знанія такъ разрослись, такъ разработаны въ настоящее время, что охватить ихъ цѣликомъ нѣтъ возможности -- явилась необходимость спеціализаціи, и не только болѣе грубой спеціализаціи, т. е, раздѣленія на хирурговъ, врачей по внутреннимъ болѣзнямъ и т. п., но еще болѣе дробной внутри каждаго большого отдѣла; сюда относится напримѣръ, появленіе спеціалистовъ по болѣзнямъ ор-

гановъ пищеваренія, болѣзнямъ обмѣна веществъ и т. д. И правду сказать, такая дальнѣйшая спеціализація является залогомъ успѣховъ, потому что благодаря ей у одного врача подбирается большое число случаевъ одной и той же болѣзни и благодаря этому является для врача возможность болѣе детальнаго ея изученія и полученія новыхъ выводовъ. Но вотъ эта спеціализація повлекла за собою еще большую схематизацію больнаго въ глазахъ врача. Занимаясь какой нибудь одной системой органовъ, онъ съ точки зрѣнія исправности или неисправности этой системы смотритъ на всего человѣка, который представляется ему болѣе или менѣе испорченнымъ механизмомъ.

Наконецъ, условія жизни врача ухудшились: въ прежнее время онъ жилъ, можетъ быть, и скромно, но у него былъ досугъ, возможность отдохнуть, почитать, сосредоточиться въ самомъ себѣ. У современнаго же врача все время занято погоней за скуднымъ кускомъ хлѣба. Такимъ образомъ требованія предъявляемыя медициной къ личностямъ и врача, и больнаго, возросли, личность же самого врача, который долженъ воздѣйствовать на больнаго, принизилась.

Въ предыдущемъ мы часто сопоставляли
 ветеринарію и медицину. Является въ выс-

шей степени интереснымъ сопоставить результаты, достигнутые въ настоящее время той и другой. Въ публикѣ распространено нѣсколько пренебрежительное отношеніе къ ветеринаріи. Можетъ быть, причиной этого является плачевное состояніе ея въ прошломъ. Можетъ быть, при этомъ читателю невольно вспоминаются тщетныя попытки какого нибудь ветеринара вылѣчить испорченную лошадь и на умъ приходятъ приводимые по этому поводу сельскими хозяевами и крестьянами разсказы о подвигахъ сельскаго знахаря. Но это дѣло прошлаго, а въ настоящее время подъ вліяніемъ открытій Пастера ветеринарія преобразовалась въ одну изъ самыхъ могущественныхъ современныхъ наукъ. Даже въ такихъ некультурныхъ и отсталыхъ въ общественномъ отношеніи странахъ, какъ Россія, она дѣлаетъ чудеса, какъ напр. искорененіе такой ужасной болѣзни, какъ чума рогатаго скота, на пространствѣ Европейской Россіи.

Вооруженная знаніями, которыя принесла современная бактеріологія, и не имѣя необходимости церемониться съ жизнью отдѣльнаго животнаго, ветеринарія является въ настоящее время всемогущей. Уничтоженіе самыхъ ужасныхъ болѣзней, въ борьбѣ съ которыми опускаются руки у врачей, какъ

напр. съ туберкулезомъ, для ветеринаріи есть только вопросъ времени и затраты извѣстныхъ денежныхъ средствъ, которыя притомъ въ свое время вернутся сторицей. Уничтожить туберкулезъ въ извѣстномъ стадѣ или даже въ цѣломъ округѣ или странѣ является простымъ дѣломъ. Для этого нужно каждое стадо раздѣлить на двое, въ одномъ собрать всѣхъ больныхъ и подозрительныхъ животныхъ, въ другомъ здоровыхъ и постепенно увеличивать второе стадо на счетъ перваго, отпуская на приплодъ выращивая только здоровыхъ животныхъ. А современная бактеріологія даетъ возможность въ этомъ случаѣ поставить діагнозъ съ необыкновенной точностью. Мнѣ какъ то разъ пришлось замѣтить одному знакомому ветеринару, что имъ легко бороться съ распространеніемъ заразныхъ болѣзней среди животныхъ, такъ какъ они всегда могутъ убить больное животное и тѣмъ положить предѣлъ дальнѣйшему распространенію заразы. На это онъ возразилъ мнѣ, что если серьезно нужно бороться съ опасной заразой, то они убиваютъ не только больныхъ животныхъ, но и здоровыхъ, которыя были въ соприкосновеніи съ заболѣвшимъ.

Къ этому радикальному способу бороться
 съ заразой нужно добавить различныя привив-

ки и лѣчебныя и предохранительныя сыворотки, выработанныя для современной ветеринаріи бактеріологіей. Если въ настоящее время существуетъ въ широкихъ размѣрахъ какая либо болѣзнь скота, то это зависитъ либо отъ того, что противъ нея еще не успѣли принять мѣръ, или это объясняется тѣмъ, что убытокъ, доставляемый болѣзнью, не настолько великъ, чтобы стоило тратить средства на борьбу съ нею. Наконецъ, не надо забывать, что ветеринаръ вполнѣ въ своихъ рукахъ держитъ матеріалъ, о здоровьи котораго онъ заботится. Наслѣдственность въ его рукахъ только положительный факторъ. Подбирая такъ, какъ ему угодно производителей, онъ можетъ создавать новыя породы соотвѣтственно тѣмъ требованіямъ, которыя отвѣчаютъ его идеалу; можетъ создавать новыя породы, способные сопротивляться тѣмъ или другимъ вреднымъ вліяніямъ.

Не такъ стоитъ дѣло съ медициной: Имѣя передъ собою принципъ неприкосновенности человѣческой личности и тѣ соціально-политическія условія, среди которыхъ живутъ люди, медицина является связанной по рукамъ и по ногамъ по скольку дѣло касается примѣненія на практикѣ научныхъ результатовъ. Первое затрудненіе является

уже въ томъ, что она должна брать человѣческій матеріалъ, съ которымъ она оперируетъ, такимъ, какой онъ есть. Она не можетъ помѣшать туберкулезнымъ, сифилитичнымъ и выродившимся субъектамъ размножаться. Эти люди оставятъ послѣ себя больное потомство, основательно помочь которому современные врачи также мало могутъ, какъ они мало могли помочь ихъ родителямъ. Дѣти являются отраслями того же корня, какъ и ихъ родители, и одно хилое поколѣніе роковымъ образомъ смѣняетъ другое, принося каждое съ собою болѣзни и страданія. Улучшеніе породы людей по современнымъ научнымъ выводамъ мы можемъ ждать или отъ медленнаго воздѣйствія улучшенія общихъ условій жизни; такое улучшеніе породы вѣроятно, возможно, но его трудно объективно доказать. Или же мы можемъ ждать, что порода людей улучшится подъ вліяніемъ медленнаго и мучительнаго вымиранія слабѣйшихъ и вытѣсненія ихъ болѣе здоровыми и сильными.

Но, если бы даже медицина оказалась въ данный моментъ распорядительницей такихъ лѣчебныхъ средствъ и пріемовъ съ помощью которыхъ можно было бы уничтожить большинство болѣзней, это мало бы помогло людямъ. Дѣло въ томъ, что заболѣваемость

обусловливается не тѣмъ или другимъ уровнемъ медицинскихъ знаній, а производительностью человѣческаго труда и, самое главное, тѣмъ, какимъ образомъ продукты этого труда распредѣляются между людьми. А въ настоящее время они распредѣляются не пропорціонально тому на сколько каждый въ нихъ нуждается, а соотвѣтственно политической и соціальной силы отдѣльныхъ классовъ, причемъ наиболѣе трудящіеся классы являются наиболѣе обдѣленными. Въ большинствѣ случаевъ положеніе рабочаго человѣка по отношенію къ охраненію его здоровья хуже положенія рабочаго скота. Такъ какъ каждый предприниматель заинтересованъ въ томъ, чтобы его рабочій животный инвентарь былъ въ возможно лучшемъ состояніи, то онъ его старается держать въ возможно лучшей обстановкѣ. При заболѣваніи животнаго онъ его долженъ замѣстить новымъ, за которое ему придется заплатить соотвѣтственно его рыночной стоимости. Между тѣмъ какъ рабочій его интересуетъ только по стольку, по скольку онъ работаетъ и, если подъ вліяніемъ неразсчетливаго и безсовѣстнаго эксплуатированія его силъ, онъ тяжело заболѣетъ, то въ большинствѣ случаевъ хозяинъ тотчасъ же найдетъ ему замѣстителя. Рабочій представля-

етъ изъ себя единственную машину, за пользованіе которой предпринимателю приходится кое что платить, но ни о покупкѣ, ни о замѣнѣ ея новой безпокоиться ему нечего. Если бы современное государство представляло изъ себя большое хозяйство, все устройство и дѣятельность котораго были бы устремлены въ сторону наибольшей продуктивности и процвѣтанія цѣлаго, то тогда было бы болѣе почвы у всѣхъ стремленій, направленныхъ къ оздоровленію массы. Вѣдь каждый человѣкъ представляетъ изъ себя извѣстную продуктивную силу, создать которую стоило извѣстныхъ расходовъ для цѣлаго и которую въ виду этого слѣдуетъ беречь и возможно цѣлесообразнѣе и экономнѣе употреблять въ дѣло.

Но дѣло стоитъ не такъ. Современное государство представляетъ изъ себя хозяйство, которое ведется немногочисленнымъ правящимъ классомъ и притомъ сообразуясь не съ общей пользой, а только съ узкой точки зрѣнія эгоистическихъ интересовъ этого класса. Масса населенія для этого класса является настолько заслуживающей вниманія, насколько она является плательщицей косвенныхъ налоговъ, поставщицей солдатъ для защиты противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ и наконецъ, какъ рабочая сила,

которую эксплуатируютъ правящіе классы. Такъ какъ все хозяйство ведется не въ направленіи общей пользы, а ради выгоды незначительнаго меньшинства, понятно расточительное расходываніе народныхъ силъ. Для меньшинства безразлично, что рабочій быстро изнашивается и выходитъ изъ строя, лишь бы былъ на лицо новый на его мѣсто замѣститель. Для меньшинства безразлично, сколько ненужной муки и людского горя потрачено, чтобы вырастить этого замѣстителя, который въ свою очередь скоро будетъ выкинутъ какъ ненужная вещь, когда отдастъ на работѣ свои силы.

Есть знаменитый памфлетъ Свифта, подъ заглавіемъ „Скромное предложеніе, направленное къ тому, чтобы дѣти бѣднаго народа въ Ирландіи перестали бы быть бременемъ для своихъ родителей и сдѣлались полезными для общаго блага.“*) Въ немъ Свифтъ предлагаетъ для поднятія благосостоянія Ирландіи, ввести въ употребленіе среди богатыхъ классовъ въ пищу дѣтей бѣднаго населенія. До этого еще не дошло ни въ Ирландіи временъ Свифта, ни въ Россіи. Но, несмотря на это, дѣтская смертность

*) The Works of Jonathan Swift. Edinburgh, Nimmo, Hay a Mitschell, 1889, p. 475.

въ Россіи, есть одно изъ мрачныхъ явленій, какое только можно представить и можно сказать, что на ряду съ пшеницей, которую Россія вывозитъ за границу, она ежегодно производитъ массу дѣтскихъ трупиковъ, такъ какъ изъ каждыхъ тысячи родившихся дѣтей почти половина умираетъ не доживши до 5 лѣтъ.*) Легко представить себѣ, сколько горя и муки стоили населенію Россіи эти дѣтскія смерти.

Мы сдѣлали этотъ короткій очеркъ соціально политическихъ условій, среди кото-

*) По таблицѣ смертности, вычисленной проф. Борткевичемъ для православнаго населенія Россіи за десятилѣтіе съ 1874 по 1884, оказывается, что изъ тысячи родившихся со дня рожденія до 5 лѣтъ умираетъ 469,09, въ Западной же Европѣ всего 301,97. По свѣдѣніямъ Центральнаго Статистическаго Комитета въ среднемъ за 15 лѣтъ, съ 1867 по 1881 дѣтей отъ рожденія до 5 лѣтъ, на 1000 родившихся живыми, умерло 426,5, въ Западно Европейскихъ государствахъ соотвѣтствующая смертность составляетъ около 285 на тысячу; причемъ въ значительномъ числѣ странъ эта цифра еще ниже, такъ во Франціи — 248,7, Англіи — 246,1, Швеціи — 226,1, Даніи — 206,8, Норвегіи — 173,4, Ирландіи — 169,2. См. „Русская Земская Медицина“ (Обзоръ земской медицины, изданный для XII-го Международнаго съѣзда врачей, одинъ изъ томовъ „Земск. Медицинскаго Сборника“), Москва, 1899 стр. 27.

рыхъ приходится врачу бороться за здоровье своего паціента для того чтобы показать, какъ тяжелы эти условія. Изъ сказаннаго вытекаетъ, что, если стремиться къ тому, чтобы эта борьба была продуктивна, то врачъ долженъ утилизировать всѣ силы вложенныя въ человѣка, чтобы поднять его изъ того моря страданій, въ которомъ пребываетъ человѣчество. Къ числу такихъ неиспользованныхъ врачемъ силъ, силъ остававшихся до сихъ поръ внѣ области медицинскаго мышленія, принадлежитъ этическая сторона душевной жизни человѣка, его стремленіе къ идеалу и стремленіе воплотить этотъ идеалъ въ своей жизни.

V.

Для того чтобы дальнѣйшее изложеніе было вполнѣ понятно, мы приведемъ одинъ примѣръ изъ исторіи. Я буду говорить о рыцарствѣ, его идеалахъ и той обстановкѣ среди которой оно развилось. Нѣтъ сомнѣнія, что въ то время борьба человѣка съ человѣкомъ выливалась въ самыя простыя и грубыя формы. Грубая физическая сила, соединенная съ ловкостью и умѣньемъ владѣть оружіемъ, составляла главную основу жизненнаго успѣха. Для того чтобы побѣдить своихъ соперниковъ и хорошо съумѣть устроиться въ жизни, самое главное было умѣть твердой рукой направить копье, чтобы сбить противника съ лошади, умѣть ему раздробить голову палицей, умѣть найти шовъ въ его латахъ и ловко подколоть его кинжаломъ. Если на ряду съ этими талантами и требовались духовныя силы, то казалось бы онѣ должны были быть самаго низшаго порядка, въ родѣ лисьей хитрости,

умѣнья устроить засаду и заманить въ нее противника.

Между тѣмъ, какъ разъ въ эту эпоху мы имѣемъ разцвѣтъ самой идеалистической литературы и до сихъ поръ, если хотятъ привести примѣръ идеализма, то называютъ рыцарство. Идеаломъ мущины являлось защищать слабыхъ, служить женщинѣ, бороться за право и истину, обожать и поклоняться безкорыстно дамѣ своего сердца.

Вотъ какія обязанности возлагались на рыцаря, судя по тѣмъ наставленіямъ, которыя получилъ въ 1330 г. Гильомъ, графъ д'Остреванъ отъ епископа города Камбрэ: ежедневно слушать на тощакъ обѣдню; если нужно, то умереть за вѣру; покровительствовать вдовамъ и сиротамъ; не начинать войны безъ причины; не поддерживать несправедливаго дѣла, но защищать невинно угнетенныхъ; во всѣхъ дѣлахъ соблюдать смиреніе; охранять имущество своихъ подданныхъ; не предпринимать ничего враждебнаго противъ своего сеньера [1]).

До насъ дошло множество литературныхъ произведеній того времени въ видѣ, такъ называемыхъ, рыцарскихъ романовъ и по

---

1) Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ подъ ред. П. Г. Виноградова. Вып. 2-ой, стр. 772.

поводу ихъ Gaston Paris говоритъ, что они изображаютъ намъ соціальный, моральный и поэтическій идеалъ высшаго общества того времени, идеалъ, который оказывалъ извѣстное вліяніе на реальную жизнь. Къ этимъ романамъ восходитъ главнымъ образомъ тотъ оттѣнокъ рыцарства и утонченности, съ которымъ долго представлялись воображенію средніе вѣка: и этотъ оттѣнокъ, если онъ даже и былъ ничѣмъ другимъ какъ поверхностымъ слоемъ лака, все-таки былъ тѣмъ оттѣнкомъ, который люди того времени, по крайней мѣрѣ люди высшихъ классовъ, хотѣли дать своей жизни, который они отыскивали въ поэтическихъ произведеніяхъ и который они любили и который останется связаннымъ съ этой эпохой [1]).

Кажется трудно представить себѣ что либо, что менѣе подходило другъ къ другу какъ условія жизни въ рыцарскія времена и рыцарскіе идеалы, а между тѣмъ, повидимому, они органически связаны другъ съ другомъ. Когда къ человѣческой личности окружающая обстановка предъявляетъ необыкно-

---

*) Gaston Paris. Manuel d'ancien français. La littérature française au moyen age (XI—XIV siécle) p. 103—104. Paris. 1888.

венно суровыя требованія, вмѣстѣ съ ростомъ личности растетъ и идеалистическое настроеніе. Представимъ себѣ двухъ рыцарей того времени въ единоборствѣ, а всѣ битвы того времени складывались изъ отдѣльныхъ единоборствъ. Побѣдителемъ изъ битвы выйдетъ тотъ изъ двоихъ, кто окажется выносливѣе, рука у котораго вѣрнѣе, который въ самый опасный моментъ не потеряетъ присутствіе духа; тотъ, кто, все время, какъ въ первый такъ и въ послѣдній моментъ боя, зорко слѣдитъ за каждымъ движеніемъ противника, кто инстинктивно будетъ чувствовать, въ какую сторону направитъ его противникъ свое нападеніе въ ближайшій моментъ.

Представимъ теперь себѣ другъ противъ друга двоихъ противниковъ, приблизительно одинаковой физической силы и приблизительно одинаково умѣющихъ владѣть оружіемъ. Но, одинъ изъ нихъ просто грубое животное, которое вышло драться или изъ за корысти или изъ за избытка силъ, а противъ него, фанатично настроенный, человѣкъ, полный энтузіазма, у котораго нѣтъ и тѣни страха за свою жизнь, который во время битвы будетъ думать или о Пресвятой Дѣвѣ, во славу которой онъ сражается, или о дамѣ своего сердца, которую онъ боготворитъ или о вѣчной славѣ, которую

онъ завоюетъ. Понятно, что побѣдитъ второй.

Такимъ образомъ это идеалистическое, рыцарское настроеніе, которое намъ кажется совершенно невяжущимся съ мрачной, полной насилія, обстановкой жизни въ Средніе Вѣка, наоборотъ логически и необходимо вытекало изъ тѣхъ суровыхъ требованій, которыя предъявляла жизнь къ человѣку. Отъ послѣдняго требовалась только звѣриная сила и ловкость въ борьбѣ, но даже для того, чтобы человѣкъ проявилъ максимумъ этихъ свойствъ, необходимо, чтобы его духъ былъ поднятъ на высоты идеализма.

То, что намъ кажется въ рыцарствѣ случайнымъ наростомъ, тонкостями и искусственностью, выработанными благодаря привольной и обильной досугомъ жизни, на самомъ дѣлѣ было необходимымъ элементомъ. Рыцарскіе идеалы были такимъ же необходимымъ средствомъ въ борьбѣ за жизнь, какъ и вооруженіе, и умѣнье съ послѣднимъ обращаться.

Иллюстраціей того, что идеалистическое настроеніе является рѣшающимъ побѣду въ самой, казалось-бы, грубой физической борьбѣ, мы приведемъ Кромвельскія войска. Трудно представить себѣ болѣе рѣзкое проявленіе грубой физической силы,

какъ аттака тяжелой кавалеріи. Она состоитъ въ томъ, что отрядъ закованныхъ въ латы всадниковъ на тяжелыхъ лошадяхъ устремляется на противника съ тѣмъ, чтобы опрокинуть и раздавить его тяжестью лошадей, разогнанныхъ въ карьеръ. Здѣсь какъ бы тяжелая масса стремится впередъ съ тѣмъ, чтобы все сокрушить предъ собою, какъ сокрушаетъ все предъ собою горная лавина.

Однако и въ этомъ случаѣ рѣшающимъ моментомъ является энтузіазмъ и идеалистическое настроеніе, какъ показывалъ примѣръ пуританской конницы (желѣзнобокихъ Кромвеля). При началѣ борьбы парламента съ королемъ исходъ ея былъ неопредѣленъ и войска парламента большею частью терпѣли пораженія. Тогда одинъ изъ второстепенныхъ вождей, впослѣдствіи знаменитый, Кромвель увидѣлъ, что войска собранные изъ „несчастныхъ половыхъ и городскихъ подмастерьевъ“ какъ онъ выражался, „никогда не выстоятъ противъ благородныхъ людей“, и сталъ указывать на религіозный энтузіазмъ, какъ на единственное оружіе, которымъ можно было бы бороться съ военнымъ искусствомъ кавалеровъ. Онъ на свои средства собралъ полкъ людей, исполненныхъ такого энтузіазма. Эти солдаты

были „прекрасные люди“ — какъ говорилъ впослѣдствіи Оливеръ Кромвель. Въ ихъ рядахъ не дозволялось ни кощунства, ни пьянства, ни безпорядковъ, ни отсутствіе благочестія („За всякое ругательство солдатъ платилъ двѣнадцать пенсовъ штрафа“.) Въ первой же битвѣ королевскія войска не могли выдержать аттаки этого полка. „Богъ отдалъ ихъ нашимъ мечамъ, какъ солому жнецу“ — писалъ Кромвель на другой день послѣ битвы.

На основаніи опыта этой битвы была реорганизована вся парламентская армія и тѣ принципы, на которыхъ Кромвель сформировалъ свою бригаду „желѣзнобокихъ“ (ironsides), были приняты и при пересозданіи арміи. При этомъ преслѣдовалась единственная цѣль собрать двадцать тысячъ „честныхъ“ людей. „Съ особеннымъ стараніемъ выбирайте кавалерійскихъ капитановъ — писалъ Кромвель — и вообще кавалеристовъ. Лучше пусть будетъ немного людей, но людей честныхъ. Если вы назначите кавалерійскими капитанами благочестивыхъ, честныхъ людей, за ними пойдутъ и другіе честные люди.“ Набранная на такихъ основаніяхъ, армія оказалась непобѣдимой и понятно, почему. Эта армія рѣзко отличалась по своему устройству и по своему

настроенію отъ всѣхъ армій, когда либо существовавшихъ въ какой либо странѣ. Ряды этой арміи были наполнены по большей части, пишетъ Гринъ, молодыми фермерами и мелкими торговцами, содержавшими себя на свой счетъ, такъ какъ жалованье имъ, случалось, не платилось по двѣнадцати мѣсяцевъ. Они спеціально гордились репутаціей „честныхъ“ и религіозныхъ людей и несмотря на весь энтузіазмъ и фанатизмъ, въ ихъ лагерѣ господствовалъ полный порядокъ и благочестіе. Они смотрѣли на себя не какъ на наемниковъ — рубакъ, которыхъ можно было взять или отпустить по волѣ нанимателя, но какъ на людей, оставившихъ свои фермы и лавочки по прямому призыву Бога. Имъ было поручено совершить великое дѣло — полагали они — и призваніе связывало ихъ до тѣхъ поръ, пока оно не было выполнено*). Говорятъ, что старые испытанные солдаты чувствуютъ извѣстную жуткость наканунѣ большой битвы. А про пуританскія войска разсказывали, что они ожидаютъ битву съ такимъ нетерпѣніемъ и радостью, съ какой влюбленный ждетъ день своей свадьбы.

---

*) Гринъ. Исторія англійскаго народа. Томъ III. глава X, стр. 204. Москва, Изд. Солдатенкова, 1892.

Такимъ образомъ, мы видимъ, для того чтобы выйти побѣдителемъ изъ грубой физической борьбы, человѣкъ нуждается въ идеалистическомъ подъемѣ духа. Но, если это такъ, то борьба съ болѣзнью, борьба за здоровье должна требовать еще большаго подъема идеализма отъ человѣка.

VI.

Для того чтобы выяснить читателямъ, какую роль играютъ душевныя силы при излѣченіи отъ болѣзней, надо остановиться на томъ, что такое болѣзнь съ точки зрѣнія современной науки и какъ ее лѣчить въ настоящее время.

Контъ и Спенсеръ, сопоставляя между собою живое существо и тѣло изъ неорганизованнаго міра, характернѣйшимъ свойствомъ перваго выставляютъ то, что въ живомъ тѣлѣ процессы идутъ въ соотвѣтствіи съ окружающей его средой (correspondence entre l'organisme et le milieu environnant). Какое бы низшее существо мы не взяли, мы найдемъ всегда его приспособленнымъ къ той средѣ, въ которой оно живетъ. Оно всегда приспособлено къ тому, чтобы добывать пищу изъ окружающаго и избѣгать враговъ, которые его окружаютъ. Присматриваясь къ живому существу мы увидимъ, что въ немъ протекаетъ цѣлый гармоническій, пра-

вильный циклъ внутреннихъ процессовъ и живое существо всѣми средствами старается защитить правильность и ненарушимость этихъ процессовъ отъ враждебныхъ вліяній внѣшняго міра. Возьмемъ для примѣра какое нибудь теплокровное животное; его самыя важныя жизненныя части требуютъ постоянно одной и той же температуры для того, чтобы они могли жить и функціонировать правильно. И вотъ организмъ этихъ животныхъ снабженъ очень сложными приспособленіями для регулированія температуры въ этихъ предѣлахъ. Представьте себѣ, что животное попадаетъ въ болѣе холодное помѣщеніе, тогда тотчасъ же уменьшается отдача тепла окружающему благодаря тому, что съуживаются кровеносные сосуды наружныхъ покрововъ; въ то же время увеличивается теплопроизводство въ организмѣ. Наоборотъ, если животное попадаетъ въ болѣе теплую обстановку — увеличивается, съ одной стороны, тепло отдача, съ другой стороны уменьшается производство тепла. Такимъ образомъ организмъ старается сохранить правильнымъ и гармоничнымъ ходъ, происходящихъ въ немъ процессовъ. И на каждое измѣненіе въ окружающемъ онъ реагируетъ соотвѣтствующимъ образомъ, для того чтобъ сдѣлать

безвреднымъ для себя происшедшее внѣ его измѣненіе.

Но измѣненія въ окружающемъ могутъ быть болѣе или менѣе рѣзкія, и вотъ, смотря по тому какъ отнесется организмъ къ этимъ измѣненіямъ, можетъ быть наблюдаема различная постепенность явленій. Когда такое измѣненіе въ окружающей средѣ не очень рѣзкое и принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которыя обычно встрѣчаются въ этой обстановкѣ и къ которымъ этотъ организмъ привыченъ, приспособленъ по своей организаціи, то послѣдній отвѣчаетъ на него, соотвѣтствующимъ измѣненіемъ, происходящихъ въ немъ процессовъ и правильный ходъ жизни его при этомъ не нарушается. Когда интенсивность измѣненія, произошедшаго въ окружающемъ, превзойдетъ извѣстные предѣлы, то оно уже не является такимъ безвреднымъ для организма и произведетъ въ немъ рѣзкое нарушеніе обычнаго хода жизненныхъ процессовъ, причемъ и въ этомъ случаѣ организмъ старается компенсировать наступившее нарушеніе такъ, чтобы отклоненіе отъ нормы было бы возможно меньше. Мы и будемъ имѣть въ этомъ случаѣ то, что называется болѣзнью. Наконецъ, когда интенсивность измѣненій въ окружающемъ достигнетъ еще большей степени, въ организмѣ не только

происходитъ рѣзкое нарушеніе жизненныхъ процессовъ, оно оканчивается смертью. Такъ, когда, напримѣръ, охлажденіе окружающей среды не превосходитъ извѣстныхъ размѣровъ, то организмъ компенсируетъ его соотвѣтственнымъ измѣненіемъ внутреннихъ процессовъ безъ вреда для себя. Когда пониженіе температуры достигаетъ большихъ размѣровъ, то организмъ не въ состояніи уже компенсировать происшедшее нарушеніе процессовъ и мы будемъ имѣть въ той или другой формѣ простудное заболѣваніе. Наконецъ, еще болѣе рѣзкое охлажденіе организма можетъ повлечь за собой его смерть.

Какъ другой примѣръ, мы приведемъ отношеніе организма къ бактеріямъ, существамъ, размножающимся на органическихъ веществахъ и послѣ смерти организма питающимся на счетъ трупа и разрушающимъ его. Организмъ постоянно приходитъ въ соприкосновеніе съ бактеріями, которыя постоянно стремятся разрушить живое существо, но организмъ снабженъ цѣлымъ рядомъ приспособленій для того чтобы оградиться отъ нихъ. Такъ, вся поверхность тѣла покрыта особымъ эластичнымъ слоемъ непроницаемымъ для нихъ, при обычныхъ условіяхъ.

 Поверхность дыхательныхъ путей выложена

особенными клѣтками, снабженными рѣсничками, которыя постояннымъ движеніемъ удаляютъ кнаружи всѣ частички, попавшія въ дыхательные пути. Пищеварительные соки тоже оказываютъ неблагопріятное дѣйствіе на извѣстные виды микробовъ. Мы перечислили нѣкоторые изъ тѣхъ способовъ защиты организма противъ бактерій, способовъ, которые представляютъ изъ себя первую защитительную ограду организма противъ его враговъ. Но, когда чрезъ нея они все таки проникаютъ внутрь организма, то послѣдній обладаетъ еще рядомъ защитительныхъ средствъ, изъ которыхъ самое замѣчательное это армія особыхъ клѣтокъ — бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ, которыя нападаютъ на бактеріи, пожираютъ ихъ и внутри которыхъ бактеріи погибаютъ. Если бактеріи проникли уже внутрь организма, то, хотя въ большинствѣ случаевъ послѣднему удается отъ нихъ освободиться, но это сопровождается для него рѣзкимъ нарушеніемъ нормальнаго хода его жизненныхъ процессовъ; это нарушеніе и представляетъ изъ себя то, что называютъ заразнымъ заболѣваніемъ. Въ томъ-же случаѣ, если организмъ ослабленъ отъ тѣхъ или другихъ причинъ, или микробы оказываются особенно сильными, борьба между организмомъ и ими, 65

рѣшается не въ пользу перваго и живое существо погибаетъ.

Если мы обладаемъ способностью противостоять нападенію многочисленныхъ бактерій, которыя насъ окружаютъ со всѣхъ сторонъ, то это объясняется тѣмъ, что многочисленныя поколѣнія живыхъ существъ боролись за свое существованіе и вырабатывали въ себѣ средства защиты противъ окружающаго. И живое существо только потому можетъ существовать, что оно приспособлено къ той обстановкѣ, которая его окружаетъ. Представимъ себѣ, что въ извѣстную мѣстность занесена бактерія болѣзни, которой до сихъ поръ тамъ не существовало или какая либо изъ бактерій, существовавшихъ здѣсь раньше, выработала себѣ новое орудіе нападенія. Тогда здѣсь возникаетъ новая эпидемія, которая можетъ произвести страшныя опустошенія, пока существа, живущія въ этой мѣстности и подвергающіяся нападенію этихъ бактерій не выработаютъ въ себѣ средства защиты или, какъ говорятъ обыкновенно, не выработаютъ противъ этой болѣзни иммунитета.

Среда, въ которой живутъ живыя существа, постоянно претерпѣваетъ извѣстныя измѣненія, соотвѣтственно съ этими видоизмѣненіями эволюціонируютъ и живыя су-

щества. Здоровьемъ, согласно точкѣ зрѣнія которую я развиваю здѣсь, будетъ называться такое состояніе, когда между организмомъ и окружающей средой существуетъ извѣстное соотвѣтствіе, гармонія. Когда это соотвѣтствіе нарушено, наступаетъ болѣзнь; если же это нарушеніе соотвѣтствія достигаетъ черезчуръ большихъ предѣловъ, то живое существо погибаетъ.

VII.

Это опредѣленіе здоровья и болѣзни очень важно для того, чтобы сознательно отнестись къ тому, какія задачи ставитъ себѣ современный научно образованный врачъ, когда изслѣдуетъ больного и назначаетъ ему лѣченіе. Когда-то, имѣя предъ собою больного врачъ задавался вопросомъ, какая у него болѣзнь. Главное было поставить діагнозъ этой болѣзни. Отъ этого времени еще сохранились въ больницахъ доски у постели каждаго больного съ обозначеніемъ болѣзни (Morbus такой-то). Въ настоящее время задача врача, который имѣетъ предъ собою больного, не поставить діагнозъ болѣзни, а изучить всесторонне этого человѣка, опредѣлить въ какомъ состояніи находятся всѣ его органы, какъ они функціонируютъ, въ которыхъ изъ нихъ дѣятельность повышена и въ которыхъ понижена и въ какихъ направленіяхъ замѣчаются въ нихъ отклоненія
 отъ нормы. Послѣ такого всесторонняго

изученія больного, въ меньшинствѣ случаевъ удается съ помощію какого либо простого вмѣшательства (какъ напримѣръ, хирургическаго или пріема какого либо лекарства) направить отклоненныя функціи опять въ нормальныя рамки. Въ громадномъ-же большинствѣ случаевъ этого недостаточно и врачъ долженъ составить для своего больнаго сложную систему предписаній, охватывающихъ обстановку и образъ жизни его паціента. Когда организмъ боленъ, это значитъ, что онъ не находится въ соотвѣтствіи съ той средой, которая его окружаетъ. Если врачъ не въ состояніи измѣнить организмъ больного, то онъ можетъ окружить его средой, видоизмѣненной такимъ образомъ, чтобы она находилась въ соотвѣтствіи съ больнымъ живымъ существомъ. Иногда эта искусственная, приспособленная къ больному организму, обстановка нужна только временно для того чтобы дать возможность больному организму набрать силъ, привести къ гармоніи нарушенныя, неправильныя функціи временно измѣненныхъ органовъ. Въ такомъ случаѣ, поправившись, организмъ опять можетъ вернуться къ обычной обстановкѣ. Въ другихъ же случаяхъ органы больного настолько измѣнены и отправленія ихъ нарушены, что уже возврата къ былому нѣтъ. Но и тутъ,

умѣло выработанная и проведенная въ жизнь, обстановка можетъ на долго сохранить жизнь больного и даже дать ему возможность участвовать въ жизни окружающихъ его. Для того чтобы представить читателю возможно яснѣе, какъ должно быть поставлено леченіе въ случаѣ хроническихъ заболѣваній приводимъ нѣсколько примѣровъ.

Возмемъ болѣе простой случай — человѣка съ больнымъ сердцемъ, т. е. человѣка, у котораго сердце — центральный насосъ, постоянно накачивающій кровь въ сосуды и заставляющій ее переливаться по самымъ мелкимъ ихъ развѣтленіямъ, всюду разнося кислородъ и питательныя вещества и взамѣнъ этого унося ненужныя и вредныя вещества — представимъ себѣ, что этотъ насосъ вслѣдствіе той или другой причины работаетъ недостаточно.

Само по себѣ сердце представляетъ изъ себя эластическій мѣшокъ, сокращающійся чрезъ опредѣленные промежутки времени, состоящій изъ нѣсколькихъ полостей, снабженныхъ клапанами, которые позволяютъ крови двигаться только въ одномъ и томъ же направленіи. Гуттаперчевый балонъ, которымъ снабжаютъ пульверизаторы, очень напоминаетъ сердце. Разница лишь только

въ томъ, что балонъ сжимается рукой человѣка, который его употребляетъ, между тѣмъ сила, заставляющая сокращаться сердце, заложена въ его стѣнкахъ — это живыя мышечныя клѣтки, изъ которыхъ состоитъ сердце. Между сердцемъ и другимъ органомъ, состоящимъ изъ мышцъ, напримѣръ, рукой та разница, что, если послѣднюю отдѣлить отъ организма, (не нужно даже ее совсѣмъ отрѣзывать — достаточно только перерѣзать, идущіе къ ней, нервы), и она потеряетъ способность двигаться. Не то сердце — аппаратъ, приводящій его въ движеніе и заставляющій сокращаться его мышечныя клѣтки, заложенъ въ немъ самомъ, такъ что сердце, даже вырѣзанное изъ организма при благопріятныхъ условіяхъ можетъ часами сокращаться. Каковъ аппаратъ, заставляющій ритмически сокращаться сердечныя клѣтки, до сихъ поръ еще невыяснено и мнѣнія физіологовъ по этому поводу раздѣлены на двѣ группы. По мнѣнію однихъ, раздраженія, заставляющія сокращаться мышечныя клѣтки, посылаются особыми нервными клѣтками, заложенными въ сердцѣ. По мнѣнію другихъ, способность сокращаться чрезъ опредѣленные промежутки времени присуща самимъ сердечнымъ мышечнымъ клѣткамъ, независимо отъ какихъ либо нервныхъ клѣ-

токъ. Какъ бы тамъ не было, но въ сердцѣ мы имѣемъ полый мышечный органъ, обладающій свойствомъ сокращаться чрезъ опредѣленные промежутки времени и работающій безъ перерыва всю жизнь человѣка, прогоняя кровь по его сосудамъ. Но, если даже и согласиться съ тѣми учеными, которые думаютъ, что мышечныя клѣтки сердца не нуждаются ни въ какихъ импульсахъ, приходящихъ изъ нервныхъ клѣтокъ, для того чтобы ритмически сокращаться, все-таки нервная система играетъ громадную роль въ работѣ сердца. Дѣло въ томъ, что сердце посредствомъ массы нервныхъ волоконъ соединено съ центральной нервной системой, а чрезъ посредство нея со всѣми частями организма и вотъ посредствомъ этихъ многочисленныхъ нервныхъ путей регулируется и видоизмѣняется работа сердца сообразно съ потребностями цѣлаго организма и его отдѣльныхъ частей. Эти нервные пути самымъ разнообразнымъ образомъ воздѣйствуютъ на мышечныя клѣтки сердца. Раньше всего были открыты нервные пути, дѣйствующіе на ритмъ сердечныхъ сокращеній — замедляющіе сердечные сокращенія нервы и ускоряющіе. Потомъ сдѣлалось вѣроятнымъ существованіе нервовъ, измѣняющихъ энергію каждаго отдѣльнаго

сокращенія -- одни усиливающіе сокращенія сердца, другіе ослабляющіе. Наконецъ кромѣ этихъ воздѣйствій физіологи предполагаютъ рядъ нервовъ, измѣняющихъ еще въ иныхъ направленіяхъ свойства мышечныхъ клѣтокъ, но мы не будемъ уже дальше углубляться въ этотъ вопросъ.

Благодаря этимъ сложнымъ нервнымъ соединеніямъ работа самостоятельно сокращающагося сердца оказывается приспособленной въ каждый данный моментъ къ измѣняющимся потребностямъ цѣлаго. Зависимость дѣятельности сердца отъ общаго состоянія организма извѣстна съ первобытныхъ временъ, особенно зависимость его дѣятельности, отъ душевныхъ состояній — временныя усиленія или ослабленія его дѣятельности въ зависимости отъ того или другого интенсивнаго душевнаго акта. Не даромъ рѣчь до сихъ поръ сохранила на себѣ слѣды того состоянія знанія, по которому сердце являлось въ представленіи людей мѣстомъ интенсивныхъ душевныхъ процессовъ.

Берлинскій физіологъ Энгельманъ, описывая способность сердца самостоятельно сокращаться и зависимость характера его дѣятельности отъ всего организма, сравниваетъ его съ приборомъ для механической

игры на фортепіано, съ піанолой. *) Этотъ приборъ благодаря особымъ нотамъ (пластинки съ прорѣзами), которыя въ него вставляютъ, играетъ пьесы, а, управляющій имъ, человѣкъ можетъ по своему желанію мѣнять тембръ звуковъ и ритмъ въ исполняемой пьесѣ и такимъ образомъ давать тонкіе оттѣнки исполняемымъ вещамъ. Такъ и сердце, обладая способностью самостоятельно сокращаться, находится въ то же время подъ вліяніемъ нервной системы и такимъ путемъ дѣятельность его все время приспособляется къ потребностямъ всего организма.

Представимъ себѣ, что сердце неудовлетворительно работаетъ вслѣдствіе той или другой причины, напримѣръ, вслѣдствіе того что одинъ изъ его клапановъ испорченъ. Что долженъ дѣлать врачъ? Поправить испорченный клапанъ онъ не можетъ. Если сердце ослабѣло, то съ помощію лекарствъ или другихъ врачебныхъ мѣропріятій врачъ можетъ только временно усилить его дѣятельность и если больной будетъ оставаться все въ прежней обстановкѣ, въ прежнихъ условіяхъ жизни и дѣятельности, то это временное улучшеніе быстро сгладится и смѣнится

*) Engelmann, Das Herz, Festrede gehalten am Stiftungstage der Kaiser Wilhelms Akademie, den 2. Dec. 1903, Leipzig, 1904.

еще болѣе рѣзкимъ ухудшеніемъ дѣятельности сердца.

Не имѣя возможности замѣнить плохое сердце хорошимъ или длительно его поправить, врачъ, зная, что сердце является въ этомъ случаѣ слабымъ пунктомъ всего организма, долженъ выработать для больного такую систему жизни, которая бы предъявляла меньшія требованія къ работѣ сердца.

Сердцу особенно приходится усиленно работать въ зависимости отъ физической, мускульной работы человѣка. Такимъ образомъ врачъ долженъ тщательно удалить изъ образа жизни человѣка съ больнымъ сердцемъ усиленный мышечный трудъ, въ какой бы послѣдній формѣ не представлялся. И въ этомъ отношеніи первое мѣсто по вреду, который оно приноситъ больному, является восхожденіе на лѣстницы и на высоты. Это и понятно, такъ какъ во время этихъ восхожденій раньше всего больное сердце начинаетъ давать себя чувствовать сердцебіеніемъ и одышкой. Разъ выяснено, что сердце ненормально, то появленіе этихъ непріятныхъ ощущеній обыкновенно указываетъ на то, что на сердце возложена непосильная работа. Но не только восхожденіе на высоты, но и всякая мышечная работа, какъ поднятіе тяжестей, тяжелая ручная

работа являются вредными. Даже простое передвиженіе по ровной поверхности свыше извѣстныхъ предѣловъ является непосильнымъ и вреднымъ для сердца.

Но изъ этого было бы несправедливо заключить, что для больного сердцемъ предписывается безусловный покой. Полный покой и даже лежаніе въ постели необходимо для такого больного только въ особенно тяжелыхъ состояніяхъ или, какъ временная лѣчебная мѣра съ тѣмъ, чтобы дать сердцу возможность оправиться отъ временнаго разстройства. И лишать больного при всякомъ состояніи сердца возможности двигаться было бы совершенно неосновательно. Дѣло въ томъ, что мышцы, какъ и другіе наши органы, для того чтобы сохраниться въ удовлетворительномъ состояніи, должны работать и насильственный чрезмѣрный покой приноситъ имъ въ такой же степени вредъ, какъ и чрезмѣрная непосильная работа. Такимъ образомъ и для сердечнаго больного чрезъ чуръ строгое запрещеніе движенія и физической работы можетъ принести вредъ, такъ какъ покой не въ мѣру ослабитъ сердце.

Далѣе больной сердцемъ долженъ избѣгать употребленіе всѣхъ, такъ называемыхъ сердечныхъ ядовъ, особенно же табака и алкоголя. Тѣ вещества, которыя могутъ

возбудить сердцебіеніе, какъ крѣпкій кофе и чай, тоже должны быть избѣгаемы. Нужно избѣгать всего, что рѣзко нарушаетъ дѣятельность сердца, какъ то холодныя ванны, а особенно морскія и рѣчныя купанья и также обычныя ванны должны быть дѣлаемы съ извѣстными предосторожностями для того чтобы они не повредили больному.

Такой больной долженъ тоже опасаться простуды и не подвергать себя ей, опасаться заразныхъ болѣзней даже такихъ, какъ инфлуенца, такъ какъ каждая заразная болѣзнь отражается на сердцѣ, ослабляя его. Даже бронхитъ, не говоря уже о воспаленіи легкихъ увеличиваетъ рѣзко работу сердца и въ силу этого можетъ вредить ему.

Больной сердцемъ долженъ избѣгать пить черезъ чуръ большія количества жидкостей. Онъ долженъ пить только столько, сколько безусловно необходимо для организма и ничего лишняго. Дѣло въ томъ, что выпитая жидкость всасывается изъ кишечника въ кровь и увеличиваетъ массу послѣдней, а всякое увеличеніе массы крови означаетъ собою увеличеніе работы сердца, такъ какъ сердце заставляетъ обращаться кровь по сосудамъ, а мы должны избѣгать ненужнаго увеличенія работы сердца.

Больной съ нездоровымъ сердцемъ долженъ хорошо питаться, такъ какъ недостаточное питаніе ослабитъ организмъ и прежде всего отразится на больномъ сердцѣ. Но, съ другой стороны всякая погрѣшность въ діэтѣ, всякое разстройство пищеваренія тяжело отразится на больномъ сердцѣ. Даже такіе симптомы, какъ обильное развитіе газовъ въ кишечникѣ, вздутіе живота (метеоризмъ), которое не имѣетъ обычно серьезнаго значенія, можетъ тяжело отозваться на человѣкѣ съ больнымъ сердцемъ. При вздутіи живота высоко поднимается грудобрюшная преграда, оттѣсняются кверху органы грудной полости, затрудняются движенія грудной клѣтки, а это все дурно отражается на больномъ сердцѣ.

Наконецъ мы переходимъ еще къ одной сторонѣ жизни больного сердцемъ и къ одной изъ существеннѣйшихъ сторонъ, это къ его душевной жизни.

Въ этомъ отношеніи даже профану извѣстно, что сердечный больной долженъ избѣгать всего, что сильно волновало бы его. Сильное внезапное душевное волненіе можетъ даже убить его, вызвавъ остановку сердца. Но помимо такихъ сильныхъ волненій и менѣе рѣзкія тревожащія больного извѣстія, разговоры, заставляя волноваться

болного каждый разъ приносятъ вредъ его сердцу. Но не только волненія, но и просто подавленное мрачное состояніе духа дурно отзывается на больномъ. Больной долженъ быть спокойно, лучше всего, жизнерадостно настроенъ.

Мы говорили выше, что такой больной долженъ отказаться отъ тяжелой физической работы, но и не всякая другая работа и не во всѣхъ размѣрахъ можетъ быть ему полезна. Такъ многочасовой трудъ въ сидячемъ положеніи, соединенный съ напряженнымъ вниманіемъ, тоже будетъ ему вреденъ. Въ согнутомъ, сидячемъ положеніи у человѣка сдавлены органы грудной и брюшной полости, онъ не можетъ глубокими дыхательными движеніями хорошо вентилировать грудную клѣтку, а правильное глубокое дыханіе важно и для правильной работы органовъ кровообращенія. Особенно вредна такая работа въ сидячемъ положеніи, если она производится въ спертомъ воздухѣ.

Но, если трудно для такого больного найти подходящій трудъ, то во всякомъ случаѣ найти для него подходящее занятіе необходимо. Человѣкъ съ нездоровымъ сердцемъ не можетъ отъ него отдѣлаться, оно всегда съ нимъ, онъ можетъ съ нимъ жить долгими годами и даже десятками лѣтъ.

Онъ долженъ обязательно быть занятымъ, чувствовать себя полезнымъ членомъ общества, такъ какъ бездѣятельность влечетъ за собою нежелательныя измѣненія душевной жизни, а послѣднія вредно отражаются на больномъ сердцѣ.

Для того чтобъ понять ходъ болѣзненнаго процесса при болѣзни сердца нужно помнить, что само сердце есть часть всего организма. Когда подъ вліяніемъ того или другого вреднаго момента дѣятельность сердца ухудшается, то отъ этого ухудшенія дѣятельности сердца, ухудшается кровеобращеніе — кровь съ меньшею силою прогоняется сквозь сосуды; органы въ одинъ и тотъ-же промежутокъ времени получаютъ меньшее количество крови и отъ этого страдаютъ, но вѣдь само сердце на ряду съ другими органами снабжаетъ и само себя кровью. Отъ недостаточнаго снабженія кровью оно тоже страдаетъ и начинаетъ въ силу этого еще хуже работать и. т. д. Такимъ образомъ, здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ заболѣваній, мы имѣемъ роковый кругъ, т. е. заболѣваніе органа влечетъ за собою его неудовлетворительную работу, а неудовлетворительная его работа въ свою очередь влечетъ еще дальнѣйшее ухудшеніе его состоянія.

Болѣзненный процессъ у сердечныхъ больныхъ идетъ обычно слѣдующимъ образомъ. У человѣка произошло болѣзненное измѣненіе въ сердцѣ, послѣднее уже не въ состояніи выполнить обычной работы, которая на немъ лежала раньше. Но, обладатель этого сердца или не обращается во время къ врачу или не слѣдуетъ точно предписаннымъ указаніямъ и въ результатѣ сердце не выдерживаетъ наваленной на него не по силамъ работы, появляются грозные симптомы и больной на время сваливается въ постель. Подъ вліяніемъ покоя и соотвѣтствующаго лѣченія сердце оправляется, больной опять чувствуетъ себя лучше и возвращается къ обычной обстановкѣ. Но, такъ какъ большинство тѣхъ условій, которыя въ первый разъ были причиной того что сердце оказалось недостаточнымъ, какъ гласитъ техническій терминъ, остается прежними, то сердце опять оказывается не на высотѣ, возложенной на него работы, и больной опять сваливается въ постель. Такъ обыкновенно идетъ теченіе этой болѣзни, причемъ въ каждый послѣдовательный разъ наступленія недостаточности сердца болѣзненныя явленія дѣлаются все грознѣе и грознѣе въ виду того, что сердце все болѣе и болѣе ослабѣваетъ, и свѣт-

лые промежутки, относительнаго здоровья дѣлаются все короче.

Такъ постепенно развертывается болѣзненный процессъ въ этомъ случаѣ. Врачи съ помощію соотвѣтственныхъ лекарствъ легко справляются съ отдѣльнымъ приступомъ, но дѣло здѣсь очевидно не въ этомъ, а въ томъ чтобы, какъ мы говорили выше, создать для больного по возможности такую обстановку, въ которой его сердце дольше выдерживало бы, падающую на его долю работу, не приходя въ разстройство.

Для этого врачъ долженъ, какъ мы показали, войти во всякую мелочь повседневной жизни больного, урегулировать пищу, движенія, занятія больного до мелочей. Понятно, что онъ не можетъ все время оставаться съ больнымъ — послѣдній долженъ быть по этому въ значительной степени предоставленъ самому себѣ. И въ виду этого врачъ долженъ вполнѣ выяснить паціенту и характеръ заболѣванія, и всю систему и планъ лѣченія. Больной долженъ въ значительной степени сдѣлаться самъ своимъ докторомъ. Понятно, поэтому, на сколько важно ему обладать и сохранить въ себѣ спокойствіе духа, ясный взглядъ на свое положе-
 ніе и твердую волю. Каждый приступъ

унынія, упадка духа, самъ по себѣ плохо отзывается на состояніи сердца больного и кромѣ того заставляетъ его махнуть рукой на необходимыя предосторожности, а это въ свою очередь тяжело отзывается на общемъ состояніи.

Положеніе сердечнаго больного можно сравнить съ положеніемъ человѣка, которому приходится идти по откосу рыхлаго сыпучаго песку, каждое неосторожное его движеніе сбрасываетъ его къ низу, отчаянныя попытки помочь себѣ еще болѣе ухудшаютъ его положеніе и приближаютъ къ гибели.

Чтобы иллюстрировать положеніе сердечнаго больнаго можно привести примѣръ великаго клинициста Траубе, который самъ сдѣлалъ очень много для изученія болѣзней сердца. Вотъ какъ описываетъ его ученикъ, Нотнагель, его конецъ: „Я никогда не забуду того, что было съ Траубе, который умеръ отъ болѣзни сердца. Не смотря на развитіе отековъ, онъ продолжалъ занятія въ клиникѣ и въ началѣ никто не подозрѣвалъ о тяжелой его болѣзни. Потомъ только Траубе сознался что все время лѣчился, принимая сердечныя средства, сначала въ маленькихъ, затѣмъ все болѣе и болѣе воз-

растающихъ дозахъ. Когда же высшіе пріемы перестали оказывать дѣйствіе, онъ поставилъ самому себѣ летальный прогнозъ и, къ сожалѣнію, оказался правъ.“ *)

Число людей съ больнымъ сердцемъ необыкновенно велико. Попадаются они среди людей всѣхъ возрастовъ. Заболѣть можетъ и молодой человѣкъ, у котораго ревматизмъ суставовъ отразился на сердцѣ или который переутомилъ свое сердце чрезмѣрнымъ занятіемъ атлетикой или спортомъ. Страдаютъ сердцемъ люди и во второй половинѣ ихъ жизни, когда болѣзненныя измѣненія въ сердцѣ развиваются у нихъ подъ вліяніемъ сифилиса или алкоголизма или же просто подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій жизни, повлекшихъ за собою преждевременное одряхлѣніе, рѣзче всего проявившееся на сердцѣ.

Результаты, которыхъ достигаетъ раціональное лѣченіе болѣзней сердца, очень велики. Можно на долгіе годы сохранить больныхъ для семьи и для общества, въ то время, какъ оставленные на произволъ судьбы они

---

*) Клиническія лекціи проф. Германа Нотнагеля. Вып. I-ый. Терапія болѣзней сердца, стр. 16. С.-Петербургъ, 1888.

погибли бы въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Но все, что мы приводимъ выше указываетъ, какую важную роль при этомъ играетъ личность самого больнаго. Весь успѣхъ лѣченія сводится къ тому, обладаетъ ли больной яснымъ и бодрымъ духомъ.

VIII.

Другимъ примѣромъ того, насколько отъ душевныхъ свойствъ больного зависитъ успѣшность лѣченія, являются болѣзни почекъ. Задача этого органа заключается въ томъ, чтобы очищать организмъ отъ веществъ ненужныхъ для послѣдняго и мѣшающихъ нормальному теченію его жизненныхъ процессовъ. Работа почекъ не такъ бросается въ глаза, какъ работа сердца, для котораго легко вычислить сколько сокращеній дѣлаетъ оно въ минуту, въ часъ, въ день и наконецъ въ продолженіе всей жизни человѣка и сколько пудофутовъ работы оно при этомъ производитъ. Но если перевести эту работу очищенія организма отъ ненужныхъ веществъ на ея механическій эквивалентъ, то работа почекъ окажется тоже громадной.

На что же обращаютъ вниманія, когда идетъ дѣло о болѣзняхъ почекъ. Опытъ показалъ, что въ этомъ случаѣ особенно

нужно бояться цростуды, которая гибельно дѣйствуетъ на организмъ съ больными почками. Больной не только долженъ носить фуфайку, но съ необыкновенной тщательностью избѣгать вообще простуды, потому что каждое неосторожное охлажденіе кожи плохо отзывается на больныхъ почкахъ. Мы видѣли, какъ для сердечныхъ больныхъ былъ вреденъ алкоголь. Тоже самое относится и къ почкамъ, но послѣднія оказываются чувствительными еще къ цѣлому ряду веществъ. Сюда относятся преимущественно такъ называемыя вкусовыя вещества какъ перецъ, горчица и другіе пряности. Дѣло въ томъ, что дѣйствующія начала этихъ веществъ, всосавшись въ пищеварительныхъ путяхъ и попавъ въ кровь, выдѣляются изъ организма чрезъ почки, оказывая при этомъ на больныя почки вредное вліяніе.

Особенно важное значеніе при заболѣваніи почекъ имѣетъ діэта больного. Дѣло въ томъ, что отбросы организма, т. е. вещества попавшія въ него, переработанныя въ немъ и отдавшія на этомъ пути значительную часть заложенной въ нихъ скрытой энергіи, выдѣляются изъ него почками. Понятно, что при болѣзни почекъ надо стараться такъ составить діэту, чтобы ввести

въ организмъ столько пищевыхъ веществъ, сколько необходимо, но въ тоже время такого сорта, чтобы отбросовъ, выдѣленіе которыхъ падетъ на долю почекъ, оказалось бы возможно меньше. Такимъ образомъ діэта должна быть составлена преимущественно изъ углеводовъ, т. е. крахмальныхъ веществъ, сахара, изъ жировъ и повозможности содержать меньше тѣхъ сортовъ пищи, которые богаты бѣлковыми веществами, какъ напр. мясо. Дѣло въ томъ, что именно бѣлковыя вещества послѣ утилизаціи ихъ въ организмѣ даютъ въ остаткѣ отбросы, выдѣлить которые падаетъ на долю почекъ.

Точно также, какъ и у больныхъ сердцемъ, мы имѣемъ у больныхъ почками временныя ухудшенія состоянія, зависящія отъ того, что почки не были въ состояніи выполнять выпавшей на ихъ долю работы и временно оказались недостаточными. Тогда покой, т. е. содержаніе больного въ постели и другія лѣчебныя мѣропріятія возстановляютъ нарушенное равновѣсіе. Но, какъ и въ первомъ случаѣ, болѣе или менѣе благопріятное теченіе болѣзни зависитъ главнымъ образомъ отъ того, насколько врачъ и больной съумѣютъ выработать и строго провести такой образъ жизни, который соотвѣтствовалъ бы силамъ больного. И здѣсь, какъ

и при болѣзняхъ сердца, мы не можемъ въ въ большинствѣ случаевъ кореннымъ образомъ измѣнить больной органъ такъ, чтобы онъ сдѣлался нормально работающимъ. Но мы должны такъ измѣнить обстановку окружающую больного, чтобы она соотвѣтствовала силамъ больнаго и его особенностямъ.

Нужно замѣтить, что въ случаѣ болѣзни почекъ задачи лѣченія являются гораздо болѣе тяжелыми и сложными. Діэта должна быть выработана до мелочей и тщательно проведена. Между тѣмъ, какъ при болѣзняхъ сердца важно только въ общихъ чертахъ, чтобы пища, которую принималъ больной была бы питательна и удобоварима. Во вторыхъ, необходимость того, чтобы больной не подвергался простудѣ и постоянно былъ окруженъ равномѣрно теплымъ и сухимъ воздухомъ заставляетъ посылать больныхъ на югъ въ мѣстности съ соотвѣтствующимъ климатомъ. А если это недоступно для больного, то, не смотря на то, что онъ чувствуетъ себя относительно удовлетворительно, приходится мѣсяцами не выпускать на улицу въ холодное время года и запирать его въ комнатахъ.

Нужно еще добавить, что при заболѣваніи почекъ недостаточная дѣятельность ихъ возмѣщается усиленной работой сердца.

Въ концѣ концовъ сердце не выдерживаетъ этой усиленной работы и дѣлается въ свою очередь недостаточнымъ. При этомъ тотъ факторъ, который вредно подѣйствовалъ на почки, оказываетъ обычно вредное вліяніе и на сердце. Въ виду этого въ большинствѣ случаевъ у больныхъ почками мы имѣемъ явленія разстройства сердечной дѣятельности и все, что мы въ предыдущемъ отдѣлѣ говорили по поводу лѣченія сердечныхъ больныхъ въ такомъ случаѣ, помимо спеціальныхъ требованій, вызываемыхъ разстройствомъ почекъ, сохраняетъ свое значеніе.

Такимъ образомъ, переходя къ общимъ выводамъ, и во второмъ большомъ отдѣлѣ хроническихъ заболѣваній, который мы привели для того чтобъ выяснить принципы современнаго лѣченія, душевныя силы и настроеніе больного имѣютъ громадное значеніе и составляютъ основу, на которой и построено все зданія лѣченія. И здѣсь врачъ своимъ вмѣшательствомъ можетъ сдѣлать очень много. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ болѣзненный процессъ можетъ остановиться и послѣ лѣченія, продолжавшагося нѣсколько мѣсяцевъ или лѣтъ больной можетъ считать считать себя выздоровѣвшимъ. Въ другихъ случаяхъ удается остановить быстрый шед-
 шій подъ гору процессъ и, хотя въ этихъ

случаяхъ и не получается полнаго выздоровленія, но за то болѣзнь принимаетъ хроническую форму и печальный исходъ оттягивается на долгій срокъ. Въ третьемъ рядѣ случаевъ, если не получается настоящего излѣченія, то организму до извѣстной степени удается справиться съ болѣзнью такимъ образомъ, что болѣе опасная картина болѣзни смѣняется другой формой, тоже очень серьезной, но представляющейся все таки болѣе благопріятной.

Въ общемъ, не смотря на всю тяжесть заболѣванія, которую представляетъ изъ себя болѣзнь почекъ, врачъ въ значительномъ большинствѣ случаевъ можетъ очень много сдѣлать. И если нельзя добиться полнаго излѣченія, то и здѣсь, какъ и при заболѣваніяхъ сердца, можно на долго сохранить для семьи и общества жизнь больного. Успѣхи медицины за XIX-й вѣкъ основанные на всѣхъ данныхъ физики и химіи, которыя можно было привлечь для объясненія явленій, и на экспериментѣ на животныхъ, дали возможность глубоко проникнуть въ механизмъ разстройствъ, наблюдаемыхъ при заболѣваніяхъ почекъ и дали возможность до мелочей выработать и построить систему лѣченія, обстановки и образа жизни, которыхъ долженъ держаться такой больной. Но, какъ и

при заболѣваніяхъ сердца, примѣняетъ эту систему въ жизни, въ концѣ концовъ самъ больной. Положеніе его требуетъ отъ него сильнаго напряженія интеллектуальныхъ силъ, бодрости, вѣры въ себя и твердой воли.

Наконецъ, какъ третій примѣръ лѣченія серьезной хронической болѣзни мы приведемъ лѣченіе чахотки, т. е. туберкулезнаго процесса въ легкихъ. Также какъ и въ двухъ предыдущихъ случаяхъ, мы увидимъ какое важное значеніе и здѣсь имѣютъ душевныя силы больного. Еще недавно чахотка легкихъ считалась неизлѣчимой болѣзнью и постановка діагноза чахотки почти равнялась смертельному приговору. Какъ, вѣроятно, большинству извѣстно сейчасъ дѣло обстоитъ иначе. Если туберкулезное пораженіе легкихъ распознано не черезъчуръ поздно, т. е. если процессъ не захватилъ черезчуръ большую часть легкихъ, то подъ вліяніемъ раціональнаго лѣченія значительная часть больныхъ поправляется. Нужно замѣтить, что до сихъ поръ не найдено энергично дѣйствующее специфическое средство противъ возбудителя туберкулеза-туберкулезной палочки и все дѣло сводится къ тому, чтобы поднять силы организма въ его борьбѣ съ возбудителемъ болѣзни. Система гигіенически — діэтетическихъ мѣропріятій,

которыя при этомъ примѣняются, является однимъ изъ самыхъ крупныхъ и красивыхъ завоеваній медицины.

Въ чемъ же заключаются принципы этой системы лѣченія? Какъ я уже сказалъ, дѣло заключается въ томъ, чтобы поднять силы больного въ его борьбѣ съ туберкулезной бациллой и достигается это благодаря тремъ главнымъ пріемамъ лѣченія. Во первыхъ, доставляется возможно большій покой организму — больной укладывается въ постель или проводитъ въ полулежачемъ положеніи на кушеткѣ свой день. Благодаря покою мы рѣзко уменьшаемъ траты организма, т. к. каждое передвиженіе сопровождается сокращеніемъ мышцъ и слѣдовательно сопровождается извѣстной тратой вещества и силъ. Кромѣ того, не двигаясь, больной даетъ относительный покой и своимъ больнымъ легкимъ. Во вторыхъ, стараются возможно усиленно питать больного. Для этого больной получаетъ по возможности болѣе питательную и удобо перевариваемую пищу (въ томъ числѣ и возможно большее количество молока, яицъ, масла). Пища должна быть вкусно приготовлена, т. к. только въ этомъ случаѣ удастся достигнуть того, что больной будетъ принимать ее въ большемъ количествѣ. Пища должна приниматься

больнымъ по многу разъ въ день въ небольшихъ количествахъ для того, чтобы органы пищеваренія могли справиться съ обиліемъ предлагаемыхъ продуктовъ. И насколько важно, чтобы больной возможно усиленно питался, настолько-же важно, чтобы не была перейдена граница, такъ какъ черезчуръ большіе пріемы пищи повлекутъ за собою разстройство пищеваренія и такимъ образомъ сразу не только прекратятъ, хотя и на время, возможность примѣнять въ качествѣ лѣчебнаго пріема усиленное питаніе, но и подорвутъ еще болѣе силы и безъ того слабаго больного.

Наконецъ, третій врачебный пріемъ, который играетъ большую роль въ дѣлѣ лѣченія чахоточныхъ, это чистый воздухъ, по возможности, идеально чистый, не содержащій пыли. Дѣло въ томъ, что пыль, особенно пыль состоящая изъ органическихъ остатковъ, какова обыкновенно пыль въ комнатахъ, является однимъ изъ главныхъ благопріятствующихъ моментовъ въ развитіи чахотки. Вдыханіе воздуха, содержащаго въ большомъ количествѣ такую пыль влечетъ за собою хроническое заболѣваніе дыхательныхъ путей, на почвѣ котораго, попавшія въ организмъ, туберкулезныя бациллы находятъ благопріятныя условія для своего

развитія. Практически этому требованію удовлетворяютъ такимъ образомъ, что больного удаляютъ изъ города и переселяютъ въ деревню, среди растительности или въ горы и заставляютъ цѣлый день лежать на воздухѣ въ закрытомъ отъ вѣтра мѣстѣ; не боятся и холода, только при этомъ тепло одѣваютъ больного и даже ночью въ комнатѣ, гдѣ спить больной оставляютъ открытыми окна.

Удобнѣе и легче всего осуществить все это леченіе въ особыхъ учрежденіяхъ — санаторіяхъ, расположенныхъ въ благопріятныхъ мѣстностяхъ. Въ этихъ санаторіяхъ больные все время находятся подъ наблюденіемъ врача, весь режимъ жизни направленъ къ тому чтобы осуществить тотъ планъ лѣченія, который мы описали выше. И казалось бы, что въ этомъ планѣ все сводится на физическіе пріемы — откармливанія, лежанія на чистомъ воздухѣ. Конечно, если бы пришлось лѣчить отъ туберкулеза животное, то и къ нему были бы примѣнены тѣ же принципы лѣченія. Не смотря на это и при этомъ способѣ лѣченія играютъ громадную роль душевныя силы больного.

Прежде всего требуется, чтобы паціентъ проникнулся увѣренностью въ пользѣ этой системы, чтобы онъ лежалъ спокойный, увѣ-

ренный, что онъ поправится, не волнуясь, отрѣшившись отъ заботъ и треволненій своей прежней жизни. Больного нужно усиленно питать, какъ мы знаемъ, но и это возможно только въ томъ случаѣ если больной самъ пойдетъ на встрѣчу нашимъ усиліямъ. Онъ долженъ проникнуться важностью для него обильной ѣды, стараться побольше съѣсть, сосредоточить свое вниманіе на этомъ. Такимъ образомъ, какъ не облегчаетъ санаторія лѣченіе такого больного, все таки это лѣченіе не возможно безъ активной помощи со его стороны. Горячее желаніе поправиться, разумность больнаго, а также умѣнье спокойно относиться къ своему опасному положенію и твердая воля составляютъ главныя условія успѣшности лѣченія.

Но, если даже въ санаторіи, гдѣ больной находится все время подъ врачебнымъ присмотромъ, отъ него требуется все напряженіе душевныхъ силъ, чтобы справиться съ страшной болѣзнью, то насколько же большую роль играетъ духовная личность его въ возможности успѣшнаго исхода лѣченія, когда больной выходитъ изъ санаторіи и дѣлается опять самостоятельымъ членомъ общества. Дѣло въ томъ, что полнаго абсолютнаго выздоровленія при туберкулезѣ легкихъ не бываетъ. Выздоровленіемъ называется та-

кое состояніе, когда дальнѣйшее разрушеніе легкаго останавливается, пораженныя и разрушенныя части его замѣняются рубцовой тканью, и самъ больной настолько поправляется, что можетъ вернуться къ своему труду и обычному образу жизни. Но во всякомъ случаѣ въ легкомъ больного, выздоровѣвшаго отъ туберкулезнаго процесса, почти всегда находятся жизнеспособныя бациллы, которыя опять могутъ начать размножаться и разрушать легочную ткань, если больной будетъ поставленъ въ неблагопріятныя условія. Такимъ образомъ, выздоровѣвшій отъ туберкулезнаго процесса больной всегда долженъ считаться съ возможностью новаго приступа болѣзни, которая во второй разъ уже можетъ и не выпустить его изъ своихъ когтей.

Такимъ образомъ, такой больной, по крайней мѣрѣ, долгіе годы, вернувшись уже къ своей обычной дѣятельности, долженъ быть на сторожѣ, придерживаясь тѣхъ врачебныхъ предписаній и режима, которымъ онъ подвергался въ санаторіи, но, конечно, только въ болѣе мягкой формѣ и не столь строго. Такъ онъ долженъ опасаться всякой простуды, которая можетъ обострить процессъ, долженъ усиленно питаться; упростить обстановку своей комнаты въ томъ направленіи,

чтобъ въ ней какъ можно меньше было возможности накапливаться пыли. Такой больной долженъ пользоваться въ возможно болѣе широкихъ размѣрахъ чистымъ внѣшнимъ воздухомъ.

Но, особенно трудно такому больному соразмѣрить свои силы. Особенно молодежи соблазнительно участвовать со своими товарищами въ экскурсіяхъ, прогулкахъ, въ различныхъ развлеченіяхъ, а также въ общественной жизни въ серьезныхъ ея проявленіяхъ. Наконецъ, самое важное для больнаго это соразмѣрить свой трудъ съ тѣми силами, которыми онъ располагаетъ. Такой выздоровѣвшій отъ туберкулеза, человѣкъ, конечно долженъ быть предоставленъ собственнымъ своимъ силамъ, врачъ можетъ указать ему только общіе принципы его поведенія. Изъ всего сказанного видно, что передъ людьми, которымъ угрожаетъ туберкулезный процессъ поставлена бываетъ одна изъ труднѣйшихъ практическихъ задачъ, успѣшно осуществить которую удается имъ только при полномъ напряженіи всѣхъ ихъ душевныхъ силъ и которая предъявляетъ ихъ духовной личности самыя суровыя требованія.

IX.

Этотъ выводъ, къ которому мы пришли, разсматривая современные методы лѣченія въ тѣхъ трехъ группахъ заболѣваній, о которыхъ мы только что говорили, мы могли бы распространить и на всѣ другія серьезныя заболѣванія. Діагностическій и лѣчебный аппаратъ современной медицины очень разработанъ и могущественъ, но главный факторъ, къ которому медицина въ концѣ концовъ обращается, это высоко развитая человѣческая личность, къ ней она предъявляетъ самыя строгія требованія.

Конечно, это не могли не признавать современные врачи и они должны были примѣнять цѣлый рядъ средствъ, чтобъ поддерживать личность больного въ его тяжелой борьбѣ съ болѣзнью. Первое, что приходилось дѣлать это обращаться къ интеллекту больного. Сложная система предписаній, которыя больной долженъ былъ выполнить, могла разсчитывать на успѣхъ, какъ мы

говорили выше, только при сознательномъ отношеніи къ ней больного. Поэтому врачъ въ такихъ серьезныхъ хроническихъ заболѣваніяхъ старается возможно подробнѣе и яснѣе представить больному систему и задачи лѣченія, ожидая, что больной самъ будетъ ему помогать при проведеніи въ жизнь его предписаній. Время прежнихъ безапеляціонныхъ приказаній паціенту въ значительной степени отошло въ прошлое и во всякомъ случаѣ такія предписанія играютъ второстепенную роль въ дѣлѣ лѣченія и мало примѣнимы въ серьезныхъ хроническихъ заболѣваніяхъ.

Второй пріемъ — это подѣйствовать чувствомъ страха, выяснивъ больному всю опасность его положенія и, несомнѣнно, чувство опасности является однимъ изъ основныхъ стимуловъ, которые заставляютъ больного подчиняться тяжелому лѣчебному режиму. Но, нельзя не замѣтить, что это средство обоюдоостро и пользоваться имъ нужно очень осторожно, такъ какъ сознаніе угрожающей опасности, страхъ за самого себя и за судьбу близкихъ, вмѣсто того чтобъ внушить желаніе бороться за свою жизнь, можетъ окончательно подавить больного и парализовать его волю.

Въ виду этого, врачи постоянно направ-

ляютъ всѣ усилія къ тому, чтобы всѣми средствами поднять бодрость духа больного. Открывая больному глаза на опасность его положенія, они стараются не преувеличивать этой опасности и скорѣй уменьшаютъ размѣры ея для того, чтобы не довести больного до отчаянія и упадка духа. Кромѣ того они стараются всѣми средствами поднять бодрость больного. Если онъ черезчуръ боится за свое положеніе, то они стараются отвлечь его вниманіе отъ мрачныхъ мыслей; стараются ободрить его, указывая на возможность выздоровленія, наконецъ, просто тономъ голоса, своимъ видомъ стараются внушить ему бодрое настроеніе. Можно себѣ представить, насколько это является труднымъ.

Наконецъ, одна изъ самыхъ трудныхъ задачъ, лежащихъ на врачѣ, это создать и воспитать въ больномъ твердую волю, безъ которой въ большинствѣ случаевъ выздоровленіе немыслимо. Въ этомъ отношеніи, во первыхъ, важную роль играютъ санаторіи, которыя сперва примѣнялись только при туберкулезѣ легкихъ, а теперь примѣненіе ихъ расширяется и на другія заболѣванія внутреннихъ органовъ (пищеваренія, болѣзней сердца, почекъ и т. д.). Одно изъ важныхъ значеній, которое онѣ имѣютъ,

заключается именно въ томъ, что въ нихъ больной сразу попадаетъ въ соотвѣтствующую обстановку, подчиняется извѣстному строю жизни, къ которому незамѣтно самъ привыкаетъ, такъ что впослѣдствіи уже ему не представляется труднымъ слѣдовать этому режиму. Но такое воспитаніе въ санаторіи не можетъ дать все, что нужно, и твердая воля, способная провести въ жизнь опредѣленный планъ лѣченія, является всетаки въ большинствѣ случаевъ необходимымъ условіемъ выздоровленія.

Въ виду этого, въ большинствѣ хроническихъ болѣзней врачъ поставленъ въ такое положеніе, что онъ долженъ въ больномъ со слабой волей стараться воспитать твердую волю. Для этого онъ долженъ няньчиться съ своимъ больнымъ, помогать ему въ первое время на каждомъ шагу, вмѣшиваясь въ каждую мелочь его жизни, опекая его, съ тѣмъ чтобы постепенно пріучить паціента самостоятельно руководить своею жизнью.

Легко себѣ представить на сколько такія задачи, какъ поддерживать бодрость больного во время тяжелой продолжительной болѣзни и въ слабовольномъ больномъ воспитать твердую волю и умѣнье послѣдовательно провести планъ лѣченія, на сколько

такія задачи трудны для врача. Нѣкоторые люди одарены особенными свойствами въ этомъ отношеніи. Они имѣютъ сильное вліяніе на своихъ паціентовъ, умѣютъ ободрять ихъ; тѣмъ изъ нихъ, которые слабовольны умѣютъ внушить послѣдовательность и настойчивость. Но вполнѣ ясно, насколько трудна эта сторона врачебной дѣятельности, несмотря на ея важность. Попытки ободрять больного, повторяемыя изо дня въ день, теряютъ со временемъ свое значеніе; вліяніе личности врача на воспитаніе воли въ паціентѣ, тоже со временемъ притупляется, такъ что даже богато одаренные способностью воздѣйствовать на личность больного врачи оказываются въ большинствѣ случаевъ безсильными передъ задачей вселить въ больного бодрость и изъ человѣка слабовольнаго сдѣлать субъекта съ твердой волей.

Вернемся опять къ роли личности больного при лѣченіи серьезныхъ хроническихъ заболѣваній. Какія стороны его душевной жизни даютъ наибольшіе шансы на успѣхъ лѣченія? Несомнѣнно стремленіе жить и боязнь смерти играетъ важную роль, заставляя больного переносить всѣ непріятности лѣченія и ограничивать себя во всѣхъ отношеніяхъ, чтобы вернуть здоровье. Забота о

будущности семьи и близкихъ имѣетъ то же значеніе. Но, какъ мы говорили, значеніе этихъ факторовъ относительно, такъ какъ страхъ за себя и забота о близкихъ могутъ подавляющимъ образомъ дѣйствовать на больного и подрывать его энергію бороться съ болѣзнью, вмѣсто того чтобъ подымать ее.

Чѣмъ бодрѣе, чѣмъ жизнерадостнѣе вообще субъектъ, тѣмъ для него и въ случаѣ тяжелой болѣзни будетъ лучше, тѣмъ легче перенесетъ онъ все, что на него навалила судьба и бодро предприметъ все, что необходимо, чтобъ вернуть свое здоровье.

Чѣмъ глубже, чѣмъ интенсивнѣе была жизнь человѣка до болѣзни, тѣмъ больше шансовъ, что онъ въ богатствѣ своей внутренней жизни найдетъ больше средствъ перенести бодро и побороть свою болѣзнь. Стремленіе научно работать, или работать на общественномъ пути и вѣра въ извѣстные партійные идеалы дѣлаютъ личность больше, раздвигаютъ рамки ея внутренней жизни. Такой человѣкъ не такъ легко будетъ падать духомъ и трусить за себя, такъ какъ значительная часть дорогихъ для него интересовъ лежитъ внѣ его и сосредоточена въ дорогомъ для него общемъ дѣлѣ. У такихъ людей есть смыслъ жизни,

который не связанъ съ тѣмъ или другимъ состояніемъ его собственнаго здоровья и его личности, для такого человѣка любовь къ наукѣ, искуству, преданность общественному дѣлу явится однимъ изъ наиболѣе яркихъ стимуловъ жизни, которые дадутъ ему бодрость и необходимую энергію въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ жизни. Такую же роль, конечно, можетъ съиграть и глубокое религіозное чувство.

Сдѣлаемъ общіе выводы изъ предыдущаго. Мы видѣли, что даже въ чисто физической грубой борьбѣ вооруженныхъ людей другъ противъ друга степень идеалистическаго подъема, которымъ они одушевлены, не можетъ не остаться безъ вліянія на исходъ борьбы. Каждый человѣкъ рано или поздно рискуетъ захворать одной изъ тяжелыхъ хроническихъ болѣзней. Современная медицина глубоко и до мелочей изучила болѣзненные процессы, лежащіе въ основѣ этихъ заболѣваній и для борьбы съ ними выработала могущественныя сложныя системы лѣченія, которыя въ рукахъ врачей приносятъ существеннѣйшіе результаты. Но системы эти требуютъ со стороны самого больного активнаго участія. Борьба съ болѣзнью — это одна изъ интенсивнѣйшихъ формъ борьбы за жизнь. И человѣка, заболѣвшаго тубер-

кулезомъ легкаго или болѣзнью сердца и т. п. можно по опасности его положенія сравнить съ человѣкомъ, которому по узкому карнизу нужно пройти надъ пропастью или по узкой жердочкѣ перейти черезъ бездну. Какъ бы не было тяжело его положеніе, онъ можетъ выйти побѣдителемъ изъ опасности, но для этого ему необходимо напрячь всѣ свои духовныя силы. Врачъ долженъ сказать больному, что тотъ не только обязанъ сознательно постигнуть планъ и сущность лѣченія, но ни на минуту не терять бодрости, вѣры въ себя. Ни на минуту не должно также ослабѣвать его вниманіе для того, чтобы, ни одно, мелочное само по себѣ, но крайне важное въ общемъ планѣ лѣченія обстоятельство не ускользнуло отъ его вниманія. Наконецъ, человѣкъ, даже слабовольный раньше, долженъ умѣть найти въ себѣ твердую волю.

Но вѣдь душевныя силы каждаго отдѣльнаго человѣка крайне различны; на отдѣльныя сильныя единицы приходится множество слабыхъ. Если вы обратитесь къ человѣку и будете ему говорить: „будь сильный, будь бодрый“, то не смотря на всю справедливость вашихъ словъ, они скоро при повтореніяхъ, какъ мы говорили только-что, потеряютъ всякое вліяніе на больного и даже страхъ

передъ опасностью, угрожающею ему не только не будетъ придавать новыхъ силъ, но наоборотъ еще тяжелѣе принижать настроеніе больнаго. Выходъ изъ этого положенія заключается въ томъ, что насколько силы одного человѣка ограничены сами по себѣ, на столько онѣ растутъ, если онъ примкнетъ къ другимъ людямъ, къ какому нибудь широкому, интенсивному идеалистическому движенію, если онъ почувствуетъ себя маленькою частью грандіознаго цѣлаго.

Я представляю себѣ положеніе вещей слѣдующимъ образомъ. Представьте себѣ, что вы имѣете предъ собою самаго слабаго, жалкаго мелочнаго человѣка. Но нѣтъ такого человѣка, какъ бы онъ не былъ ничтоженъ, который бы не зналъ или не слыхалъ о чемъ-нибудь большомъ, идеальномъ. Вы говорите, какая опасность угрожаетъ ему и что онъ можетъ избѣжать ее, только напрягши всѣ свои душевныя силы, переродившись, сдѣлавшись новымъ просвѣтленнымъ человѣкомъ. Въ прежнее время такъ часто и бывало: когда человѣку угрожала тяжелая болѣзнь, онъ давалъ обѣтъ сдѣлать какое нибудь доброе дѣло для своего излѣченія или совсѣмъ посвятить себя Богу. И мы вѣроятно, несправедливы, если считаемъ теперь такое обѣщаніе корыстной сдѣлкой.

Настоящій смыслъ этого акта было дѣйствительно перерожденіе всей духовной личности и въ силу этого духовный ростъ ея, который и давалъ человѣку возможность выйти изъ опаснаго положенія. Правда, въ то время не было такихъ разработанныхъ сложныхъ системъ лѣченія, какъ нынѣ, системъ лѣченія, которыя безусловно требуетъ самодѣятельности, активности отъ больного. Но духовная сила человѣка всегда и при всякихъ обстоятельствахъ является залогомъ выздоровленія отъ серьезной болѣзни.

Въ современной жизни къ болѣзни относятся иначе, согласно узкому матеріалистическому міросозерцанію она является результатомъ извѣстнаго соотношенія чисто матеріальныхъ агентовъ, какъ извѣстное питаніе, температура, родъ занятія, въ виду чего и при лѣченіи все вниманіе обращено на то, чтобы соотвѣтственнымъ образомъ измѣнить эти физическіе и химическіе факторы и такимъ образомъ дать выведенному изъ равновѣсія организму возможность опять придти къ нормѣ. Но мы старались показать, что такая точка зрѣнія исходить изъ невѣрно понятаго, пошлаго матеріалистическаго міросозерцанія, такъ какъ истинное матеріалистическое міросозерцаніе не отрицаетъ реальнаго существованія духовныхъ и

нравственныхъ силъ, заложенныхъ въ душѣ человѣка. Оно только старается явленія психической жизни,въ томъ числѣ и идеалистичекія стремленія, людей свести къ тѣмъ же основамъ, какъ и явленія неорганизованнаго міра.

Если современная медицина игнорируетъ нравственныя силы души, то въ этомъ не есть грѣхъ матеріалистическаго міросозерцанія, изъ котораго нѣтъ логической необходимости выводить пренебреженіе ими. Это пренебреженіе высшими силами человѣческой души есть просто логическая ошибка современной медицины, которую мы объясняемъ себѣ тѣмъ, какъ мы старались показать выше, что въ XIX-мъ вѣкѣ было добыто такое количество новыхъ фактовъ относительно строенія и функцій человѣческаго тѣла, что эта масса фактовъ прямо задавила и вытѣснила изъ сознанія врачей доминирующее значеніе въ жизни человѣка высшихъ душевныхъ силъ.

Такимъ образомъ, предыдущимъ мы считаемъ безусловно доказаннымъ, что, въ дѣлѣ лѣченія болѣзней, стоя на точкѣ зрѣнія современной научной медицины т. е. представляя всю суть лѣченія въ томъ, чтобы поставить больного въ такую матеріальную обстановку, которая соотвѣтствовала бы его потреб-

ностямъ и индивидуальнымъ свойствамъ, мы должны на первомъ планѣ ставить самодѣятельность больного и должны всѣми силами поднять яркость, интенсивность его личности. А если такъ, то, имѣя дѣло съ больнымъ, мы не только должны матеріально обставить его соотвѣтствующимъ образомъ, не только воздѣйствовать на его интелектуальную сферу, на его настроеніе и чувство, но мы должны добиваться полнаго нравственнаго перерожденія личности, такъ какъ только оно подымаетъ до высшихъ ступеней всѣ стороны душевной жизни человѣка.

X.

Цѣпь доказательствъ, съ помощію которыхъ мы пришли къ заключенію о важности нравственной стороны личности въ вопросѣ о лѣченіи заключалась, какъ мы видѣли, въ томъ, что современная медицина въ дѣлѣ лѣченія предъявляетъ такія высокія требованія къ личности больного, что для того, чтобы онъ могъ оправдать эти требованія, мы должны ждать отъ его высокаго душевнаго подъема. Такимъ образомъ при лѣченіи больного врачъ долженъ обращать вниманіе не только на отправленія его тѣла, не только на его интеллектуальную и аффективную сферу душевной жизни, но также и на ту сторону его душевной жизни, которая наиболѣе его отличаетъ отъ животныхъ—на этическій элементъ. Извѣстная интеллектуальная и аффективная степень душевной жизни свойственна и животнымъ, этическій и идеалистическій элементъ являются характернѣйшей стороной психической жизни человѣка.

Въ дальнѣйшемъ мы постараемся еще глубже обосновать свои выводы.

Какъ мы видѣли, при лѣченіи хроническихъ болѣзней, какъ напр. болѣзней сердца, почекъ, чахотки требуется отъ больного, чтобы вся его жизнь, до мелочей, велась по извѣстной системѣ. Здѣсь одна неосторожность, одна какая нибудь погрѣшность въ діэтѣ можетъ свести на ничто успѣхи лѣченія, достигнутыя долгими недѣлями, а иногда мѣсяцами. Понятно поэтому, что сознательное проникновеніе больнымъ всей системы лѣченія вплоть до мелочей составляетъ важное условіе для выздоровленія. Но само собою разумѣется, что невозможно вѣчно быть на чеку, къ каждому пустяку относиться сознательно, по поводу каждой мелочи припоминать и общіе принципы лѣченія и всѣ предписанія врача. Большую часть дѣйствій, изъ которыхъ состоитъ наша обыденная жизнь, мы дѣлаемъ полубезсознательно. Сложный внутренній процессъ, въ результатѣ котораго является то или другое рѣшеніе, большею частью происходитъ ниже порога нашего сознанія. Въ большинствѣ своихъ поступковъ мы руководимся т. н. „тактомъ“, т. е. въ тотъ моментъ, когда мы поступаемъ такъ, а не иначе, мы не можемъ привести всѣ доводы, которые говорятъ въ

пользу этого рѣшенія. Но рѣшеніе бываетъ несмотря на это, большею частью, вѣрное и вдумавшись въ него послѣ, мы видимъ, что оно вполнѣ раціонально и входитъ въ общую систему нашего поведенія. Да инымъ образомъ поступать въ большинствѣ случаевъ и невозможно, т. к. опредѣленныя рѣшенія обычно надо принимать такъ скоро, что и некогда обсуждать ихъ со всѣхъ сторонъ, да и если бы мы стали обсуждать со всѣхъ сторонъ каждый пустякъ, то на это ушла бы большая часть времени.

Но вотъ этотъ-то механизмъ, заключенный въ насъ и такъ облегчающій нашу жизнь, функціонируетъ вполнѣ правильно и безошибочно только въ томъ случаѣ, если мы находимся въ полномъ душевномъ равновѣсіи; въ противномъ-же случаѣ онъ отказывается работать правильно — мы поминутно поступаемъ ни такъ какъ слѣдовало бы, начинаемъ тогда останавливаться предъ каждымъ рѣшеніемъ, напрягаемъ всѣ силы сознанія, чтобъ не выйти изъ извѣстныхъ рамокъ и, несмотря на это, все таки дѣйствуемъ не въ попадъ.

Тогда понятно, до какой степени человѣкъ, у котораго есть какой-нибудь идеалъ, жизни; какая-нибудь высокая цѣль впереди, будетъ имѣть преимущество передъ такимъ,

который просто борется за свою жизнь. У перваго будетъспокойное, поднятое настроеніе, вѣра въ свои силы, у второго паническій страхъ смерти.

До сихъ поръ необходимость участія высшихъ, этическихъ сторонъ душевной личности человѣка въ борьбѣ съ болѣзнью мы старались доказать тѣмъ, что только онѣ даютъ возможность проявить всѣ тѣ силы, участіе которыхъ необходимо, чтобы осуществить сложный планъ современнаго лѣченія. Безъ нихъ у больного врядь-ли хватить терпѣнія слѣдовать строгимъ предписаніямъ и онъ потеряется въ мелочахъ продолжительнаго и тяжелаго лѣчебнаго режима. Но есть еще и другія болѣе глубокія причины, выдвигающія важность этихъ сторонъ душевной жизни. Идеалистическое возвышенное душевное настроеніе даетъ, сказали мы выше, спокойствіе и бодрость, духа, а они какъ мы увидимъ теперь являются важными условіями для правильнаго функціонированія важнѣйшихъ жизненныхъ органовъ.

Дѣло въ томъ, что подавленное, неспокойное душевное состояніе самымъ невыгоднымъ образомъ отражается на ихъ дѣятельности. Мы подходимъ такимъ образомъ къ важному вопросу объ отношеніяхъ души къ

тѣлу. Начнемъ хотя-бы съ дѣятельности органовъ пищеваренія. Изслѣдованія геніальнаго русскаго физіолога И. П. Павлова указали, насколько важна связь между этими органами и сферой душевныхъ явленій. Когда находясь въ нормальныхъ условіяхъ душевной жизни мы голодны, и приступаемъ къ ѣдѣ, то уже одинъ видъ пищи и мысль объ ѣдѣ вызываетъ обильное отдѣленіе желудочнаго сока. Это такъ называемый И. П. Павловымъ, аппетитный сокъ. Его онъ также называетъ запальнымъ, т. к. благодаря его выдѣленію начинается перевариваніе пищи въ желудкѣ, продукты-же перевариванія въ свою очередь вызываютъ новое отдѣленіе желудочнаго сока и такимъ образомъ приходитъ въ движеніе необыкновенно сложный механизмъ пищеварительнаго аппарата. Пища послѣдовательно переходитъ изъ одного отдѣла пищеварительнаго канала въ слѣдующій, причемъ приведеніе въ дѣятельность верхняго влечетъ за собой въ строгой послѣдовательности начало работы въ нижележащемъ отдѣлѣ.

Если же человѣкъ принимаетъ пищу тогда, когда онъ озабоченъ чѣмъ-нибудь, не можетъ сосредоточиться на ѣдѣ, то эта первая порція желудочнаго сока не выдѣлится и съѣденный хлѣбъ или мясо долгое время

(иногда часами) будутъ лежатъ въ желудкѣ непереваренными. Такимъ образомъ весь сложный механизмъ пищеварительныхъ органовъ не смотря на то, что онъ въ нормальномъ состояніи, будетъ находится въ бездѣйствіи, хотя весь организмъ и нуждается въ новомъ подвозѣ питательныхъ веществъ. Такое важное значеніе для начала пищеваренія имѣютъ душевные процессы. Это дѣлаетъ до извѣстной степени понятнымъ, почему одна и таже минеральная вода и діэта, принимаемая больнымъ у себя на дому не приноситъ пользы больному, между тѣмъ какъ онъ получаетъ рѣзкое улучшеніе своего здоровья, когда продѣлаетъ этотъ курсъ лѣченія въ курортѣ. Дѣло въ томъ, что въ этомъ случаѣ больной освобождается отъ обыденной обстановки, съ которой у него связаны представленія о дѣлахъ и заботахъ, въ курортѣ онъ невольно концентрируетъ свое вниманіе на пріемѣ пищи въ опредѣленные промежутки и т. д. Послѣ всего, что тотчасъ было сказано является вполнѣ понятнымъ, какое важное значеніе для пріема и усвоенія пищи имѣетъ бодрое, спокойное настроеніе духа.

Но, какъ ни важна первая порція выдѣленнаго желудочнаго сока, находящаяся въ полной зависимости отъ психической сферы,

однако ни ей одной только обусловливается связь дѣятельности органовъ пищеваренія съ душевной жизнью человѣка. Пищеварительный аппаратъ во всѣхъ своихъ частяхъ приводится въ дѣйствіе и регулируется нервной системой и чрезъ посредство ея зависитъ и отъ психической жизни человѣка. Поэтому является вполнѣ понятнымъ, что извѣстная пища, прекрасно переносимая человѣкомъ при обычныхъ условіяхъ, вызываетъ разстройства, когда тотъ же человѣкъ озабоченъ чѣмъ нибудь или взволнованъ.

Мы уже говорили выше о связи сердца съ нервной системой и въ силу этой связи является понятной зависимость дѣятельности сердца отъ душевныхъ состояній. Каждому знакомо, какъ отражаются сильныя душевныя волненія на сердцѣ — „замерло сердце“ говорятъ обыкновенно, когда хотятъ выразить, какъ взволновало неожиданное извѣстіе. Часто повторяющіяся душевныя волненія могутъ являться причиной неправильной дѣятельности сердца — перебоевъ. А по мнѣнію многочисленныхъ ученыхъ, такія повторяющіяся душевныя волненія въ дальнѣйшемъ могутъ вызвать и болѣе глубокія, неизгладимыя измѣненія въ сердцѣ, могутъ явиться причиной серьезныхъ заболѣваній. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что помимо рѣз-

кихъ душевныхъ волненій и постоянное подавленное состояніе духа не можетъ не отразиться самымъ вреднымъ образомъ на дѣятельности сердца.

Но съ нервной системой связанъ не только центральный органъ кровообращенія — сердце, но и кровеносные сосуды. Стѣнки послѣднихъ состоятъ въ значительной степени изъ мышечныхъ клѣтокъ, соединенныхъ съ центральной нервной системой посредствомъ нервовъ. Изъ нервныхъ центровъ по нервамъ постоянно посылаются импульсы, подъ вліяніемъ которыхъ мышечныя клѣтки, находящіяся въ стѣнкахъ кровеносныхъ сосудовъ, болѣе или менѣе сокращаются и этимъ обусловливаются измѣненія просвѣта сосудовъ. Этотъ механизмъ имѣетъ громадное значеніе для организма: благодаря измѣненію просвѣта сосуды одной области расширяются въ то время, какъ въ другихъ областяхъ они съуживаются, потокъ крови направляется то къ однимъ органамъ, то къ другимъ сообразно потребностямъ организма въ данный моментъ.

Общеизвѣстна зависимость этого сосудодвигательнаго механизма отъ душевныхъ волненій. Подъ вліяніемъ однихъ изъ нихъ сосуды лица съуживаются — лицо блѣднѣетъ. Подъ вліяніемъ другихъ — расширяются и

лицо покрывается краской напримѣръ, подъ вліяніемъ, стыда. Но съуженіе или расширеніе кровеносныхъ сосудовъ болѣе значительныхъ областей человѣческаго тѣла влечетъ за собою или облегченіе, или увеличеніе тяжести работы сердца. Такимъ образомъ душевныя движенія чрезъ посредство сосудодвигательнаго аппарата могутъ вліять на количество работы, выпадающей на долю сердца. Поэтому, у сердечныхъ больныхъ душевныя волненія, помимо непосредственнаго дѣйствія на сердце чрезъ его нервный аппаратъ, о которомъ мы говорили выше, могутъ вредить сердцу косвеннымъ путемъ, измѣняя просвѣтъ кровеносныхъ сосудовъ. Благопріятнымъ дѣйствіемъ на сосудодвигательный центръ С. П. Боткинъ объясняетъ то блистательное улучшеніе состоянія подобныхъ больныхъ, которое наступаетъ, какъ онъ говоритъ, нерѣдко только отъ деревенской покойной обстановки, при отсутствіи различныхъ раздраженій для нервной системы. Иногда подъ вліяніемъ такой простой гигіенической мѣры субъекты эти такъ поправляются, что про нихъ часто говорятъ, да это былъ не сердечный, а нервный больной. С. П. Боткину пришлось видѣть особу, слушательницу Бестужевскихъ курсовъ, страдавшую порокомъ сердца, кото-

рая подъ вліяніемъ усиленнаго умственнаго и физическаго труда, при неблагопріятныхъ условіяхъ жизни въ большомъ городѣ съ его массой вліяній на нервную систему, находилась въ весьма тяжеломъ положеніи, съ большимъ увеличеніемъ печени, отеками, кровохарканьемъ и т. д. и которая послѣ отправленія въ деревню, при хорошихъ гигіеническихъ условіяхъ вполнѣ поправилась и чувствовала себя здоровой. С. П. Боткину приходилось также, говоритъ онъ, видать больныхъ, которые уже въ восемнадцатилѣтнемъ возрастѣ имѣли рѣзкія явленія недостаточности сердечной дѣятельности (разстройство компенсаціи) а съ тѣхъ поръ, какъ перемѣнили условія жизни, ни разу имъ не страдали. *)

Конечно смѣна городской жизни на деревенскую представляетъ собою смѣну одной сложной совокупности условій на другую. Но является въ высшей степени важнымъ, что такой выдающійся клиницистъ въ вопросѣ о дѣятельности сердца въ ряду другихъ факторовъ одно изъ первыхъ мѣстъ по значенію приписываетъ душевному состоянію больного.

---

*) С. П. Боткинъ. Клиническія лекціи. Томъ II., 1899, стр. 341.

Но и другая важная функція организма — дыхательныя движенія находятся въ тѣсной зависимости отъ душевныхъ движеній. Общеизвѣстна измѣнчивость дыхательныхъ движеній подъ вліяніемъ душевныхъ состояній. Особенно замѣтно сказывается это вліяніе при подавленномъ душевномъ состояніи — при тоскѣ и горѣ. Дыханіе при этомъ становится болѣе поверхностнымъ, недостаточнымъ для потребностей организма и это выражается тѣмъ, что отъ времени до времени это поверхностное дыханіе смѣняется болѣе глубокими вдыханіями, извѣстными всѣмъ подъ названіемъ вздоховъ. Они такъ характерны, что по присутствію ихъ и самъ человѣкъ и его окружающіе заключаютъ о наличности той или другой формы подавленнаго душевнаго состоянія.

Но если тоска и т. п. оказываютъ задерживающее вліяніе на работу дыхательнаго механизма, то это не можетъ не оказать глубокаго вліянія на весь организмъ. — Недостаточная дѣятельность дыхательнаго аппарата влечетъ за собою недостаточное снабженіе всего организма кислородомъ и понятно, какое глубокое значеніе имѣетъ это.

Но кромѣ того недостаточная дѣятельность дыханія, выражающаяся тѣмъ, что дыхательныя движенія очень поверхностны, ока-

зываетъ вредное вліяніе на органы кровообращенія. Дѣло въ томъ, что при каждомъ вдыханіи грудная клѣтка не только втягиваетъ въ себѣ воздухъ, но въ то же время она присасываетъ въ себя и венозную кровь изъ периферическихъ частей тѣла. Въ этомъ отношеніи грудная клѣтка является для сердца добавочнымъ насосомъ, который подкачиваетъ кровь къ сердцу и такимъ образомъ облегчаетъ задачу послѣдняго. Поэтому уменьшеніе присасывающаго дѣйствія грудной клѣтки на кровь, отъ какой бы причины оно не зависѣло, оказываетъ вредное вліяніе на дѣятельность сердца и въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ повлечь за собою серьезныя заболѣванія самого сердца.

Наоборотъ бодрое настроеніе характеризуется болѣе энергической дѣятельностью нервнаго центра, завѣдующаго сокращеніемъ дыхательныхъ мышцъ, и кровеобращеніе происходитъ энергичнѣе.

Какъ мы только что сказали, дыхательныя движенія обусловливаются сокращеніями мышцъ грудной клѣтки. Такимъ образомъ вопросъ о зависимости дыхательныхъ движеній отъ душевныхъ настроеній даетъ намъ возможность перейти къ болѣе общему вопросу о зависимости вообще мышечной

системы отъ нервной и отъ душевныхъ состояній.

Какъ извѣстно, мышцы человѣка сокращаются подъ вліяніемъ импульсовъ, которые они получаютъ по нервамъ изъ центральной нервной системы. Если перерѣзанъ нервъ, идущій къ какой либо мышцѣ, то уже человѣкъ не въ состояніи болѣе производить съ помощію ея движенія. Но, помимо рѣзко видимыхъ сокращеній мышцъ даже тогда, когда намъ кажется, что мышца совершенно въ покойномъ состояніи и неподвижна, она все таки находится до извѣстной степени въ напряженномъ состояніи подъ вліяніемъ постоянныхъ импульсовъ, посылаемыхъ по нервамъ изъ нервныхъ центровъ.

Въ совершенно разслабленноэе остояніе мышца приходитъ только въ томъ случаѣ, если ея связь чрезъ нервъ съ центральной нервной системой, совершенно уничтожена тѣмъ или инымъ способомъ. Эта извѣстная степень напряженности мышцъ, замѣчаемая въ нихъ даже тогда, когда они неподвижны, носитъ названіе тонуса ихъ. Этотъ тонусъ постоянно мѣняется въ зависимости, между прочимъ, и отъ душевнаго состоянія человѣка, а вмѣстѣ съ нимъ измѣняется осанка его и весь обликъ.

Когда человѣкъ въ бодромъ настроеніи, тонусъ мышцъ повышенъ — человѣкъ держится прямо, весь какъ будто подобравшись, голова его поднята, грудная клѣтка расширена. Наоборотъ, когда человѣкъ удрученъ чѣмъ нибудь, всѣ его мышцы какъ-будто разслаблены, онъ держится согнувшись, голова его опущена. Но разъ душевное состояніе оказываетъ такое рѣзкое вліяніе на степень сокращенія мышцъ всего тѣла, тѣмъ самымъ оно должно оказывать такое же рѣзкое вліяніе на химическіе процессы, происходящіе въ мышцахъ, т. к. каждое сокращеніе мышцы и напряженное состояніе ея сопровождаются и обусловливаются происходящими въ ней соотвѣтственными химическими процессами. Съ перваго взгляда бросается въ глаза, какую значительную часть человѣческаго тѣла составляютъ мышцы и мы видимъ, что они представляютъ изъ себя не только органы движенія, но и громадную лабораторію, въ которой происходятъ химическіе процессы и, какъ мы сказали выше, ходъ процессовъ въ этой лабораторіи находится подъ вліяніемъ душевныхъ процессовъ.

Химическими лабораторіями организма, по преимуществу, являются еще железы. Общеизвѣстна зависимость дѣятельности же-
 лезъ отъ душевныхъ состояній — такъ слезы

льются и отъ горя, и отъ сильной радости; когда человѣкъ хочетъ выразить, какъ онъ взволновался, онъ говоритъ, что „его даже въ потъ бросило“. Особенно важное значеніе имѣетъ печень въ виду ея размѣровъ; она является большой химической лабораторіей тѣла. И вотъ, давно уже была подмѣчена связь между печенью и душевными движеніями. Съ одной стороны заболѣваніями печени объясняли мрачное настроеніе человѣка: поэтому сохранились выраженія — желчный человѣкъ, ипохондрикъ. Съ другой стороны, бросалась въ глаза зависимость дѣятельности печени отъ душевныхъ состояній. Такъ до сихъ поръ говорятъ про человѣка, что онъ такъ разсердился, что у него желчь разлилась. Дѣйствительно, железы находятся посредствомъ нервовъ въ связи съ нервной системой и дѣятельность ихъ управляется и регулируется послѣдней. Чрезъ посредство нервной же системы душевныя состоянія могутъ оказывать вліяніе на процессы въ железахъ. Доказать постоянную связь между душевнымъ состояніемъ и дѣятельностью всѣхъ железъ человѣка и особенно выразить въ цифрахъ эту зависимость является задачей очень трудной и далеко неосуществленной до сихъ поръ, но не смотря на это существованіе

такой зависимости является въ высшей степени вѣроятной.

Помимо приведенныхъ выше фактовъ, указывающихъ на то воздѣйствіе, которое оказываетъ нервная система на весь организмъ, есть основаніе предполагать, что существуютъ нервы непосредственно вліяющіе на питаніе различныхъ частей тѣла — т. н. трофическіе нервы. Но мы не будемъ подробно останавливаться на этомъ вопросѣ, т. к. подобная роль нервовъ недостаточно еще выяснена, да и кромѣ того выше приведеннаго матеріала совершенно достаточно для выясненія вопроса о томъ насколько жизненные процессы организма управляются нервной системой.

XI.

Можетъ ли, съ теоретической точки зрѣнія, то или иное душевное состояніе воздѣйствовать на теченіе инфекціонной болѣзни? Несомнѣнно, механизмъ для такого воздѣйствія существуетъ; это — сосудодвигательная система, значенія которой въ организмѣ мы уже касались. Какъ мы говорили выше, лучшей теоріей, объясняющей въ настоящее время наибольшее число фактовъ, касающихся борьбы организма съ вторгнувшимися внутрь его микробами, является фагоцитарная теорія Мечникова. Согласно ей, какъ мы говорили выше, особыя клѣтки организма — бѣлые кровяные шарики нападаютъ на микробовъ, поглощаютъ ихъ и перевариваютъ ихъ внутри себя. Въ случаѣ проникновенія микробовъ въ организмъ въ опредѣленномъ мѣстѣ, въ это мѣсто должны скопиться въ громадномъ количествѣ бѣлые кровяные шарики. Путями, по которымъ проносятся они въ пораженный ор-

ганъ, являются кровеносные сосуды; чрезъ стѣнки сосудовъ, находящихся около мѣста, куда проникли микробы, бѣлые кровяные шарики проходятъ и тогда уже нападаютъ на послѣднихъ.

Очевидно, во всемъ этомъ процессѣ борьбы клѣтокъ организма съ микробами кровеносные сосуды играютъ очень важную роль. Дѣйствительно, въ пораженномъ мѣстѣ они сильно расширяются, чтобы въ обиліи снабдить его кровью и дать возможность большому количеству бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ попасть сюда. Но измѣненіе просвѣта сосудовъ происходитъ въ зависимости отъ сосудодвигательныхъ нервовъ, а мы уже говорили выше до какой степени ихъ функціонированіе измѣняется подъ вліяніемъ душевныхъ состояній.

Но зависимость того или другого исхода борьбы организма съ микробами отъ правильнаго функціонированія сосудодвигательнаго аппарата объясняется еще слѣдующимъ образомъ. Съ момента проникапія микробовъ въ организмъ не только наличные бѣлые кровяные шарики направляются на борьбу съ ними, но кромѣ того въ костномъ мозгу и селезенкѣ происходитъ энергичное производство новыхъ бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ. При этомъ и костный мозгъ, и

селезенка вслѣдствіе расширенія просвѣта приводящихъ сосудовъ обильно снабжаются кровью.

Это усиленіе тока крови происходитъ въ такихъ размѣрахъ, что въ томъ и другомъ органѣ цѣлыя группы клѣтокъ уносятся потокомъ крови, такъ что образуются маленькія полости, въ которыхъ свободно могутъ разножаться тѣ клѣтки, изъ которыхъ развваются бѣлые кровяные шарики. Здѣсь происходитъ въ организмѣ мобилизація резервовъ, которые пойдутъ на подкрѣпленіе дѣйствующей противъ микробовъ арміи.*) Очевидно и эти процессы находятся въ тѣсной зависимости отъ функціонированія сосудодвигательнаго центра.

Мы можемъ легко себѣ представить, что тяжелыя душевныя настроенія могутъ неблагопріятнымъ образомъ отразиться, затормозить, правильное дѣйствіе сосудодвигательнаго нервнаго механизма, вслѣдствіе чего не произойдетъ необходимое усиленіе кровеобращенія, какъ въ мѣстѣ инфекціи, такъ и въ кроветворныхъ органахъ (костномъ мозгу, селезенкѣ), въ результатѣ чего борьба съ микробами окончится самымъ неблагопріятнымъ образомъ для организма.

*) См. мою работу въ Virchow's Archiv, Bd. 191, H. 1, 1908, а по отношенію къ костному мозгу работу Lengemann'a, Ziegler's Beiträge, Bd. 29.

Но помимо этого вполнѣ яснаго механизма, посредствомъ котораго сильныя душевныя волненія или угнетеннное состояніе духа могутъ воздѣйствовать въ дурную сторону, можетъ существовать еще другая зависимость между поддавленнымъ душевнымъ состояніемъ и неблагопріятнымъ исходомъ инфекціи. Поглощеніе микробовъ клѣтками и перевариваніе ихъ внутри послѣднихъ суть процессы, зависящіе отъ степени энергіи жизненныхъ процессовъ въ этихъ клѣткахъ. Угнетенное состояніе духа дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ на интензивность жизненныхъ процессовъ всѣхъ клѣтокъ организма, причемъ въ настоящее время намъ извѣстны только часть способовъ, которыми осуществляется это угнетающее жизненные процессы вліяніе. Поэтому мы можемъ предположить, что подъ вліяніемъ тяжелыхъ душевныхъ состояній энергія жизненныхъ процессовъ въ бѣлыхъ кровяныхъ шарикахъ понижается также, какъ она понижается при голоданіи или при чрезмѣрномъ охлажденіи животнаго. А съ этимъ пониженіемъ будетъ связано для клѣтокъ меньшая способность поглощать микробы и переваривать ихъ.

Feré производилъ опыты, посредствомъ которыхъ пытался доказать пониженіе сопротивленія организма микробамъ подъ вліи-

яніемъ чувства страха и т. п. Онъ бралъ двѣ серіи *) животныхъ, одни оставлялись въ обычныхъ условіяхъ; животныхъ другой серіи постоянно пугали. При этомъ оказалось, что: 1) когда дѣлали посѣвы изъ крови животныхъ той и другой серіи, изъ крови животныхъ, оставленныхъ въ покоѣ, не удавалось получить бактерій; между тѣмъ какъ изъ крови животныхъ, находившихся все время подъ вліяніемъ чувства страха, были получены многочисленныя колоніи бактерій.

Во вторыхъ, животнымъ прививали болѣзнетворныхъ микробовъ (сибирской язвы, куриной холеры, пнеймоэнтерита свиней, пнеймококка Френкеля). Часть этихъ животныхъ оставляли въ покоѣ, другую-же постоянно пугали. Оказалось, что, если были взяты, микробы обладающіе большой силой возбуждать заболѣваніе (вирулентные), то животныя оставленныя въ покоѣ, хотя и умирали, но жили дольше, чѣмъ тѣ, которыхъ пугали. Если же брались ослабленные микробы, то только тѣ животныя, которыхъ пугали, и хворали или умирали въ то время, какъ животныя, оставленныя въ покоѣ, или совсѣмъ не заболѣвали или, захворавъ, выздоравливали. При этомъ нѣкоторыя животныя,

*) Loc. cit., стр. 266.

мало подверженныя заболѣванію опредѣленной болѣзнью, умирали отъ этой заразы, если они находились подъ вліяніемъ испуга. Такъ голуби, которыхъ пугали, погибли отъ зараженія микробами пнеймоэнтерита свиней, между тѣмъ, какъ голуби, оставленныя въ покоѣ, совсѣмъ не болѣли послѣ зараженія этими микробами.

Наконецъ, Feré пытался наглядно показать разницу въ способности организма бороться противъ заразы подъ вліяніемъ чувства страха и въ отсутствіе его. Для этого онъ примѣнилъ слѣдующій методъ, употреблявшійся еще до него. Подъ кожу кролика вводились стеклянныя трубочки, запаянныя съ одного конца и наполненныя культурой болѣзнетворныхъ микробовъ. Тогда у тѣхъ животныхъ, которыхъ оставляли въ покоѣ и не пугали, во первыхъ, въ трубочкахъ обыкновенно оказывалось значительное количество бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ, во вторыхъ, выходное отверстіе трубочекъ оказывалось часто закрытымъ цѣлой пробкой отъ скопившихся лейкоцитовъ, которые такимъ образомъ защищали организмъ отъ дальнѣйшаго проникновенія бактерій. Въ то же время у тѣхъ животныхъ, которыя находились подъ вліяніемъ чувства страха, такого скопленія лейкоцитовъ не замѣчалось.

Такимъ образомъ изъ этихъ опытовъ можно заключить, что у этихъ, животныхъ, одинъ изъ факторовъ, съ помощію которыхъ организмъ борется съ своими врагами, не функціонировалъ въ достаточной степени.

Мнѣ приходилось тоже работать этимъ-же самимъ методомъ (введеніе подъ кожу трубочекъ, наполненныхъ культурой бактерій), но для выясненія другихъ задачъ. И я вынесъ убѣжденіе, что такая постановка опытовъ мало доказательна. Разница въ количествахъ скопившихся микробовъ, какъ въ самихъ трубочкахъ, такъ и у ихъ отверстій не достаточно рѣзкая при различныхъ условіяхъ. Въ настоящее время возможна другая постановка опыта: было бы интересно выяснить, вліяетъ ли чувство страха на производство бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ кроветворными органами и для этого сравнить анатомическія измѣненія этихъ органовъ у животныхъ подъ вліяніемъ инфекціи и чувства страха и подъ вліяніемъ только одной инфекціи.

XII.

Мы изложили теоретическія данныя, заставляющія думать, о томъ большомъ вліяніи, которое душевный міръ оказываетъ на отправленія человѣческаго тѣла.*) Такимъ образомъ мы подошли къ вопросу, по которому уже собрано много матеріала, сведеннаго въ большія работы, изъ которыхъ особенно выдающееся мѣсто занимаетъ книга англійскаго ученаго D. H. Tuke'a подъ заглавіемъ „Illustrations of the influence of the mind upon the body in health and disease designed to elucidate the action of the imagination," первое изданіе которой вышло въ 1872 г., подробно на этомъ же вопросѣ останавливается Feré въ своей книгѣ „La pathologie des èmotions, études psychologiques et cliniques."

Въ началѣ введенія къ своей книгѣ Тьюкъ заявляетъ, что его задача заключа-

*) Указаніемъ большей части литературы по этому вопросу я обязанъ пр. В. Ф. Чижу.

ется въ томъ, чтобы, приведя значительное количество, бросающихся въ глаза фактовъ, освѣтить истину часто признаваемую, но гораздо чаще забываемую и еще чаще оставляемую въ пренебреженіи, что душа оказываетъ огромное вліяніе въ хорошую и дурную сторону на тѣло, съ которымъ она соединена. *). Въ дальнѣйшемъ онъ указываетъ, что органъ душевной жизни есть ничто иное, какъ конечный продуктъ развитія тѣхъ тканей и органовъ, изъ которыхъ состоитъ само тѣло, что онъ не только объединяетъ ихъ въ одно цѣлое, но и самъ является микрокозмомъ цѣлаго.

Приведемъ въ дальнѣйшемъ рядъ фактовъ о зависимости физіологическихъ процессовъ отъ душевныхъ, которые намъ показались наиболѣе характерными. На основаніи тѣхъ свѣденій, которыя мы приводили выше по поводу связи психическихъ явленій съ органами пищеваренія является вполнѣ понятной зависимость акта рвоты отъ тѣхъ или другихъ психическихъ представленій и образовъ. Эти факты настолько общеизвѣстны, что на нихъ нѣтъ необходимости останавливаться. Точно также общеизвѣстно вліяніе, которое оказываетъ душевное состояніе на чувство

*) Цит., изданіе Лондонск., 1884, стр. 1.

голода и жажды, иногда подавляя ихъ, иногда усиливая. Рѣзкое вліяніе оказываютъ психическія воздѣйствія на кишечникъ, въ однихъ случаяхъ вызывая запоры, въ другихъ поносы. О зависимости желтухи отъ душевныхъ волненій мы уже говорили. Мы уже останавливались на томъ могучемъ вліяніи, которое оказываютъ психическія вліянія на сердце. Къ фактамъ, приведеннымъ выше прибавимъ еще слѣдующіе. Тьюкъ цитируетъ стараго автора Hoffmann'a который говоритъ, что „печаль дѣлаетъ болѣе медленнымъ движеніе сердца и кровеобращенія."

Общеизвѣстно также то вредное вліяніе, которое на больное сердце оказываетъ гнѣвъ и вообще сильныя душевныя волненія. Описано множество случаевъ внезапной смерти, вызванной у людей съ больнымъ сердцемъ сильнымъ приступомъ гнѣва, а также внезапнымъ горемъ и даже радостью. Но не только внезапные сильные приступы горя оказываютъ вредное вліяніе на сердце, но длинный рядъ авторовъ указываетъ вообще на то вредное вліяніе, которое оказываетъ на сердце удрученное состояніе духа, развивая болѣзненныя явленія. Такъ Romberg въ своемъ учебникѣ, вышедшемъ въ 1906 году перечисляя причины, вызывающія

расширеніе сердца и недостаточность его называетъ тяжелыя душевныя настроенія, тяжелое горе, заботы — эти факторы, по его словамъ болѣе подрываютъ силы организма, чѣмъ различныя физическія воздѣйствія. У молодыхъ людей явленія слабости сердца, вызванныя угнетеннымъ состояніемъ духа иногда исчезаютъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Чаще же сердце не оправляется или же, если и оправляется, то не до полнаго выздоровленія.*)

Насколько извѣстна связь, существующая между сильными душевными волненіями и остановкой дѣятельности сердца, настолькоже признается зависимость наступленія апоплексіи — разрыва кровеносныхъ сосудовъ въ мозгу отъ душевныхъ потрясеній. Само собой понятно, что анейризма можетъ разорваться отъ сильнаго душевнаго волненія. Послѣднее точно также можетъ вызвать опасное легочное кроветеченіе, если поражены легкія. Но помимо этихъ обыденныхъ кроветеченій Тьюкъ цитируетъ авторовъ, описывавшихъ подъ вліяніемъ сильныхъ душевныхъ волненій появленія кроваваго пота.

---

*) Romberg. Lehrbuch der Krankheiten des Herzens. Stuttgart, 1906, p. 132.

Вѣроятно, большинству приходилось слышать, что душевныя волненія могутъ вызывать приступы мучительнаго кашля (такъ называемый нервный кашель). Приступы бронхіальнаго удушья тоже могутъ вызываться сильными душевными волненіями. Они же оказываютъ рѣзкое вліяніе на дѣятельность почекъ, вызывая усиленное выдѣленіе слабо окрашенной мочи. Они же воздѣйствуютъ, какъ указываетъ Тьюкъ, на дѣятельность мочеточниковъ, пузыря и мочеиспускательнаго канала. Далѣе Тьюкъ указываетъ, что психическія волненія оказываютъ неблагопріятное вліяніе на теченіе родовъ, воздѣйствуя задерживающимъ образомъ на сокращенія матки.

Общественныя бѣдствія оказываютъ рѣзкое вліяніе на состояніе здоровья. Подъ вліяніемъ того нравственнаго удара, который перенесли жители Парижа вслѣдствіе разбитыхъ надеждъ на освобожденіе города, послѣ сдачи Парижа пруссакамъ многіе казались постарѣвшими на десять лѣтъ за время въ пять мѣсяцевъ *). Несчастье или несчастная любовь могутъ явиться причиной развитія чахотки.

---

*) Tuke, op. cit. Vol. II, p. 72.

Разнообразныя пораженія кожи могутъ наступить подъ вліяніемъ душевныхъ потрясеній. Описываютъ развитіе рожи, нагноеніе накожной кисты подъ вліяніемъ чувства интенсивнаго страха. Высказывалось мнѣніе, что злокачественныя опухоли могутъ развиться подъ вліяніемъ сильныхъ душевныхъ потрясеній.

Признается, что горе и страхъ могутъ вызвать посѣдѣніе волосъ. Точно также выпаденіе волосъ является иногда слѣдствіемъ заботы и другихъ тяжелыхъ настроеній.

Общеизвѣстна связь, которая признается между чувствомъ страха и возможностью заболѣть холерой. Подобная связь между тяжелыми душевными настроеніями и проявленіемъ заболѣванія той или другой заразной болѣзнью признается многочисленными авторами. Между прочимъ, указываютъ, что приступы болотной лихорадки могутъ проявляться подъ вліяніемъ горя и заботы. Тьюкъ описываетъ появленіе приступа остраго сочленовнаго ревматизма подъ вліяніемъ испуга. Между причинами подагры указывались заботы по поводу общественныхъ и личныхъ дѣлъ, усиленный умственный трудъ, страсти, волненія всякаго рода. Какъ на непосредственную причину,

вызывающую отдѣльный приступъ подагры, указывали на острый пароксизмъ радости, горя и ужаса.

Изъ болѣзней обмѣна веществъ особенно извѣстна и признается всѣми врачами связь между душевными волненіями съ одной стороны и развитіемъ сахарной болѣзни (діабета).

Въ заключеніе этого отдѣла нужно отмѣтить, что такой выдающійся клиницистъ, какъ Штрюмпель держится той точки зрѣнія, что число заболѣваній тѣла, развившихся на психической основѣ, по крайней мѣрѣ также велико, какъ число чисто тѣлесныхъ заболѣваній *). Но рядомъ съ тѣмъ вреднымъ дѣйствіемъ, которое оказываютъ душевныя состоянія путемъ развитія въ организмѣ болѣзненныхъ явленій, наблюдается и ихъ благотворное вліяніе.

Такъ указываютъ благотворное вліяніе психическихъ воздѣйствій на скорбутъ. Припадокъ подагры можетъ пройти подъ вліяніемъ интенсивнаго чувства страха; такъ приводятъ рядъ случаевъ, когда паціентъ не могъ отъ пораженія суставовъ и болей сдвинуться съ мѣста, но подъ вліяніемъ чувства страха, вызваннаго пожаромъ или

*) Цит. по Левенфельду op. cit. p. 39.

какой-нибудь другой причиной, не только получалъ сразу возможность передвиженія, но и избавлялся совсѣмъ отъ припадка болѣзни.

Психическія воздѣйствія играли въ прежнее время большую роль и при лѣченіи приступовъ болотной лихорадки. Мы не будемъ останавливаться здѣсь на многочисленныхъ случаяхъ скрытаго внушенія, о которыхъ мы говорили выше и при которыхъ индифферентныя вещества и лѣчебныя пріемы оказываютъ необыкновенно рѣзкіе благотворные эффекты на впечатлительныхъ пациентовъ.

XIII.

Вотъ длинный рядъ фактовъ, который мы могли бы продолжить въ очень значительныхъ размѣрахъ, но мы отсылаемъ интересующихся ими къ капитальнымъ работамъ Tuke'a и Féré, гдѣ можно найти и обширную литературу по этому вопросу. Но и того, что мы привели достаточно для иллюстраціи того вывода, къ которому приходятъ всѣ, кто посвятилъ свое вниманіе вопросу о вліяніи душевной жизни на тѣло, а именно, что сильныя душевныя потрясенія необыкновенно энергично дѣйствуютъ на функціи организма и въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ проявить могучее лѣчебное вліяніе.

Но сейчасъ возникаетъ вопросъ, какъ же воспользоваться этимъ лѣчебнымъ дѣйствіемъ сильныхъ душевныхъ движеній. Мы знаемъ, что сильное чувство страха можетъ при извѣстныхъ условіяхъ излѣчить человѣка не только отъ тяжелой нервной болѣзни, но и отъ такой, которая сопровождается

серьезными органическими измѣненіями; но никто не рѣшится въ настоящее время примѣнять такой лѣчебный пріемъ, какъ чувство ужаса или страха.

По этому поводу Ferе цитируетъ мнѣніе Аристотеля, который думалъ, что страсти являются могучими орудіями въ рукахъ тѣхъ, кто могутъ ими пользоваться; но какъ замѣтилъ Сенека, это орудія на которыя нельзя положиться, такъ какъ нельзя ихъ пускать въ ходъ и останавливать по желанію „habent et non habentur".

Интенсивныя душевныя движенія могутъ воздѣйстовать на здоровье человѣка или въ хорошую или въ дурную сторону и никакая человѣческая предусмотрительность не въ состояніи, говоритъ Féré, предусмотрѣть конечныхъ резутьтатовъ. Душевныя движенія нельзя дозировать и потому въ общемъ приходится ограничиться робкими опытами.

Вотъ передъ этимъ затрудненіемъ и останавливались врачи, посвятившіе свое вниманіе вопросамъ психотерапіи.

Передъ той же самой задачей останавливается и Тьюкъ. Онъ говоритъ въ своей книгѣ: „мы приближаемся теперь къ разсмотрѣнію вопроса, какимъ образомъ выше изложенные факты, доказывающіе великое

значеніе, которое представляютъ душевныя состоянія для тѣла во время болѣзней, могутъ быть примѣнены на практикѣ для лѣчебныхъ цѣлей? Можетъ-ли эта безспорная сила быть контролируема и направляема? Можемъ ли мы сознательно рѣшиться воздѣйствовать на больного, говоритъ онъ, душевнымъ потрясеніемъ? Мы видѣли, что подагра можетъ быть излѣчена тѣмъ, что окно у котораго лежалъ больной было разнесено въ дребезги дышломъ воза или тѣмъ, что загорѣлся его домъ. Можемъ ли мы подражать этимъ случайностямъ, чтобъ получить тотъ же эффектъ?*)

Вотъ задача, передъ трудностью которой останавливались всѣ, кто занимался вопросомъ о примѣненіи психотерапіи. Между тѣмъ есть рычагъ, который даетъ возможность приводить въ движеніе силы души и управлять ими.

Какъ мы уже говорили, характерная черта трактатовъ, посвященныхъ психотерапевтическимъ процедурамъ, заключается въ томъ, что они привлекаютъ въ кругъ своего обзора воздѣйствіе на тѣло только сравнительно элементарныхъ и низшихъ сторонъ душевной жизни. Такъ они говорятъ о лѣчебномъ зна-

---

*) Op. cit, Vol. II, p. 231.

ченіи ощущеній, вниманія, интеллекта, воли, душевныхъ движеній, какъ то надежды, страха и т. д. но самыхъ высшихъ проявленій душевной жизни, въ которыхъ объединяются въ одно всѣ ея стороны — а именно области этическихъ процессовъ, нравственныхъ сторонъ человѣческой личности, они не затрогиваютъ.

Этимъ и обусловливается то, что психотерапія до сихъ поръ имѣетъ сравнительно незначительное практическое примѣненіе. Тьюкъ для того, чтобы найти практическій отвѣтъ на тотъ вопросъ, который онъ поставилъ себѣ и который мы привели выше, останавливается на Braid'измѣ (гипнотизмѣ). Гипнотизмъ, составляетъ главное содержаніе учебника Левенфельда.

Правда, врачи отмѣчаютъ то глубокое полезное вліяніе, которое можетъ оказать на теченіе болѣзненнаго процесса сильное религіозное чувство. Истинно религіозный характеръ, говоритъ напримѣръ Левенфельдъ, представляетъ для больного сокровище, которое врачъ долженъ использовать и ни въ какомъ случаѣ, каковы бы не были его собственные взгляды на вопросы вѣры, не долженъ съуживать или подрывать. Могущество вѣры у тѣхъ, которые обладаютъ ею въ полной мѣрѣ даетъ возможность осуще- 145

ствлять случай излѣченія чрезъ извѣстное психическое воздѣйствіе, каковое у свободомыслящихъ нельзя и пробовать примѣнить, а у людей съ слабой вѣрой подобные лѣчебные пріемы остаются безъ результата. Такая вѣра даетъ терпѣніе сносить страданіе и смягчаетъ страхъ смерти.*)

Тьюкъ идетъ еще дальше и говоритъ, что дикарь лишенъ неослабѣвающаго стремленія къ изслѣдованію и къ накопленію знаній, но тотъ, кто знаетъ много, несетъ наказаніе за свое превосходство въ томъ отношеніи, что онъ теряетъ свойство излѣчиваться чарами, проистекающими изъ вѣры въ лѣкарство.**)

Для меня нѣтъ болѣе рѣзкаго доказательства безсилія современныхъ врачей въ воздѣйствіи на душу больного, какъ подобныя сожалѣнія. Неужели-же существеннѣйшій результатъ культуры заключается въ томъ, что мы дѣйствительно должны завидовать людямъ съ элементарной психологіей или даже, какъ предлагаетъ Тьюкъ, дикарямъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что душа культурнаго человѣка можетъ подняться до самыхъ интенсивныхъ благородныхъ душевныхъ дви-

*) Löwenfeld, op. cit. p. 67.

**) Tuke, op. cit. Vol. II p. 287.

женій могущественно воздѣйствующихъ на больное тѣло. Но надо умѣть пробудить ихъ. Для этого врачи должны включить въ кругъ своихъ интересовъ идеалистическія стороны душевной жизни своихъ паціентовъ. Нравственное перерожденіе личности и явится тѣмъ рычагомъ, который дастъ возможность пробудить въ душѣ больного могучія цѣлебныя силы. Въ этомъ случаѣ уже нечего бояться того, чего такъ опасались врачи и философы съ давнихъ временъ — возбудить столь сильное душевное движеніе, что управленіе имъ выйдетъ изъ рукъ и врача и больного. Сильный душевный подъемъ, исходящій изъ широкихъ нравственныхъ основъ всегда будетъ только благотворенъ и для духовной и для физической стороны жизни индивидуума. Такой душевный подъемъ будетъ развиваться постепенно, можетъ достигнуть большой интенсивности и, если онъ будетъ построенъ на достаточно широкихъ нравственныхъ основахъ, то онъ будетъ и проченъ. *)

---

*) Французскіе авторы (см. напримѣръ, Dubois Les psychoneuroses et leur traitement moral; Paris, 1905 и Zbinden, La psychotherapie rationelle, Génève, 1907) часто употребляютъ выраженія traitement moral и influence morale, но подъ этими выраженіями они подразумѣваютъ только воздѣйствіе на

Такимъ образомъ то, что мы предлагаемъ, какъ лѣчебный пріемъ входитъ въ общее понятіе психотерапіи. Но это будетъ новая отрасль психотерапіи, пользующаяся для своихъ цѣлей тѣми сторонами душевной жизни человѣка, которыя до сихъ поръ игнорировались не только большинствомъ врачей, но даже и спеціалистами, посвятившими себя психотерапіи. Желая оттѣнить эту новую сторону лѣчебнаго воздѣйствія на душу больного мы остановились на терминѣ— аретотерапіи, въ виду того что въ греческомъ словѣ arete, какъ мнѣ любезно указалъ проф. Я. Ф. Озе, вложено не только понятіе добродѣтели, доблести, но и стремленіе осуществить ее, нравственно совершенствоваться.

душу больнаго съ лѣчебными цѣлями, т. е. психотерапію въ широкомъ смыслѣ этого слова (какъ-то: стремленіе врача ободрить больнаго внушить ему увѣренность въ его выздоровленіи, стремленіе укрѣпить его волю, наконецъ стремленіе вызвать въ больномъ сознательное отношеніе какъ къ своему положенію, такъ и къ примѣняемому лѣченію). Высшія этическія стороны духовной жизни больнаго такое лѣчебное воздѣйствіе совершенно не затрогиваетъ.

XIV.

Возращаясь къ большому матеріалу, собранному по вопросу о воздѣйствіи души на тѣло въ спеціальныхъ работахъ, посвященныхъ этому вопросу, мы должны остановиться на общей характеристикѣ приводимыхъ явленій. Все это болѣе или менѣе яркіе примѣры воздѣйствія внезапно наступающихъ интенсивныхъ душевныхъ процессовъ, вносящихъ рѣзкія измѣненія въ физическомъ состояніи наблюдаемыхъ субъектовъ— напримѣръ, воздѣйствіе на здоровье интенсивнаго внезанно наступившаго чувства страха, радости и т. д. Рядомъ съ этимъ приводятся примѣры воздѣйствія на тѣло болѣе длительныхъ душевныхъ состояній, но тоже значительной интенсивности, напримѣръ тяжелаго горя, разбитыхъ надеждъ и т. д. Вполнѣ понятно, что когда стали заниматься вопросомъ о воздѣйствіи души на тѣло, то прежде всего бросились въ глаза яркіе примѣры такого воздѣйствія. Но такое

положеніе этого вопроса представляетъ аналогію съ тѣмъ состояніемъ геологіи, въ какомъ она была до Ляйеля, когда она всѣ измѣненія земной коры сводила на дѣйствіе грандіозныхъ катастрофъ — грандіозныхъ землетрясеній, потоповъ, изверженій вулкановъ, проваловъ цѣлыхъ материковъ (см. „Les révolutions du globe“ Cuvier). Въ дальнѣйшемъ, какъ извѣстно, значеніе этихъ катастрофъ отошло на задній планъ, а вся картина образованія земной поверхности сводится на повседневныя постоянныя, незамѣтныя невнимательному наблюдателю измѣненія. На той же элементарной точкѣ зрѣнія, на которой стояла когда то геологія стоитъ, по нашему мнѣнію, въ настоящее время ученіе о воздѣйствіи души на тѣло.

Правда, нѣкоторые врачи, какъ напр., Лёвенфельдъ, признаютъ, что при возникновеніи и исчезаніи соматическихъ болѣзненныхъ явленій вслѣдствіе воздѣйствія психическихъ вліяній не происходитъ чего либо такого, чего не имѣется при нормальномъ ходѣ психическихъ и соматическихъ функцій. Повидимому, говоритъ онъ, здѣсь дѣло идетъ только о количественномъ измѣненіи усиленія и уменьшенія существующихъ по-
 стоянно вліяній души на тѣло. Но, въ

настоящее время эта точка зрѣнія оказываетъ мало вліянія на міросозерцаніе главной массы врачей; она находитъ мало отклика въ современной наукѣ. Изъ нея, какъ мы показали, не дѣлаютъ тѣхъ важныхъ практическихъ выводовъ, которые можно было бы сдѣлать. Наконецъ, что касается самого этого вліянія души на тѣло то, можно предполагать, что оно въ теченіе всей жизни человѣка имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ это принято думать.

До сихъ поръ мы старались показать, какое важное значеніе имѣютъ высшія стороны душевной жизни человѣка для успѣшнаго проведенія сложныхъ системъ современнаго лѣченія. Далѣе, мы подробно остановились на той зависимости, которая существуетъ между душевнымъ состояніемъ и отправленіями самыхъ важныхъ органовъ человѣческаго тѣла. Наконецъ, теперь мы попытаемся обосновать предположеніе, что высшія идеалистическія стороны душевной жизни являются основнымъ элементомъ, обусловливающимъ весь циклъ физической жизни человѣка, ту или другую ея продолжительность, большую или меньшую степень заболѣваемости, которой подвергается человѣкъ и т. д. Конечно, это только предположеніе, но предположеніе, которое, какъ

мы увидимъ дальше, имѣетъ очень много за себя и которое можетъ оказаться очень важнымъ для цѣлаго ряда практическихъ выводовъ.

Если мы обратимся къ классификаціи болѣзненныхъ явленій, то мы увидимъ, что по мѣрѣ развитія науки, она все глубже охватываетъ факты, стараясь все безконечно большое разнообразіе болѣзненныхъ симптомовъ свести къ сравнительно небольшому числу общихъ группъ.

Такъ, первоначально каждый отдѣльный, симптомъ представлялъ изъ себя и болѣзнь. Эта классификація до сихъ поръ сохранилась въ общежитіи и въ захолустьяхъ медицины. Такъ напримѣръ, боль подъ ложечкой, кровавая рвота, поносъ это все представлялось въ видѣ отдѣльныхъ болѣзней. Слѣдующая стадія медицинскихъ знаній характеризуется тѣмъ, что въ ней господствующую роль играетъ патологоанатомическая точка зрѣнія. Берется какой нибудь органъ, въ немъ констатируются извѣстныя патолого-анатомическія измѣненія и съ этими измѣненіями связывается цѣлый рядъ симптомовъ. Такъ, напримѣръ, катарръ желудка, плевритъ, чахотка легкихъ представляютъ изъ себя болѣзненныя формы съ извѣстными анатомическими

измѣненіями опредѣленнаго характера и съ цѣлой массой отдѣльныхъ симптомовъ, обусловленныхъ этими измѣненіями.

Наконецъ, дальнѣйшая ступень науки заключалась въ томъ, что цѣлый рядъ отдѣльныхъ болѣзненныхъ формъ („болѣзней"), какъ, напримѣръ, бронхитъ, плевритъ и т. д., были сведены въ большія группы, въ основѣ которой лежали опредѣленныя причины заболѣваемости, а цѣлый рядъ отдѣльныхъ болѣзненныхъ формъ, смѣнявшихся одна другой у разныхъ субъектовъ или послѣдовательно замѣнявшихъ одна другую во времени у одного и того же больного, представлялся однимъ болѣзненнымъ процессомъ постепенно развертывавшимся съ необыкновенно разнообразными пораженіями различныхъ органовъ.

Особенно въ этомъ отношеніи замѣчательны хроническія заболѣванія, вызываемыя нападеніемъ на организмъ нѣкоторыхъ микробовъ, какъ напримѣръ бациллъ туберкулеза или спирохэтъ сифилиса. Такъ, напримѣръ, туберкулезъ выражается самыми разнообразными пораженіями самыхъ различныхъ органовъ. Къ нему относится такъ называемая золотуха дѣтей, состоящая главнымъ образомъ въ туберкулезномъ пораженіи лимфатическихъ железъ.

Туберкулезная бацилла можетъ поразить кости и тогда мы будемъ имѣть различныя обезображиванія больного въ видѣ горба, пораженныхъ суставовъ и т. д. Она можетъ вызвать скопленія жидкости, какъ въ полостяхъ суставовъ, такъ и въ брюшинѣ; послѣднее носитъ названіе туберкулезнаго перитонита. Въ другой формѣ это пораженіе брюшины выражается сращеніемъ кишекъ между собою или приращеніемъ ихъ къ брюшной стѣнкѣ. По внутренней поверхности кишекъ туберкулезныя пораженія могутъ выразиться въ формѣ язвъ. Точно также необыкновенно разнообразны пораженія, вызываемыя туберкулезными бациллами въ органахъ дыханія, начиная съ плевритовъ, выражающихся или въ скопленіяхъ жидкости въ полости плевры, или въ уничтоженіи этой полости, причемъ поверхность легкаго приростаетъ къ грудной стѣнкѣ. Крайне разнообразны туберкулезныя пораженія самихъ легкихъ, причемъ въ иныхъ случаяхъ легкое разрушается туберкулезнымъ процессомъ, между тѣмъ, какъ въ другихъ случаяхъ онъ выражается преимущественнымъ развитіемъ соединительной ткани, вслѣдствіе чего легкое сморщивается и уменьшается въ объемѣ. При туберкулезныхъ пораженіяхъ легкаго часто насту-

паетъ такое же пораженіе гортани въ видѣ изъязвленій. Мочевые пути и почки, мужскіе и женскіе половые органы являются тоже мѣстомъ разнообразныхъ пораженій, источникомъ которыхъ является все таже туберкулезная бацилла. На кожѣ она тоже производитъ разнообразныя заболѣванія. Если мы обратимся къ нервной системѣ, то и здѣсь встрѣтимъ разнообразныя пораженія туберкулезнаго характера или въ видѣ отдѣльной опухоли (солитарный туберкулезный бугорокъ), или въ видѣ разлитого пораженія мозговыхъ оболочекъ — т. называемый туберкулезный менингитъ и т. д.

Такимъ образомъ одна и таже причина — туберкулезная бацилла можетъ вызвать безконечное разнообразіе различныхъ пораженій въ организмѣ. Проникновеніе ее въ организмъ можетъ послѣдовать въ первые недѣли или мѣсяцы жизни человѣка, а болѣзненныя явленія продолжаться всю жизнь, растягиваясь на многіе десятки лѣтъ и безконечно измѣняясь въ своемъ разнообразіи.

Такъ же разнообразны явленія, вызываемыя сифилисомъ, и также могутъ они растягиваться на длинный промежутокъ времени. Помимо мѣстныхъ явленій, наблюдаемыхъ на самомъ мѣстѣ проникновенія въ организмъ заразы и т. н. вторичныхъ явленій,

наблюдаемыхъ въ первые годы заболѣванія, наступаютъ въ дальнѣйшемъ, такъ называемыя, третичныя явленія, сопровождающіяся глубокими разрушеніями тѣхъ органовъ, на которыхъ они развиваются и оставляющія пораженія, заживающія рубцами.

Но даже когда кончится весь циклъ процессовъ, относимыхъ обычно къ сифилису, мы можемъ найти у больного рядъ явленій, не представляющихъ собственно сифилитическихъ измѣненій, но не смотря на то эти болѣзненныя явленія многими учеными ставятся въ связь съ сифилисомъ. Такъ черезъ много лѣтъ послѣ заболѣванія сифилисомъ у больного могутъ развиться сложныя и ужасныя нервныя болѣзни, какъ прогрессивный параличъ помѣшанныхъ и спинная сухотка. До сихъ поръ еще не выяснена окончательно связь между этими болѣзнями и сифилисомъ и многіе отрицаютъ ее, но весьма вѣроятно, что зависимость ихъ возникновенія отъ перенесеннаго сифилиса существуетъ.

Наконецъ, для цѣлаго ряда болѣзненныхъ измѣненій внутреннихъ органовъ, не смотря на то, что эти измѣненія не относятся собственно къ сифилису, весьма вѣроятной является ихъ связь съ перенесенной ранѣе этой болѣзнью. Сюда относятся, между

прочимъ, преждевременное старческое перерожденіе артерій, аневризмы аорты, перерожденіе сердечной мышцы различныя заболѣваній печени и т. д. Насколько всѣ эти факты имѣютъ общее значеніе можно заключить изъ того, что въ настоящій моментъ является очень труднымъ рѣшить, какой процентъ сифилитики и дѣти ихъ составляютъ въ общей массѣ населенія, но по всей вѣроятности процентъ очень значительный. Что же касается туберкулеза, то принимаютъ, что отъ одной только чахотки умираетъ одна седьмая ($^1/_7$) часть человѣчества, по вопросу — же вообще о зараженности человѣчества туберкулезомъ, существуютъ данныя, указывающія на то, что повидимому почти весь наличный составъ культурныхъ народовъ носитъ въ себѣ бациллы туберкулеза, но только, у большинства зараженіе это не проявляется рѣзкими симптомами.

Вернемся къ картинѣ болѣзненныхъ явленій, представляемыхъ туберкулезомъ и сифилисомъ. Картина измѣненій, которыя представляютъ больные, пораженныя той или другой болѣзнью, необыкновенно разнообразна, тянется она зачастую всю жизнь больного и наблюдается даже въ ихъ потомствѣ, безконечно измѣняясь въ своихъ

проявленіяхъ. У однихъ одни тяжелыя явленія смѣняются другими, не смотря на тщательно проведенное лѣченіе, у другихъ же первые приступы болѣзни протекаютъ сравнительно легко, больные поправляются отъ нихъ и потомъ остаются всю свою долгую жизнь, повидимому совершенно здоровы, у третьихъ, наоборотъ, послѣ слабыхъ первыхъ проявленій болѣзни, развиваются тяжелыя явленія.

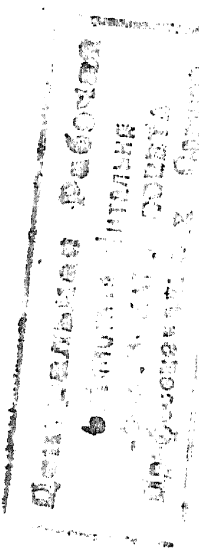
Отчего зависитъ такое разнообразіе въ теченіи болѣзни? Врачи сводятъ это разнообразіе на результатъ взаимодѣйствія двухъ факторовъ: степени вирулентности микробовъ, т. е. способности ихъ вредить организму и съ другой стороны степенью сопротивленія со стороны послѣдняго ихъ вредному дѣйствію. Картина соотношенія этихъ двухъ факторовъ здѣсь настолько сложна, что какова бы она не была, врачу всегда очень легко объяснить тотъ или другой исходъ тѣмъ или инымъ соотношеніемъ этихъ двухъ факторовъ. Такъ представимъ себѣ, что цвѣтущій, пышащій здоровьемъ человѣкъ заболѣваетъ заразной болѣзнью и легко ее переноситъ. Это легкое теченіе болѣзни съ научной точки зрѣнія очень просто объясняется
 тѣмъ, что цвѣтущій организмъ обладаетъ

въ силу своего здоровья прекрасными защитительными приспособленіями противъ микробовъ, такъ что послѣдніе были очень легко побѣждены.

Представимъ другое стеченіе обстоятельствъ, которое тоже очень часто встрѣчается въ жизни. Одной и той-же заразной болѣзнью заболѣваютъ два субъекта — одинъ цвѣтущій, а другой жалкій и тщедушный. Часто бываетъ, что выживаетъ именно слабенькій, жалкій на видъ, а цвѣтущій погибаетъ. И это тоже очень легко объясняется на основаніи современныхъ научныхъ теорій. Тщедушный видъ выздоровѣвшаго паціента объясняется тѣмъ, что его предки жили въ неблагопріятныхъ условіяхъ и въ силу этого подвергались заболѣваніямъ разнообразными инфекціонными болѣзнями и въ томъ числѣ и той, о которой только что шла рѣчь. Въ виду этого изъ поколѣній въ поколѣнія у предковъ тщедушнаго больного вырабатывалась способность сопротивляться заразѣ, способность, которая унаслѣдовалась нашимъ больнымъ и дала ему возможность легко перенести болѣзнь. Между тѣмъ, какъ умершій не смотря на свое цвѣтущее здоровье не имѣлъ такихъ, унаслѣдованныхъ отъ предковъ, свойствъ вслѣдствіе чего и не могъ выдержать заразы.

Такимъ образомъ картина теченія и исхода болѣзней, необыкновенно разнообразится въ зависимости отъ мѣняющагося соотношенія этихъ двухъ факторовъ — вирулентности микробовъ и силы сопротивленія организма. При этомъ врачъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ не можетъ точно опредѣлить величину ни того, ни другого фактора. Но разъ дѣло идетъ о способности организма сопротивляться внѣдрившимся въ него микробамъ слѣдуетъ принимать во вниманіе и душевныя силы человѣка. Мы уже указали выше. насколько помогутъ они больному провести въ жизнь сложную современную систему лѣченія. Отъ наличности ихъ въ той или другой степени зависитъ бодрое настроеніе больного и наконецъ подъемъ духа окажетъ свое благотворное вліяніе на работу и жизнедѣятельность главнѣйшихъ органовъ. А это все не можетъ не отозваться въ благопріятную сторону при борьбѣ организма съ возбудителями болѣзни.

XV.



Совершенно также, какъ по мѣрѣ развитія науки углублялась классификація болѣзненныхъ явленій, также измѣнялись и углублялись взгляды врачей на причины болѣзней. Еще недавно на первомъ планѣ выдвигались такія причины, которыя теперь въ нашихъ глазахъ имѣютъ второстепенное значеніе. Такъ возьмемъ чахотку легкихъ. Еще недавно простуда выставлялась, какъ одна изъ самыхъ важныхъ причинъ, и нѣкоторые больные еще теперь, если вы будете ихъ распрашивать, точно укажутъ вамъ моментъ и поводъ заболѣванія: они, разгорячившись, случайно попали на сквозной вѣтеръ или, легко одѣвшись, вышли на улицу и прозябли и вотъ послѣ этого заболѣли, причемъ они иногда точно могутъ указать день и часъ, когда у нихъ началась тяжелая болѣзнь. Когда-то такой-же точки зрѣнія держались и врачи, но затѣмъ явились попытки глубже проникнуть въ соотношеніе

явленій. Была выдвинута наслѣдственность. Существеннымъ факторомъ стали признавать породу больного, общія и ему и его роднымъ свойства организаціи. Вмѣсто одного случайно вырваннаго обстоятельства жизни стали стараться охватить всю совокупность условій, въ которой до сихъ поръ жилъ больной. Спеціально для чахотки выяснилось пагубное значеніе необходимости жить и работать въ помѣщеніяхъ съ дурнымъ обильнымъ пылью воздухомъ. Выяснилось значеніе для развитія чахотки недостаточнаго питанія. Наконецъ, наблюденія въ клиникахъ, микроскопическая анатомія и бактеріологія дали возможность объединить въ одно цѣлое длинный рядъ разнообразныхъ и не похожихъ другъ на друга болѣзненныхъ формъ и оказалось, что основной причиной во всѣхъ этихъ разнообразныхъ заболѣваніяхъ является туберкулезная бацилла.

Представьте себѣ, что передъ вами явился больной съ начальными явленіями туберкулеза легкихъ. Несмотря на то, что онъ будетъ говорить вамъ, что онъ боленъ всего два или три мѣсяца, а до того былъ совершенно здоровъ и какъ причину укажетъ простуду, которой онъ подвергся въ то время, внимательное изслѣдованіе укажетъ

вамъ болѣе глубокія причины. Въ большинствѣ случаевъ окажется, что больной заразился туберкулезомъ еще въ младенческіе годы, еще тогда можно у него было констатировать рядъ болѣзненныхъ явленій, которыя обобщаютъ подъ общимъ названіемъ золотухи, въ дальнѣйшемъ, можетъ быть, у него были отдѣльные приступы заболѣванія, которые выхваченные отдѣльно можно было объяснить другими причинами, а не туберкулезомъ и только теперь, обращаясь назадъ, сопоставляя отдѣльныя явленія, мы можемъ большинство изъ нихъ свести тоже къ проявленіемъ туберкулеза. Наконецъ, подъ вліяніемъ ряда неблагопріятныхъ факторовъ скрытый туберкулезъ, до сихъ поръ мало дававшій о себѣ знать, проявился въ рѣзкой формѣ, которая можетъ довести больнаго до фатальнаго конца.

Въ ряду этихъ неблагопріятныхъ факторовъ, вызвавшихъ рѣзкое проявленіе туберкулеза, можетъ находиться, какъ мы сказали выше недостаточное питаніе, пребываніе въ спертомъ воздухѣ и т. д. Въ этомъ отношеніи нѣтъ рѣзкой разницы между человѣкомъ и туберкулезнымъ животнымъ. Но для человѣка помимо этихъ чисто матеріальныхъ агентовъ играетъ важную роль душевное состояніе. Особенно на примѣрѣ тубер-

кулеза легко выяснить, какую важную роль играютъ душевные процессы въ развитіи и исходѣ заболѣваній. Легко себѣ представить, какъ разбитые идеалы, обманутыя надежды, отвергнутая любовь, потеря вѣры въ себя могутъ повлечь за собою заболѣваніе. Какъ мы показали выше, матеріальные жизненные процессы тѣсно связаны съ душевной жизнью. Такъ подавленное настроеніе не можетъ не отразиться на пріемѣ пищи и на самомъ процессѣ пищеваренія. Представьте себѣ организмъ, который упорно противостоялъ внѣдрившемуся въ него туберкулезу и вдругъ прибавляется новый отягчающій факторъ — недостаточное питаніе, вполнѣ понятнымъ является послѣдующій за этимъ взрывъ болѣзни. Но вѣдь дѣло не въ одномъ только пониженіи питанія, подавленное настроеніе отразится на дыхательныхъ движеніяхъ грудной клѣтки, на кровеобращеніи, на дѣятельности сердца, на химическомъ обмѣнѣ организма и т. д. Изъ этого мы видимъ, какое важное значеніе имѣетъ душевная жизнь человѣка для физическаго здоровья и заболѣванія.

Перейдемъ теперь къ тѣмъ острымъ инфекціоннымъ болѣзнямъ, которыя совершенно неожиданно поражаютъ еще наканунѣ здороваго человѣка, какъ напримѣръ, воспаленіе

легкихъ, тифы и т. п. Интереснымъ въ этихъ болѣзняхъ является то, что пораженные субъекты обыкновенно въ теченіе продолжительнаго времени подвергаются возможности заболѣть. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно предположить, что возбудитель болѣзни долго жилъ гдѣ нибудь въ организмѣ, напр. въ полости рта, не причиняя вреда человѣку. Въ другихъ случаяхъ, напримѣръ, въ мѣстности, обычно поражаемой брюшнымъ тифомъ, гдѣ питьевая вода часто содержитъ въ себѣ брюшнотифозныя бациллы, мы должны предполагать, что, вѣроятно, заболѣвшему субъекту неразъ представлялась опасность заболѣть, неразъ, вѣроятно, попадали въ него возбудители болѣзни; но они не могли проникнуть глубоко въ организмъ и размножиться въ немъ, до тѣхъ поръ, пока наконецъ сопротивляемость организма не оказалась ослабленной и онъ не подвергся заболѣванію.

Можно представить цѣлый рядъ объясненій, почему организмъ, долго противостоявшій заразѣ, вдругъ оказался не въ силахъ сопротивляться ей. Въ однихъ случаяхъ играетъ роль временная ранимость покрововъ, выстилающихъ, какъ наружную поверхность тѣла, такъ и внутреннія полости. Въ другихъ, когда, напримѣръ, возбудитель

заразы проникаетъ черезъ пищеварительные органы, это проникновеніе можетъ быть обусловлено тѣмъ, что пищеварительные соки выдѣляются въ недостаточномъ количествѣ и ненадлежащаго состава. Способность организма сопротивляться заразѣ можетъ быть временно подавлена вслѣдствіе того, что питаніе больного подорвано, или послѣ сильнаго кроветеченія и т. д. Такимъ образомъ основаній для объясненія этого явленія можно привести очень много. Но какъ не много такихъ объясненій, которыя сводятся къ неправильной работѣ или ненормальному состоянію тѣхъ или другихъ частей организма, мы не должны за массой такихъ объясненій позабывать и той важной роли, которая принадлежитъ психической жизни человѣка въ вопросѣ о причинахъ болѣзней.

Подавленное душевное состояніе имѣетъ очень важное значеніе въ ряду причинъ вызывающихъ острыя заболѣванія. Какими путями воздѣйствуетъ это подавленное настроеніе на организмъ, вызывая въ немъ воспріимчивость къ заразѣ, легко представить читателю, вспомнивъ все приведенное выше по поводу связи между душевной жизнью и функціями организма. По этому поводу слѣдуетъ припомнить старое наблю-

деніе, что люди особенно боящіеся холеры легче всего заболѣваютъ ею. Исходя изъ такихъ соображеній всегда стараются при развитіи эпидемій бороться противъ возникновенія паники въ населеніи. Что касается холеры, то если допустить, а это весьма вѣроятно, что кислый желудочный сокъ является препятствіямъ, недопускающимъ холерную бациллу проникнуть въ кишечникъ, то боязнь легко можетъ отразиться на отдѣленіи желудочнаго сока — онъ можетъ совсѣмъ перестать выдѣляться и тогда этотъ важный оплотъ противъ заразы будетъ уничтоженъ. Но это только одно изъ объясненій, наиболѣе грубыхъ, для того чтобы выяснить связь между душевной жизнью и способностью организма сопротивляться, въ цѣломъ же рядѣ другихъ случаевъ механизмъ этихъ отношеній еще не выясненъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможно связать заболѣваніе острыми болѣзнями съ высшими сторонами душевной жизни. Представимъ себѣ человѣка, у котораго имѣется извѣстный планъ дѣятельности, связанный съ извѣстными ожиданіями и надеждами. Представимъ себѣ, какъ это часто бываетъ, что ему на пути становятся рядъ препятствій; задачи, которыя онъ себѣ поставилъ, оказываются ему не подъ силу; одна за дру-

гою закрываются для него возможности счастливаго исхода и наконецъ, онъ остается съ разбитыми ожиданіями, съ закрытыми путями для дальнѣйшей дѣятельности. Представляется весьма возможнымъ, что въ результатѣ разовьется тяжелое острое заболѣваніе. И, если не всѣ силы больного окончательно подорваны, если его стремленіе бороться за свою жизнь и счастье не окончательно уничтожены, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ эта болѣзнь является счастливымъ исходомъ, т. к. человѣкъ, прикованный къ постели, оторванный отъ мелочныхъ подробностей повседневной жизни, осужденный на вынужденную бездѣятельность, можетъ разобраться въ своемъ положеніи, освободиться отъ того, что пригнетало его и найти новые пути для себя.

Въ старыхъ романахъ встрѣчается очень часто тяжелая болѣзнь (нервная горячка и т. п.), какъ исходъ для героя изъ тяжелаго запутаннаго положенія. И въ этихъ романахъ отражалось вѣрное жизненное наблюденіе того, что не рѣдко бываетъ въ дѣйствительности.

Все то, что мы излагали до сихъ поръ даетъ намъ возможность высказать предположеніе, что душевный міръ человѣка обусловливаетъ продолжительность его жизни

и теченіе ея. Человѣкъ живетъ столько, сколько у него имѣется въ запасѣ идеализма и хватаетъ ему душевныхъ силъ въ борьбѣ съ его окружающимъ. Ни сердце, ни мускулы, ни почки, ни то или другое состояніе артерій обусловливаютъ продолжительность жизни и степень здоровья, какъ это принято думать, а тотъ запасъ душевныхъ силъ, которыми человѣкъ располагаетъ. Отъ его душевнаго міра зависитъ состояніе и степень, изнашиваемости его важнѣйшихъ органовъ. Этимъ я не хочу отрицать вреднаго вліянія тѣхъ или другихъ физическихъ факторовъ на эти органы. Такія вліянія несомнѣнны, но дѣйствіе этихъ факторовъ подчиняется той болѣе глубокой связи, которая существуетъ между душевной жизнью человѣка и его тѣломъ.

Можно представить себѣ, что человѣкъ живетъ столько, сколько хватаетъ въ немъ запаса идеализма взятаго имъ въ жизненный путь съ юности или выработаннаго потомъ. Этотъ идеализмъ поддерживаетъ его, осмысливаетъ каждый его шагъ, проводитъ его невредимымъ чрезъ трудные моменты жизни, не даетъ ему отчаиваться, какія бы мрачныя явленія его не окружали. Если же человѣкъ не вынесъ съ собою на жизненную дорогу такого запаса идеализма или

это идеалистическое настроеніе было столь не глубоко, что оно скоро исчезло, то человѣкъ остается безъ существенной поддержки въ тяжелой жизненной борьбѣ и мы можемъ представить себѣ его исторію, какъ быстрый процессъ разрушенія его тѣла подъ вліяніемъ тѣхъ вредныхъ вліяній и ударовъ, которымъ онъ подвергается въ жизни и которымъ онъ не въ состояніи противопоставить ни сознательнаго отпора, — вѣдь для послѣдняго необходимъ подъемъ на высшія ступени душевной жизни, ни простого сопротивленія тканей своего тѣла, т. к. и клѣтки организма направляются въ своихъ жизненныхъ процессахъ импульсами, источникъ которыхъ въ высшихъ проявленіяхъ душевной жизни.

Такимъ образомъ этическія, идеалистическія стороны человѣческой личности для насъ не только обусловливаютъ его поведеніе и такимъ образомъ его жизненный путь, но кромѣ того являются регуляторомъ, который опредѣляетъ ходъ и продолжительность физіологическихъ процессовъ организма. Выражаясь въ терминахъ матеріалистическаго міросозерцанія, тѣ группы клѣтокъ мозговой коры, строеніемъ и жизнедѣятельностью которыхъ обусловливаются сознательные процессы нашей нравственной

жизни и наши отношенія къ окружающимъ людямъ и всему человѣчеству, въ тоже время регулируютъ и ходъ жизненныхъ процессовъ всѣхъ остальныхъ клѣтокъ нашего организма.

Мы можемъ привести аналогичные примѣры того, какъ небольшая относительно группа клѣтокъ своимъ существованіемъ обусловливаетъ ходъ процессовъ всего организма и даже его психическій обликъ. Это клѣтки половыхъ железъ — яичекъ и яичниковъ. Съ удаленіемъ ихъ происходятъ глубочайшія измѣненія въ самыхъ разнообразныхъ органахъ тѣла — общеизвѣстны послѣдствія кастраціи. Аналогичную роль для хода жизненныхъ процессовъ въ организмѣ играютъ и клѣтки т. н. щитовидной железы.

Отношеніе клѣтокъ половыхъ и щитовидной железъ къ остальнымъ клѣткамъ организма представляетъ аналогію съ той зависимостью, въ которой, какъ мнѣ кажется, находятся клѣтки всего организма отъ тѣхъ клѣтокъ мозговой коры, съ которыми связаны высшіе душевные процессы. Только пути воздѣйствія этихъ двухъ группъ клѣтокъ на весь организмъ, различные. Въ настоящее время предполагаютъ, что клѣтки половыхъ железъ выдѣляютъ внутрь орга-

низма особыя вещества (такъ называемая внутренняя секреція), которыя и воздѣйствуютъ на весь организмъ. Нервныя же клѣтки, завѣдующія высшими сторонами душевной жизни, человѣка воздѣйствуютъ на клѣтки всего остального организма чрезъ посредство нервныхъ волоконцевъ, которыми они соединены съ другими клѣтками нервной системы, а чрезъ ихъ посредство и со всѣмъ остальнымъ организмомъ.

Нужно помнить, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ необыкновенно сложными явленіями, при которыхъ необыкновенно легко, найдя извѣстныя соотношенія между фактами, заключить, что ими и исчерпывается сущность процесса и такимъ образомъ пройти мимо, незамѣтивъ основныхъ глубокихъ явленій. Таже медицина представляетъ, какъ мы видѣли, многочисленный рядъ примѣровъ этому. Годами и столѣтіями считалась простуда, какъ причина развитія чахотки и только недавно врачи узнали въ туберкулезной бациллѣ истиннаго возбудителя болѣзни. Наблюденіе было вѣрно и простуда, дѣйствительно можетъ обострить болѣзненныя явленія или заставить ихъ проявиться въ первый разъ, но сущность процесса лежитъ гораздо глубже, въ пораженіи организма туберкулезной бациллой.

Точно также возбудителями болѣзненныхъ процессовъ могутъ быть тѣ или другіе физическіе факторы, но мы можемъ предполагать, что истинная причина заболѣванія лежитъ глубже, въ душевныхъ процессахъ человѣка.

XVI.

Яркимъ примѣромъ этого соотношенія между душевной жизнью и физическимъ здоровьемъ являются русскіе интеллигентные классы. Представители ихъ рано старѣются, и рано умираютъ. Человѣкъ въ пятьдесятъ лѣтъ у насъ обычно считается отжившимъ свой вѣкъ, въ то время какъ на Западѣ, во Франціи и Англіи, человѣкъ въ шестьдесятъ лѣтъ является обладающимъ полной рабочей силой и жизненной энергіей. Отчего это зависитъ? Такъ просто объяснить это, какъ объясняется высокая смертность и быстрое изнашиваніе организма у крестьянина или рабочаго, здѣсь нельзя. Русскій человѣкъ среднихъ классовъ не страдаетъ отъ хроническаго недоѣданія и могъ-бы создать вокругъ себя вполнѣ гигіеническую обстановку.

Когда приходится останавливаться на этомъ преждевременномъ отцвѣтаніи людей среднихъ классовъ въ Россіи, то обычно винятъ въ этомъ негигіеничный образъ жизни.

Но такое объясненіе далеко не даетъ возможности разобраться во всей совокупности явленій и причина лежитъ, вѣроятно, гораздо глубже.

Разницу въ заболѣваемости и продолжительности работоспособности и вообще жизни нельзя сводить на разницу въ діэтѣ, т. к. человѣкъ широко приспособляется къ различному составу пищи: въ однихъ странахъ прекрасно переноситъ по преимуществу растительную пищу, въ другихъ — животную.

Нѣтъ сомнѣнія, что нашъ интеллигентъ, нашъ представитель среднихъ классовъ не умѣетъ обставить гигіенически свою жизнь, но отчего это зависитъ? Вѣдь для чиновника провинціальнаго города нѣтъ ничего легче, какъ устроить себѣ самую идеальную въ смыслѣ здоровья жизнь: онъ можетъ въ широкихъ размѣрахъ пользоваться свѣжимъ воздухомъ. Можетъ посвящать свое свободное время тому, чтобы, какъ можно ближе становиться къ природѣ, охотясь, занимаясь садоводствомъ и рыболовствомъ. Имѣть верховую лошадь въ обстановкѣ провинціальной жизни является дешевой роскошью. И вмѣсто всего этого свободное время посвящается цѣликомъ картамъ, водкѣ и табаку. Почти вся жизнь проходитъ въ спертомъ, пыльномъ, полномъ табачнаго дыму воздухѣ,

въ то время какъ рядомъ во всемъ своемъ величіи и красотѣ царитъ еще полудикая природа.

Конечно дѣло не въ томъ, что недостаточно распространены свѣдѣнія по гигіенѣ. Основныя свѣдѣнія по ней такъ элементарны, что извѣстны каждому, тѣмъ болѣе, что каждое живое существо инстинктивно тянется къ болѣе здоровой обстановкѣ. Очевидно, существуютъ какія то глубокія причины, которыя не даютъ людямъ раціонально устроить свою жизнь. И между тѣмъ, въ той же провинціи во время крѣпостного права помѣщики тоже пили и играли въ карты, но рядомъ съ этимъ много ѣздили верхомъ и охотились.

Изъ своихъ воспоминаній я остановлюсь на жизни духовенства на сѣверѣ. Среди крестьянскаго населенія сѣвера, несмотря на то что оно хронически голодаетъ, туберкулезъ распространенъ мало. Крестьяне почти поголовно переболѣваютъ сыпнымъ тифомъ, но чахоточные, горбатые, больные съ туберкулезнымъ пораженіемъ костей встрѣчаются сравнительно рѣдко. И рядомъ съ этимъ духовенство въ громадномъ процентѣ страдаетъ чахоткой и алькоголизмомъ. Зависитъ это исключительно отъ бытовыхъ условій.

 Батюшки имѣютъ полную возможность не

обработывать лично церковную землю, для нихъ нѣтъ той обязательности физическаго труда и пребыванія на воздухѣ, которая существуетъ для мужиковъ. Благодаря отсутствію движенія на свѣжемъ воздухѣ у нихъ создается благопріятная почва для развитія туберкулеза и въ этомъ случаѣ даже возможность значительно лучше питаться, чѣмъ питаются крестьяне, не создаетъ достаточнаго противовѣса. Съ другой стороны вслѣдствіе ихъ значительно лучшаго матеріальнаго обезпеченія водка, которая является предметомъ роскоши въ крестьянскомъ обиходѣ, для нихъ представляетъ нѣчто вполнѣ доступное. Но священники еще принуждены для исполненія требъ, для надзора за полевымъ хозяйствомъ двигаться и находиться на свѣжемъ воздухѣ. За то ихъ жены живутъ, совершенно не выходя изъ душныхъ коморокъ священичьяго дома, окна котораго не снабжены форточками, въ душномъ никогда не провѣтриваемомъ, воздухѣ, въ то время какъ кругомъ этого дома цѣлое море чуднаго воздуха. Что же касается климата, то онъ вполнѣ пригоденъ для устройства санаторій и въ этомъ краю достаточно рано захваченные и раціонально лѣченные случаи чахотки прекрасно поправляются въ то время, какъ духовенство

массами гибнетъ отъ послѣдствій алкоголизма и туберкулеза, оставляя въ нищетѣ семьи.

Очевидно, что рядомъ съ невѣжествомъ здѣсь играетъ громадную роль отсутствіе душевныхъ и нравственныхъ силъ, которыя дали бы человѣку опору въ жизни.

Что касается Петербургской интеллигенціи, то мы несомнѣнно имѣемъ въ ея средѣ полное сознаніе того, что необходимо для здоровой жизни и несомнѣнно существуетъ матеріальная возможность обставить ее лучше, чѣмъ она обставлена на самомъ дѣлѣ. Но жизнь для этихъ людей такъ тяжела, что у нихъ не оказывается силъ улучшить свою гигіеническую обстановку.

Этого вопроса касается Вересаевъ въ своихъ „Запискахъ врача", онъ говоритъ о томъ, на сколько необходимы физическія упражненія для здоровья и прибавляетъ: „И все таки въ городѣ я живу жизнью чистаго интеллигента, работая только мозгомъ. Первое время (послѣ деревни) я пытаюсь противъ этого бороться, — упражняюсь гирями, дѣлаю гимнастику, совершаю пѣшія прогулки; но терпѣнія хватаетъ очень не надолго, до того все это безсмысленно и скуч-

но“ *). Онъ объясняетъ эту невозможность продолжать физическія упражненія, какъ мы видимъ, ихъ безсмысленностью и скучностью и говоритъ далѣе: „И если въ будущемъ физическій трудъ будетъ находить себѣ примѣніе только въ спортѣ, лаунъ-теннисѣ, гимнастикѣ и т. п., то передъ скукою такого „труда“ окажутся безсильными всѣ увѣщанія медицины и все пониманіе самихъ людей“.

Я не могу съ этимъ согласиться. Дѣло не въ безсмысленности этихъ упражненій. Даже сами по себѣ безсмысленныя упражненія гирями или на какой нибудь машинѣ могутъ доставлять послѣ непосредственное наслажденіе въ видѣ цѣлаго ряда пріятныхъ ощущеній отъ расправленныхъ груди, мышцъ, усиленія кровеобращенія, и т. д. Мнѣ кажется, Петербургскій интеллигентъ не можетъ дѣлать гимнастическихъ упражненій отъ того, что у него и такъ едва хватаетъ силъ, чтобы тянуть лямку жизни и эти физическія упражненія не даютъ ему бодрости, а только окончательно утомляютъ, т. к. они являются для него новой формой труда.

Какимъ образомъ выработался противуестественный образъ жизни петербургской

---

*) В. Вересаевъ. „Записки врача.“ Изд. 4-ое. СПб. 1902. стр. 238.

интеллигенціи, которая большую часть ночи бодрствуетъ и спитъ все утро? Я себѣ преставляю, что этотъ образъ жизни развился вслѣдствіе слѣдующихъ причинъ. Эти люди такъ утомляются отъ своей работы, что когда ее кончатъ, имъ надо нѣкоторое время просто очнуться отъ нея, отойти, какъ говорятъ, послѣ чего только является потребность что-нибудь почитать, обдумать, написать, а это можно осуществить уже только поздно вечеромъ или ночью. Въ большинствѣ же случаевъ послѣ тяжелой работы у человѣка является потребность въ возбужденіи нервной системы тѣмъ или инымъ способомъ, потребность подвинтить себя. Человѣкъ отправляется для этого въ гости, въ какое нибудь собраніе, которое затягивается поздно за ночь, поздно возвращается домой и потому поздно на другой день встаетъ.

Почему же ихъ трудъ такъ тяжелъ, такъ утомителенъ? Да потому, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ это ненавистный постылый трудъ, который человѣкъ ненавидитъ всѣми силами своей души. Въ настоящее время, врачи предписываютъ неврастеникамъ, какъ лѣчебную мѣру, трудъ. Имъ говорятъ: „непремѣнно работайте, и работайте много, но только не чрезъ мѣру,

не утомляйтесь.“ Какой же трудъ утомителенъ? Трудъ, который скученъ и непріятенъ. А такой трудъ, который доставляетъ удовольствіе, въ исполненіи котораго человѣкъ заинтересованъ, не утомляетъ.

Русскимъ-же интеллигентамъ въ большинствѣ случаевъ приходится благодаря условіямъ общественной и политической жизни дѣлать работу, которая ихъ не можетъ интересовать, которая зачастую имъ противна и успѣхомъ которой они не сочувствуютъ. Понятно, что такой трудъ до нельзя утомляетъ людей.

Изъ всего этого мы видимъ, насколько важную роль душевная жизнь играетъ въ возможности болѣе или менѣе гигіенично обставить человѣка, а это въ свою очередь отражается на его здоровьѣ, заболѣваемости и продолжительности жизни. Но есть основаніе предполагать, что высшія стороны душевной жизни отражаются непосредственно на ходѣ физіологическихъ процессовъ. Человѣкъ представляетъ изъ себя машину, которая по мѣрѣ своего существованія разрушается, изнашивается. Вполнѣ понятно, что этотъ процессъ изнашиванія, старѣнія организма долженъ быть связанъ и съ душевнымъ міромъ человѣка. Мы указывали выше, какъ подавленное состояніе духа отражается на отправленіяхъ различныхъ важныхъ органовъ тѣла.

То принижающее значеніе, которое оказываетъ и на здоровье, и на продолжительность жизни общественная обстановка русской жизни, мы можемъ объяснить себѣ слѣдующимъ образомъ. Каждому извѣстно вредное вліяніе, которое оказываетъ на физическое здоровье тюрьма, особенное одиночное заключеніе. Конечно, здѣсь въ значительной степен· идѣло сводится къ неблагопріятнымъ гигіеническимъ условіямъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, къ отсутствію движенія въ необходимой мѣрѣ, неудовлетворительному питанію, плохому воздуху, недостатку свѣта. Но, представимъ себѣ тюрьму идеально-организованную въ гигіеническомъ отношеніи и, не смотря на это, эта тюрьма все таки будетъ оказывать вредное вліяніе на физическое здоровье. Что же будетъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ неблагопріятно? Несомнѣнно такъ будутъ вліять тѣ путы, которыя тутъ наложены на духовный міръ человѣка. Какъ бы не были благопріятны гигіеническія условія, человѣкъ будетъ томиться вслѣдствіе лишенія свободы, вслѣдствіе того, что пути для воздѣйствованія на окружающее закрыты, что заключенный въ такую идеальную тюрьму будетъ страдать отъ однообразія впечатлѣній и т. д. Подавленное душевное состояніе не можетъ не отра-

зиться, какъ мы говорили выше на отправленіяхъ органовъ. Если у заключеннаго есть задатки туберкулеза или болѣзни сердца, то болѣзненныя явленія начнутъ прогрессировать, несмотря на всѣ, казалось-бы благопріятныя условія тюремнаго заключенія. Кто же легче переноситъ тюремное заключеніе даже для своего физическаго здоровья? Очевидно, при прочихъ равныхъ условіяхъ, человѣкъ съ сильной духовной личностью, съ богатымъ внутреннимъ міромъ, идеалистически настроенный. Біографіи Декабристовъ и Шлиссельбурцевъ въ этомъ отношеніи представляютъ многочисленные примѣры.

Условія русской общественной жизни таковы, что она представляетъ изъ себя большую тюрьму, гдѣ изнываютъ и мечутся люди. Намъ нѣтъ необходимости иллюстрировать это послѣ чудыхъ вещей А. П. Чехова. И въ этихъ условіяхъ люди не только нравственно страдаютъ, но они преждевременно дряхлѣютъ, теряютъ свое здоровье и гибнутъ.

Какое же средство, чтобы при самыхъ трудныхъ условіяхъ жизни сохранить бодрость духа, вѣру въ свои силы, вѣру въ то, что и кругомъ восторжествуетъ добро, какъ ни проникновеніе идеаломъ, идеалистическое міросозерцаніе.

XVII.

Мы старались показать, что идеалистическое настроеніе является важнымъ условіемъ выздоровленія при тяжелыхъ заболѣваніяхъ; отъ той или другой степени, въ какой имъ обладаетъ человѣкъ, зависитъ продолжительность его жизни и его здоровье. Но кромѣ болѣзней и преждевременной смерти, которая является для насъ какъ прекрасно выясняетъ Мечниковъ, насильственной смертью, есть еще одинъ страшный врагъ и кошмаръ человѣчества — это наслѣдственность болѣзненныхъ явленій. Являются-ли подъемъ духа и идеалистическое міросозерцаніе опорой человѣка и средствомъ борьбы противъ болѣзненныхъ проявленій наслѣдственности?

Нужно отмѣтить, что современная медицина въ борьбѣ съ проявленіемъ наслѣдственности патологическихъ явленій въ значительной степени безпомощна. Мы не можемъ по своей волѣ подбирать родителей для дѣтей.

И разъ имѣются дѣти отъ больныхъ родителей, то все, что можно сдѣлать, это стараться создать для нихъ возможно лучшую обстановку, въ которой болѣзненные задатки имѣли бы менѣе возможности проявиться. Такихъ средствъ чтобъ измѣнить воздѣйствіемъ извнѣ свойства протоплазмы, изъ которой построены клѣтки организма, мы, какъ это указывалось выше, въ сущности не имѣемъ. Несмотря на благопріятныя условія, въ которыя поставлено зачастую не одно, а даже два поколѣнія организмъ стойко сохраняетъ тѣ или другія неблагопріятныя качества.

Мнѣ кажется и здѣсь идеалистическое міросозерцаніе явится сильнымъ орудіемъ въ борьбѣ съ болѣзненными проявленіями. Мы выше подробно разбирали ту важную роль, которую оно играетъ въ борьбѣ съ хронической болѣзнью, вызываемой заразой, какъ напримѣръ туберкулезомъ или сифилисомъ. Но, что такое болѣзненная наслѣдственность, какъ не болѣзнь, вызванная микробами или другимъ вреднымъ агентомъ, которая продолжилась внѣ больнаго организма на его потомство, т. е. на тѣ клѣтки, которыя отдѣлились отъ общей связи съ клѣтками родительскаго организма, стали жить самостоятельно и послужили источникомъ развитія

новыхъ индивидуумовъ. А если это такъ, то все, что мы говорили о роли идеализма въ борьбѣ съ хроническими заразными болѣзнями, сохраняетъ свою силу и для патологической наслѣдственности.

Что такое лѣченіе хронической болѣзни, вызываемой микробами? Это созданіе благопріятныхъ условій для борьбы организма или съ проникшими внутрь его микробами или для устраненія тѣхъ болѣзненныхъ измѣненій, которыя остались въ клѣткахъ и тканяхъ организма подъ вліяніемъ ядовъ, выдѣлявшихся микробами, даже послѣ того, какъ эти послѣдніе были уже уничтожены. Тоже мы имѣемъ и при наслѣдственности болѣзней. Или ребенку передаются отъ матери микробы, что бываетъ сравнительно рѣдко и у него развивается соотвѣтственная болѣзнь. Или, подъ вліяніемъ ядовъ, выдѣляемыхъ микробами на ряду съ другими клѣтками организма поражаются и тѣ клѣтки, изъ которыхъ развивается новое поколѣніе и эти болѣзненно измѣненныя клѣтки въ свою очередь развиваютъ изъ себя новые больные организмы. Такимъ образомъ тотъ вредъ, который принесли микробы индивидууму распространяется на одно или нѣсколько поколѣній, которыя произойдутъ отъ этого больного. Патологическая наслѣдственность

есть инфекція или интоксикація, распространившія свое дѣйствіе на потомство больного.

Такъ какъ мы признали то важное значеніе, какое имѣетъ идеалистическое міросозерцаніе для субъекта, пораженнаго микробами или страдающаго отъ тѣхъ болѣзненныхъ измѣненій, которыя произвели они въ его тѣлѣ, то очевидно такой подъемъ духа долженъ оказать свое благотворное вліяніе и на болѣзненныя явленія, причина которыхъ заключается въ болѣзни, перенесенной родителями или болѣе отдаленными предками.

Механизмъ воздѣйствія идеалистическаго подъема духа на отправленія тѣла и здѣсь будетъ тотъ, какой мы описывали, говоря о воздѣйствіи духа на тѣло при другихъ болѣзняхъ. Связь между подъемомъ жизненной дѣятельности тѣхъ клѣтокъ, въ которыхъ сосредоточиваются высшія стороны душевныхъ проявленій и подъемомъ жизненной энергіи остального тѣла настолько тѣсна, что повышеніе идеалистическаго строя души не можетъ не отозваться благотворно на жизненныхъ отправленіяхъ тѣла.

Въ настоящее время болѣзненная наслѣдственность является ужасной и неотвратимой судьбой (фатумомъ), которая виситъ надъ человѣкомъ, имѣющимъ несчастіе про-

исходить отъ родныхъ, — больныхъ той или другой болѣзнью, передающеюся по наслѣдству. Какъ мы говорили выше возможность предупредить проявленіе наслѣдственныхъ заболѣваній лѣчебными и діэтетическими мѣропріятіями въ значительной степени ограничена. Съ нашей точки зрѣнія, идеалистическое перерожденіе личности является могучимъ факторомъ поднять жизнедѣятельность тканей организма и такимъ образомъ предотвратить возможность проявленія наводящихъ страхъ болѣзненныхъ симптомовъ.

XVIII.

Самое существенное возраженіе, которое можно намъ сдѣлать заключается въ общераспространенномъ убѣжденіи, что хорошіе люди -- не жильцы на свѣтѣ. Это глубоко вкоренившееся мнѣніе имѣетъ, нужно думать, въ своей основѣ какіе нибудь серьезные факты и мы должны на немъ подробно остановиться. Такъ о дѣтяхъ, отличающихся особой интеллигентностью и сердечностью часто говорятъ, что они, вѣроятно, не выживутъ, что они слишкомъ хороши, такъ что Богъ ихъ возьметъ къ себѣ. Бросается въ глаза особенная интеллигентность и высокія качества души у значительнаго числа чахоточныхъ. Встрѣчая соединенными вмѣстѣ эти качества на ряду съ болѣе или менѣе выраженными проявленіями туберкулеза, врачъ не удивляется этому совпаденію и отмѣчаетъ его какъ нѣчто такое, что можно было напередъ ожидать. Что высокія качества ума и души не

являются абсолютными спасительными факторами при всякихъ условіяхъ жизни, видно изъ примѣровъ такихъ людей, какъ Бѣлинскій и Добролюбовъ.

Какое вліяніе оказываетъ болѣзнь на душевныя свойства человѣка? Löwenfeld по этому поводу говоритъ, что вліяніе это отчасти благотворнаго характера, отчасти неблагопріятное и послѣднее встрѣчается по преимуществу. Неблагопріятное вліяніе проявляется во всѣхъ областяхъ душевной жизни: способность умственно работать и память могутъ быть понижены, волевая энергія болѣе или менѣе ослаблена, характеръ и настроеніе могутъ быть измѣнены въ неблагопріятномъ смыслѣ. Болѣе рѣдко, говоритъ онъ, мы можемъ наблюдать облагораживающее, повышающее вліяніе страданія. Это послѣднее никогда не касается интеллектуальной стороны, а распространяется обыкновенно только на настроеніе и на характеръ. Ни одинъ ограниченный человѣкъ не сдѣлается умнымъ благодаря болѣзни; наоборотъ, мы наблюдаемъ между прочимъ, говоритъ онъ, что упрямые, вздорные субъекты дѣлаются покладистыми, грубыя и вспыльчивыя натуры становятся мягкими и нѣжными, гордыя — скромными, жесткія и безчуственныя — полными состраданія, стре-

мящіяся къ наслажденію дѣлаются способными къ отреченію. Эти вліянія не всегда прочны: вмѣстѣ съ выздоровленіемъ не рѣдко опять можно констатировать прежняго человѣка съ его свойствами *).

Съ почтеннымъ авторомъ нельзя согласиться во всемъ. Во первыхъ, несомнѣнно, что и на интеллектуальную сторону больнаго болѣзнь можетъ оказывать благопріятное, повышающее вліяніе. Уже необходимость лежать, избытокъ свободнаго времени для того, чтобы остановиться подробно и со вниманіемъ на всей своей жизни и на жизни окружающихъ, тяжесть своего положенія несомнѣнно заставляетъ человѣка въ такихъ обстоятельствахъ много и серьезно думать. Такъ что тѣ перемѣны, которыя Левенфельдъ отмѣчаетъ въ области чувства и настроенія въ значительной степени зависятъ отъ тѣхъ измѣненій, которыя происходятъ въ интеллектуальной сферѣ. Кромѣ того надо отмѣтить, что болѣзнь, приковывая къ постели и ослабляя физическія силы больного, невольно толкаетъ его къ чтенію и къ другому интеллектуальному труду.

Надо отмѣтить, что современные врачи поставлены въ неблагопріятныя условія для

---

*) Löwenfeld, op. cit., стр. 69.

того, чтобы замѣтить то благотворное вліяніе, которое оказываетъ болѣзнь на душевныя свойства больного. Мы уже указали въ самомъ началѣ, какое руководящее направленіе владѣло за послѣднее столѣтіе врачами. Подчиняясь этому направленію, врачъ, спеціалистъ по внутреннимъ болѣзнямъ, имѣя больного подъ своимъ наблюденіемъ, все свое вниманіе направляетъ на неправильности въ дѣятельности его жизненнаго механизма и работы внутреннихъ органовъ, а глубокія душевныя измѣненія, происходящія въ его больномъ, являются для него, большею частью, чѣмъ-то стоящимъ на второмъ планѣ и несущественнымъ. Правда, есть спеціальность, которая все свое вниманіе сосредоточила на душѣ больнаго — это психіатрія. Но, на какой душѣ? Въ громадномъ большинствѣ случаевъ на душѣ исковерканной, больной, пониженной въ своихъ функціяхъ. Вопросъ же о томъ, какъ заболѣваніе того или другого внутренняго органа отражается на душѣ, полной силъ, и какое вліяніе въ свою очередь душа оказываетъ на теченіе болѣзни внутреннихъ органовъ мало интересовалъ и ускользалъ отъ вниманія большинства врачей. Этотъ вопросъ не входилъ въ спеціальность однихъ и не возбуждалъ вниманія другихъ.

Духовный подъемъ въ зависимости отъ болѣзни въ наиболѣе яркой формѣ наблюдается въ томъ случаѣ, если человѣкъ въ цвѣтѣ силъ физическихъ и духовныхъ лишается способности передвиженія. Особенно это рѣзко замѣтно тогда, когда эта потеря способности передвиженія зависитъ отъ нѣкоторыхъ болѣзней спинного мозга, бывающихъ и у молодыхъ субъектовъ, при т. н. міэлитахъ. Мы не будемъ это явленіе замѣчать въ такой ясной формѣ, когда параличемъ поражается человѣкъ престарѣлаго возраста. Хотя въ послѣднемъ случаѣ болѣзнь и механическаго происхожденія — параличъ наступаетъ отъ того, что кровь, излившаяся изъ разорвавшагося кровеноснаго сосуда, разрушаетъ нервную ткань. Но дѣло въ томъ, что такія кровеизліянія происходятъ изъ сосудовъ уже болѣзненно измѣненныхъ. Субъекты, у которыхъ происходятъ такія кровоизліянія въ нервной системѣ, большею частью находятся на склонѣ жизни и у нихъ не одни только сосуды мозга, но, вѣроятно, и нервныя клѣтки и вообще весь организмъ серьезно подорванъ, изношенъ жизнью и поэтому неспособенъ уже къ высокому подъему дѣятельности.

Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, у субъектовъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ, при со- 193

вершенно здоровомъ въ общемъ организмѣ встрѣчаются мѣстныя пораженія спинного мозга, вслѣдствіе котораго проводимость нервныхъ путей въ мѣстѣ пораженія прекращается. Тогда всѣ мышцы, къ которымъ идутъ нервы, проходящіе черезъ мѣсто заболѣванія, оказываются парализованными. Положеніе такихъ больныхъ очень тяжелое. Это во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ здоровые люди, но, которые лишены способности передвиженія и прикованы къ постели. Несмотря на весь ужасъ ихъ положенія они представляютъ зачастую примѣры необыкновеннаго величія духа. Несмотря на тяжесть своего положенія они кротки, съ любовью относятся къ окружающимъ; несмотря на то, что жизнь представляетъ для нихъ такъ мало свѣтлаго, они жизнерадостны, такъ какъ съ вниманіемъ и интересомъ относятся къ окружающему, каждая мелочь котораго ихъ радуетъ.

Въ русской литературѣ есть блестящій образъ иллюстрирующій то, о чемъ мы говоримъ. Это „Живыя Мощи“ Тургенева. Въ этомъ очеркѣ онъ описываетъ, какъ молодая дѣвушка въ полномъ расцвѣтѣ, — „высокая, полная, бѣлая, румяная, — хохотунья, плясунья, пѣвунья! Лукерья, умница Лукерья, за которою ухаживали всѣ наши молодые парни“, разсказываетъ онъ, — за-

болѣла какой-то нервной болѣзнью, которая лишила ее почти совершенно способности движенія, оставивъ незатронутыми ея душевныя силы. Она лежитъ заброшенная въ сарайчикѣ лѣтомъ, въ предбанникѣ зимой, покинутая почти всѣми, оставленная своимъ женихомъ, который женился на другой. И несмотря на все это, она не озлобилась, не ожесточилась, не пришла въ отчаянье. Несмотря на тяжесть своего положенія она не потеряла способности наслаждаться окружающимъ.

„Ой нѣтъ, баринъ! Спать-то я не всегда могу, говоритъ она. Хоть и большихъ болей у меня нѣтъ, а ноетъ у меня тамъ, въ самомъ нутрѣ, и въ костяхъ тоже; не даетъ спать, какъ слѣдуетъ. Нѣтъ . . . а такъ, лежу я себѣ, лежу-полеживаю — и не думаю; чую, что жива, дышу — и вся я тутъ. Смотрю, слушаю. Пчелы на пасѣкѣ жужжатъ да гудятъ; голубь на крышу сядетъ и заворкуетъ; курочка — насѣдочка зайдетъ съ цыплятами крошекъ поклевать; а то воробей залетитъ или бабочка — мнѣ очень пріятно. Въ позапрошломъ году такъ даже ласточки вонъ тамъ, въ углу, гнѣздо себѣ свили и дѣтей вывели. Ужь какъ же оно было занятно! — Одна влетитъ къ гнѣздушку — припадетъ, дѣтокъ накормитъ —

и вонъ. Глядишь — ужь на смѣну ей другая. Иногда не влетитъ, только мимо раскрытой двери пронесется — а дѣтки тотчасъ — ну пищать, да клювы разѣвать . . . Я ихъ на слѣдующій годъ поджидала, да ихъ, говорятъ, одинъ здѣшній охотникъ изъ ружья застрѣлилъ. И на что покорыстился Вся-то она, ласточка, не больше жука . . . Какіе вы, господа охотники, злые! . . . А то разъ, — начала опять Лукерья: — вотъ смѣху-то было! Заяцъ забѣжалъ, право! Собаки, что ли, за нимъ гнались, — только онъ прямо въ дверь какъ прикатитъ! . . . Сѣлъ близехонько — и долго-таки сидѣлъ, — все носомъ водилъ и усами дергалъ — настоящій офицеръ! И на меня смотрѣлъ. Понялъ, значитъ, что я ему не страшна. Наконецъ, всталъ, прыгъ-прыгъ къ двери, на порогѣ оглянулся — да и былъ таковъ! смѣшной такой!“ *)

Такое же любовное, полное интереса отношеніе у нея и къ людямъ, какъ и къ природѣ. Нѣтъ у ней тяжелаго чувства обиды и по отношенію къ жениху, который оставилъ ее и женился на другой. Не смотря на свое тяжелое положеніе она не ропщетъ

---

*) Полное собраніе сочиненій И. С. Тургенева. СПБургъ. Изданіе А. Ф. Маркса. 1898, Т. I, стр. 371.

на судьбу: „Лгать не хочу — сперва очень томно было; а потомъ привыкла, обтерпѣлась — ничего; инымъ еще хуже бываетъ.“ — Это какимъ же образомъ? спросилъ Тургеневъ. — „А у иного и пристанища нѣтъ! А иной — слѣпой или глухой! А я, слава Богу, вижу прекрасно и все слышу, все. Кротъ подъ землей роется — я и то слышу. И запахъ я всякій чувствовать могу, самый какой ни на есть слабый! Гречиха въ полѣ зацвѣтетъ или липа въ саду — мнѣ и сказывать не надо: я первая сейчасъ слышу. Лишь бы вѣтеркомъ оттуда потянуло. Нѣтъ, что Бога гнѣвить? Многимъ хуже моего бываетъ *).“

Но Тургеневская Лукерья живетъ, какъ мы видѣли, близко къ природѣ, можетъ наслаждаться ею. А мнѣ приходилось видѣть такихъ же больныхъ въ Обуховской Больницѣ. Ихъ судьба еще тяжелѣе. — Лежать годами, въ палатѣ, переполненной больными, не видѣть ни зелени, ни неба, дышать тяжелымъ больничымъ воздухомъ, находитсья въ зависимости отъ грубыхъ, утомленныхъ непосильнымъ трудомъ сидѣлокъ. И не смотря на всю тяжесть положенія эти больныя сохраняли ясность души, незлобивость, чут-

*) Тамъ-же стр. 370.

кое, внимательное отношеніе ко всему окружающему.

То высокое настроеніе духа, которое мы видимъ у Лукерьи въ „Живыхъ Мощахъ", не есть, по моему мнѣнію, выраженіе какихъ-либо высокихъ присущихъ лично ей свойствъ души. Такой подъемъ духа будетъ всегда, когда болѣзнь поразитъ только тѣло, оставивъ не тронутымъ духъ. Если мы такого подъема духа не наблюдаемъ чаще, то это потому, что въ большей части болѣзней, особенно нервныхъ, затронута и душевная сфера. Сифилисъ, алькоголь или наслѣдственное вырожденіе на ряду съ пораженіемъ разнообразныхъ органовъ отражаются и на душевныхъ сторонахъ жизни.

Мы видѣли, какое важное значеніе имѣетъ душевное состояніе для теченія болѣзней. И вотъ, когда положеніе больного опасно, душевная жизнь больного дѣлается интенсивнѣе, чтобъ помочь спастись цѣлому организму изъ бѣды. Явленіе, которое мы наблюдаемъ здѣсь, есть явленіе общее для всѣхъ патологическихъ процессовъ. Когда организмъ страдаетъ отъ какой нибудь вредоносной причины, никогда этотъ вредоносный факторъ не поражаетъ одинаково всѣ части организма. Всегда вредное вліяніе выражено сильнѣе на однихъ органахъ, слабѣе на дру-

гихъ. И большею частью мы наблюдаемъ, что части оставшіяся неповрежденными и поврежденныя меньше другихъ начинаютъ жить усиленною жизнью и стараются своей усиленной работой пополнить недостаточную дѣятельность другихъ частей организма. Представимъ себѣ, что у человѣка повреждена одна почка, тогда другая, оставшаяся невредимой, начинаетъ усиленно работать, исполняетъ двойную работу и значительно увеличивается въ размѣрахъ. Представимъ себѣ, что заболѣли равномѣрно обѣ почки и уже не въ состояніи выполнять возложенной на нихъ работы въ полной мѣрѣ. Тогда другіе органы своей усиленной работой пополняютъ отчасти пробѣлы, получающіеся отъ недостаточной работы больного органа. Такъ, при больныхъ почкахъ начинаетъ усиленно работать сердце, чтобы повысивши притокъ крови къ почкамъ облегчить ихъ работу; кишечникъ и кожа принимаютъ на себя часть работы почекъ, выдѣляя тѣ вещества, которыя собственно должны были быть выдѣлены почками. Это такъ называемая компенсація недостаточной работы больныхъ органовъ усиленной работой оставшихся здоровыми.

Совершенно неправильно думать, что при болѣзни мы имѣемъ передъ собою всегда

явленія разрушенія, ослабленія дѣятельности и т. п. Наоборотъ, почти всегда рядомъ съ явленіями распаденія, пониженія дѣятельности, дегенераціи наблюдаются явленія возрожденія. Такъ, если вслѣдствіе какой либо болѣзнетворной причины погибаетъ часть клѣтокъ органа, оставшіяся начинаютъ размножаться, чтобъ восполнить пробѣлъ. Если погибшія клѣтки такого рода, что не могутъ возродиться, клѣтки соединительной ткани, начинаютъ размножаться и хотя онѣ не могутъ исполнять функцій погибшихъ клѣтокъ, по крайней мѣрѣ онѣ заполняютъ мѣсто, оставшееся пустымъ.

Такимъ образомъ не представляется нисколько удивительнымъ, что при тяжелыхъ болѣзняхъ наблюдается повышеніе духовныхъ силъ больного; вѣдь послѣднія тоже являются одной изъ сторонъ жизнедѣятельности организма. Вѣдь мы должны представлять ихъ тѣсно связанными съ жизнью нѣкоторой группы клѣтокъ головного мозга. Совершенно естественно себѣ представить, что при серьезномъ заболѣваніи того или другого органа, эта группа клѣтокъ начинаетъ жить усиленной жизнью, для того, чтобы своей повышенной дѣятельностью спасти изъ тяжелаго положенія цѣлое. Вѣдь явленія усиленной компенсаторной дѣятель-

ности отдѣльныхъ органовъ въ замѣнъ ослабленныхъ поврежденныхъ встрѣчаются, какъ мы только что видѣли, необыкновенно часто при болѣзняхъ. И нѣтъ сомнѣнія, что повышенная дѣятельность той группы клѣтокъ, съ которыми связаны высшія стороны нашей духовной жизни, дѣйствительно спасаетъ временами человѣка отъ гибели.

Патологія организма представляетъ много интересныхъ и красивыхъ, помимо приведенныхъ только что, примѣровъ того, какъ страданіе цѣлаго неравномѣрно отражается на ходѣ процессовъ отдѣльныхъ частей. Для насъ особенно интересны въ этомъ случаѣ явленія наблюдаемыя при голоданіи. Если организмъ не получаетъ пищи, то онъ начинаетъ жить на свой собственный счетъ, поѣдая, такъ сказать, самого себя и вслѣдствіе этого постоянно падаетъ въ вѣсѣ, пока наконецъ истощеніе не достигнетъ такихъ размѣровъ, что поведетъ къ его гибели. Необыкновенно интереснымъ является то, что эти потери въ вѣсѣ распредѣляются совершенно неравномѣрно по отдѣльнымъ органамъ и тканямъ. Такъ жировая ткань почти совершенно исчезаетъ, она, такъ сказать съѣдается цѣлымъ. Другіе органы теряютъ болѣе или менѣе въ вѣсѣ, но самыя важныя части организма — кровь

и нервная система почти ничего не теряютъ въ вѣсѣ. Здѣсь мы имѣемъ такую картину какъ будто бы важнѣйшіе для жизни органы живутъ на счетъ остальныхъ. Эта картина дѣлаетъ для насъ понятнымъ то, что не смотря на страданіе цѣлаго, отдѣльныя части нервной системы могутъ жить повышенной жизнью.

Вполнѣ понятно, что, когда человѣкъ заболѣваетъ тяжелою болѣзнью, до сознанія его доходитъ представленіе объ опасности его положенія. При этомъ онъ старается сдѣлать все, чтобы спастись, и эта сознательная борьба за жизнь кладетъ отпечатокъ на весь его душевный обликъ. Но я говорю здѣсь про другое. Сущность подъема духовныхъ силъ человѣка при серьезной болѣзни лежитъ глубже. Она заключается въ усиленной жизнедѣятельности тѣхъ клѣтокъ нервной системы, съ которыми связаны высшія духовныя стороны нашей жизни. При тяжеломъ заболѣваніи тѣхъ или другихъ внутреннихъ органовъ эти клѣтки начинаютъ получать усиленный притокъ крови, начинаютъ усиленно жить и функціонировать совершенно также, какъ начинаетъ усиленно работать сердце при болѣзни почекъ. И, функціональная зависимость между отправленіями отдѣльныхъ органовъ, какъ въ томъ

такъ и въ другомъ случаѣ осуществляется помимо нашего сознанія.

Мы уже касались вопроса о томъ, почему эти повышенія духовныхъ силъ мы не замѣчаемъ при каждой тяжелой болѣзни. Это зависитъ отъ того, какъ мы говорили, что нѣкоторыя болѣзнетворныя причины не дѣйствуютъ рѣзко на нервныя клѣтки психической сферы, другія же поражаютъ на ряду съ клѣтками различныхъ органовъ и эти клѣтки. Въ наиболѣе рѣзкой формѣ это явленіе получится тогда, когда мы будемъ имѣть болѣзнь внутреннихъ органовъ при совершенно незатронутыхъ клѣткахъ психической сферы.

Такимъ образомъ то повышеніе духовныхъ силъ, которое мы наблюдаемъ у тяжелыхъ больныхъ, представляется для меня активнымъ процессомъ въ организмѣ, стремящимся исправить нарушенное нормальное теченіе жизненныхъ процессовъ. Наличность въ организмѣ такихъ процессовъ, направленныхъ къ выздоровленію, есть нѣчто обычное при каждой болѣзни; сюда относится усиленная дѣятельность сердца, учащенное дыханіе, испарина, усиленное отдѣленіе железъ и т. д. И это усиленіе и углубленіе душевной жизни во многихъ случаяхъ, какъ я говорилъ выше, дѣйствительно

и спасаетъ больнаго. Когда же болѣзненный процессъ зашелъ слишкомъ далеко и спасенія для больнаго нѣтъ, это повышеніе психической энергіи является одной изъ послѣднихъ вспышекъ угасающей жизни.

Въ повѣсти Л. Н. Толстого „Смерть Ивана Ильича“ прекрасно выражено это конечное просвѣтленіе духа передъ смертью.

. . . И онъ, Иванъ Ильичъ, сталъ перебирать въ воображеніи лучшія минуты своей пріятной жизни. Но странное дѣло, всѣ эти лучшія минуты пріятной жизни казались теперь совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ онѣ казались тогда. Всѣ — кромѣ первыхъ воспоминаній дѣтства. Тамъ въ дѣтствѣ было что-то такое дѣйствительно пріятное, съ чѣмъ можно было-бы жить, если бы оно вернулось. Но того человѣка, который испытывалъ это пріятное, уже не было; это было какъ-бы воспоминаніе о какомъ-то другомъ.

Какъ только начиналось то, чего результатомъ былъ теперешній онъ, Иванъ Ильичъ, такъ всѣ казавшіяся тогда радости теперь на глазахъ его таяли и превращались во что-то ничтожное и часто гадкое.

И чѣмъ дальше отъ дѣтства, чѣмъ ближе къ настоящему, тѣмъ ничтожнѣе и сомнительнѣе были радости. Начиналось это съ Правовѣдѣнія. Тамъ было еще кое-что

истинно хорошее; тамъ было всселье, тамъ была дружба, тамъ были надежды. Но въ высшихъ классахъ уже были рѣже эти хорошія минуты. Потомъ, во время первой службы у губернатора, опять появились хорошія минуты; эти были воспоминанія о любви къ женщинѣ. Потомъ все это смѣшалось, и еще меньше стало хорошаго. Далѣе еще меньше хорошаго, и что дальше, то меньше.

Женитьба... такъ нечаянно и разочарованіе, и запахъ изо рта жены, и чувственность, притворство! И эта мертвая служба, и эти заботы о деньгахъ, и такъ годъ, и два, и десять, и двадцать — и все то же. И что дальше, то мертвѣе. Точно равномѣрно я шелъ подъ гору, воображая, что иду на гору. Такъ и было. Въ общественномъ мнѣніи я шелъ на гору, и ровно на столько изъ подъ меня уходила жизнь... И вотъ готово, умирай!

Такъ что-жъ это? Зачѣмъ? Не можетъ быть! Не можетъ быть, чтобъ такъ безмысленна, гадка была жизнь? А если точно она такъ гадка и безсмысленна была, такъ зачѣмъ же умирать, и умирать страдая? Что нибудь не такъ.

„Можетъ быть я жилъ не такъ, какъ должно?“ приходило ему вдругъ въ голову.

„Но какъ же не такъ, когда я дѣлалъ все, какъ слѣдуетъ?“ говорилъ онъ себѣ, и тотчасъ-же отгонялъ отъ себя это единственное разрѣшеніе всей загадки жизни и смерти, какъ что-то совершенно невозможное.“ *)

И дальше: „Но хоть бы понять, зачѣмъ это? И того нельзя. Объяснить бы можно было, если бы сказать, что я жилъ не такъ, какъ надо. Но этого-то уже невозможно признать“ говорилъ онъ самъ себѣ, вспоминая всю законность, правильность и приличіе своей жизни. „Этого-то допустить уже невозможно, говорилъ онъ себѣ, усмѣхаясь губами, какъ будто кто-нибудь могъ видѣть эту его улыбку и быть обманутымъ ею. „Нѣтъ объясненія! Мученіе, смерть... Зачѣмъ?“ **)

И въ это время съ нимъ происходитъ нравственный переломъ: „Нравственныя страданія его состояли въ томъ, что въ эту ночь, глядя на сонное, добродушное, скуластое лицо Герасима, ему вдругъ пришло въ голову: а что, какъ и въ самомъ дѣлѣ вся моя сознательная жизнь была „не то“?

Ему пришло въ голову, что то, что ему

---

*) Гр. Л. Н. Толстой. Сочиненія. 7. XII. М. 1887, стр. 540.

**) Тамъ-же, стр. 544.

представлялось прежде совершенной невозможностью, то, что онъ прожилъ свою жизнь не такъ, какъ должно было, что это могло быть правда. Ему пришло въ голову, что тѣ его чуть замѣтныя поползновенія борьбы противъ того, что наивысше поставленными людьми считалось хорошимъ, поползновенія чуть замѣтныя, которыя онъ тотчасъ-же отгонялъ отъ себя, что они-то и могли быть настоящія, а остальное все могло быть не то. И его служба, и его устройство жизни, и его семья, и эти интересы общества и службы, все это могло быть не то. Онъ попытался защитить передъ собою все это. И вдругъ почувствовалъ всю слабость того, что онъ защищаетъ. И защищать нечего было.**)

Наконецъ онъ понялъ, что надо сдѣлать чтобъ избавиться отъ мучившихъ его противорѣчій. Надо пожалѣть окружающихъ людей: „Жалко ихъ, надо сдѣлать, чтобы имъ не больно было. Избавить ихъ и самому избавиться отъ этихъ страданій“ ...**)

Какъ мы сказали выше, нравственное перерожденіе, которое мы видимъ у Ивана Ильича передъ смертью въ послѣднія недѣли и дни его жизни, есть послѣдняя вспышка

---

*) Тамъ-же стр. 545.
**) Тамъ-же, стр. 550.

жизненныхъ силъ передъ угасаніемъ. Нужно было, чтобъ его органы животной жизни были приведены къ окончательной негодности для того, чтобы онъ освободился отъ тѣхъ уродливыхъ рамокъ, которыя навязали ему воспитаніе и та общественная организація, къ которой онъ принадлежалъ.

Мнѣ кажется, что изъ произведенія Л. Толстаго можно заключить о томъ, что для автора несомнѣнна связь между мучительной болѣзнью и преждевременной смертью Ивана Ильича и тѣмъ строемъ жизни который намѣтилъ себѣ и выполнялъ Иванъ Ильичъ. Для меня, съ точки зрѣнія врача и біолога — эта связь несомнѣнна. Иванъ Ильичъ, въ началѣ своей самостоятельной жизни пришелъ къ выводу, что надо жить только для себя, что надо относиться ко всѣмъ остальнымъ людямъ, какъ къ подробностямъ, задача которыхъ обезпечивать ему, Ивану Ильичу, удобную и легкую жизнь. Онъ нарушилъ тѣ основы, которыя заложены въ нашу организацію не только всѣмъ развитіемъ человѣчества, но и еще глубже. Мы должны опуститься внизъ по лѣстницѣ эволюціи живыхъ существъ къ нашимъ предкамъ, стоявшимъ на уровнѣ обезьянъ и жившимъ стадами; можетъ быть, намъ пришлось бы опуститься еще дальше вглубь, чтобъ и

тамъ найти принципъ: „всѣ за одного, одинъ за всѣхъ.“ Этотъ принципъ обезпечилъ торжество надъ всѣми остальными той линіи живыхъ существъ, къ которой мы принадлежимъ. Онъ заложенъ въ глубинѣ всей нашей организаціи, а Иванъ Ильичъ отбросилъ его въ своей жизни, какъ нѣчто ненужное. Онъ думалъ обмануть природу, а обманулъ самого себя. Откинувъ принципъ своей солидарности съ окружающими людьми, онъ откинулъ основу своего существованія; онъ все равно что вынулъ винтъ, лежавшій въ основѣ всего механизма его существованія, механизмъ разсыпался и онъ погибъ.

Нравственное перерожденіе, наступившее для Ивана Ильича имѣетъ въ томъ отношеніи большое значеніе, что мы можемъ представить себѣ, что, еслибъ явились внѣшніе факторы въ его жизни, которые могли бы вызвать это перерожденіе раньше, чѣмъ его тѣло было окончательно подорвано, то жизненная энергія его тѣла поднялась бы; фатальный конецъ можетъ быть, былъ бы отложенъ и, въ крайнемъ случаѣ, смерть не наступила бы въ такой ужасной формѣ.

Предположеніе, что высшія идеалистическія стороны душевной жизни являются основнымъ элементомъ обусловливающимъ собою весь ходъ физіологической жизни

человѣка, конечно, есть ничто иное, какъ только гипотеза. Но вѣдь и всѣ научныя обобщенія едва они захватываютъ болѣе значительные круги явленій представляютъ изъ себя тоже только гипотезы. Въ этомъ отношеніи результаты, полученные посредствомъ экспериментальнаго метода, не являются болѣе прочно обоснованными. Такъ, связь между развитіемъ какой либо опредѣленной заразной болѣзни и проникновеніемъ въ организмъ соотвѣтствующихъ микробовъ можетъ быть совершенно точно установлена экспериментальнымъ путемъ, но когда дѣло идетъ о болѣе широкихъ обобщеніяхъ, то и въ этой области все сводится только къ предположеніямъ. Когда говорятъ, что преждевременное одряхлѣніе или известковое перерожденіе артерій зависятъ отъ часто повторяющихся, неопасныхъ самихъ по себѣ инфекціонныхъ заболѣваній или, какъ думаютъ иные, отъ процессовъ броженія, происходящихъ въ кишкахъ, то и здѣсь приходится оставаться въ области предположеній, обосновать которыя точнымъ образомъ нѣтъ возможности.

Часть вторая.

I.

Въ предыдущемъ я старался выяснить, что идеалистическое настроеніе является существеннымъ факторомъ въ вопросахъ здоровья и болѣзни, что глубокое нравственное перерожденіе является могучей силой, которая можетъ принести человѣку выздоровленіе при самыхъ тяжелыхъ болѣзняхъ, что, можетъ быть, сама продолжительность и интенсивность физіологической жизни зависитъ отъ степени того, насколько душа человѣка проникнута идеалистическими мотивами.

Попытаемся теперь опредѣлить точнѣе, что же это за идеалистическое настроеніе и подъемъ духа, которые оказываютъ такое могучее вліяніе на судьбу человѣка. Для того, чтобы указать, каковы по качеству должны быть эти душевные процессы, я сошлюсь на стихотвореніе Гейне „Гренадеры". Во Францію, говоритъ онъ въ этомъ стихотвореніи, возвращались изъ русскаго плѣна

два наполеоновскихъ гренадера и они пріуныли духомъ, дойдя до Нѣмецкой земли.

„Придется имъ — слышать, увидѣть
Въ позорѣ родную страну:
Ихъ храброе войско разбито,
И самъ Императоръ въ плѣну!

Печальныя слушая вѣсти,
Одинъ изъ нихъ вымолвилъ: „Братъ!
Болитъ мое скорбное сердце
И старыя раны горятъ!“

Другой отвѣчаетъ: „Товарищъ“!
И мнѣ умереть бы пора;
Но дома жена, малолѣтки; —
У нихъ ни кола, ни двора.

Да что мнѣ! Просить Христа-ради
Пущу и дѣтей, и жену . . .
Иная на сердцѣ забота:
Въ плѣну императоръ, въ плѣну!

Въ этомъ примѣрѣ мы видимъ всеобъемлющее чувство, способное повести человѣка на беззавѣтное самопожертвованіе, чувство необыкновенной интенсивности. По своему содержанію оно сводится къ преданности одному человѣку — Императору, но не смотря на это въ данномъ случаѣ оно не такое простое, какъ кажется на первый взглядъ, такъ какъ въ личности Наполеона для его солдатъ воплощается сложная сово-

купность ощущеній и образовъ. Съ личностью Наполеона связаны и живой, яркій образъ родины, и слава, и смутное сознаніе, что они являются носителями той культуры, которую выработала Великая Революція и которую они защищали и распространяли противъ армій, находившихся подъ командой принцевъ и королей — „кузеновъ" того короля, которому отрубили за измѣну во Франціи голову. Наконецъ съ образомъ Наполеона для нихъ связана вся ихъ, протекшая въ походахъ и битвахъ, яркая и суровая жизнь.

Не смотря на относительную сложность того чувства, подъ властію котораго они находятся, все-таки оно относится по своему содержанію къ разряду элементарныхъ, т. к. цѣликомъ сводится на преданность одному человѣку, все-же, что соединяется съ личностью этого человѣка, чувствуется полусознательно, не формулируясь ясно, находясь, такъ сказать, ниже порога сознанія.

Еще элементарнѣе, чѣмъ въ этомъ примѣрѣ, будетъ то интенсивное чувство преданности, которую питаетъ ко главѣ своего клана горецъ прежней Шотландіи.

Но преданность Императору наполеоновской старой гвардіи и преданность горца главѣ клана все таки рѣзко отличаются

отъ чувства собачьей преданности раба къ своему господину. Въ первыхъ двухъ примѣрахъ преданность человѣка по отношенію къ другому человѣку не принижаетъ личность перваго, она даже возвышаетъ его поднявъ его душевную жизнь до необыкновенной интенсивности и расширивъ ее. Не то рабъ... Но не смотря на то, что рабство принижаетъ, коверкаетъ людей, даже преданность раба можетъ явиться источникомъ высокихъ душевныхъ движеній.

Но однако вернемся къ нашему первому примѣру. Наполеоновскіе гренадеры изъ стихотворенія Гейне являются для насъ прекраснымъ примѣромъ, того какимъ то чувство, про которое мы говоримъ, должно быть по своему качеству. Это должно быть чувство беззавѣтной преданности, охватывающее всего человѣка, съ необыкновенной интенсивностью и яркостью.

Теперь перейдемъ къ вопросу, какимъ оно должно быть по содержанію. Это содержаніе можетъ быть, начиная съ самаго элементарнаго и кончая самымъ сложнымъ: начиная, какъ въ нашемъ примѣрѣ съ чувства обожанія одного человѣка и кончая самыми сложными филсоофскими, политическими и религіозными построеніями. Самымъ существеннымъ является яркость, цѣль-

ность, интенсивность этого чувства, содержаніе-же его можетъ быть самымъ разнообразнымъ, смотря по людямъ, которыхъ оно одушевляетъ и по эпохѣ. Эта непохожесть, различіе въ каждомъ частномъ случаѣ не мѣшаетъ тому, что, когда имѣется на лицо дѣйствительно яркое и чистое чувство, оно во всѣхъ случаяхъ съиграетъ свою великую роль. Но, не смотря на широту рамокъ, допускающихъ разнообразное содержаніе, для судьбы людей и чувствъ, ихъ одушевляющихъ, является совсѣмъ не безразличнымъ то содержаніе, которое лежитъ въ основѣ этого чувства и въ виду этого я перейду къ вопросу о томъ кругѣ идей, которыя могутъ входить въ его составъ.

Мы только что сказали, что кругъ идей, могущихъ одушевлять человѣка, можетъ быть самымъ разнообразнымъ по своему содержанію, но изъ этого не слѣдуетъ заключать, что онъ можетъ быть у каждаго человѣка какимъ угодно.

Первое условіе, которому должно удовлетворять это идейное содержаніе, состоитъ въ томъ, что эти идеи должны строго соотвѣтствовать человѣку, т. е. соотвѣтствовать его культурѣ, наклонностямъ, воспитанію, прошлому и т. д. Онѣ должны быть какъ одежда по плечу человѣку, какъ оружіе по рукѣ

ему. Карликъ не долженъ одѣвать панцыря великана, съ трудомъ научившійся грамотѣ человѣкъ не долженъ прибѣгать при постройкѣ своего міросозерцанія къ сложнымъ математическимъ или біологическимъ построеніямъ. Чуждое человѣку идейное содержаніе, которымъ онъ не можетъ проникнуться, которое не срослось съ нимъ, не въ состояніи овладѣть всѣмъ человѣкомъ, поднять его на подвигъ, освѣтить всю его жизнь.

Съ этой точки зрѣнія для насъ является совершенно безразличной та или иная политическая окраска убѣжденій человѣка, хотя бы даже самая консервативная, только бы лишь его убѣжденія дѣлали его искреннимъ, благороднымъ и сильнымъ.

Говоря о консервативныхъ убѣжденіяхъ и ихъ значеніи, какъ нравственной основѣ, мнѣ вспоминается одна карикатура Simplicissimus'a, одного изъ нѣмецкихъ сатирическихъ листковъ. На карикатурѣ изображена съ одной стороны большая статуя Бисмарка въ видѣ рыцаря въ латахъ и шлемѣ съ мечомъ и рядомъ съ нимъ, если я не ошибаюсь, геній, изображающій родину, а на другой сторонѣ современные нѣмецкіе консерваторы, доящіе корову — нѣмецкое отечество и подъ всѣмъ этимъ подпись: „для

однихъ родина являлась идеаломъ, служенію которому они посвящали всѣ свои силы, для другихъ — коровой, отъ которой можно получать сливки и масло."

Если консервативный складъ убѣжденій и можетъ быть нравственной основой личности, то онъ долженъ быть совершенно свободенъ отъ этой примѣси корысти. Въ этомъ отношеніи извѣстный идеалъ можетъ быть временно или окончательно изжитъ. Такъ, когда Бонифацій, такъ называемый апостолъ Германіи, подчинялъ нѣмецкихъ священниковъ того времени верховенству папы, то онъ несомнѣнно дѣйствовалъ во имя высокихъ идеаловъ. Но, когда во время реформаціи тотъ или иной легатъ боролся во имя власти папы, то здѣсь не исключены корыстныя побужденія.

Конечно, и прогрессивныя убѣжденія могутъ тоже корениться въ корыстныхъ побужденіяхъ, но имъ присуще скорѣе свойство надѣлять беззавѣтно имъ преданныхъ послѣдователей терновыми вѣнцами, чѣмъ благами жизни.

Но, если первое условіе, которому должно удовлетворять міросозерцаніе, это соотвѣтствовать силамъ, развитію, прошлому его носителя, то вторымъ условіемъ является возможная высота и совершенство этого міросо-

зерцанія, насколько это осуществимо при данныхъ условіяхъ. Дѣло въ томъ, что міросозерцаніе является главнымъ оружіемъ въ борьбѣ за жизнь — основой жизни его обладателя и оно должно выдерживать самую строгую провѣрку фактами, а такой провѣркѣ міросозерцаніе подвергается ежедневно и ежеминутно. И если первыя ошибки въ поступкахъ и въ поведеніи, зависящія отъ неправильнаго рѣшенія, не бросаются въ глаза, то въ дальнѣйшемъ при накопленіи и суммированіи ихъ получается глубочайшая разница между тѣмъ, что ожидалось, и что получается.

Такъ что, хотя на первый взглядъ кажется возможнымъ принять, какое угодно содержаніе для своихъ идеаловъ, лишь бы только служить имъ всѣми силами и всею душою, на самомъ дѣлѣ нужно стараться выработать себѣ такое міросозерцаніе, которое было бы наиболѣе глубоко, которое наиболѣе соотвѣтствовало даннымъ, добытымъ современнымъ знаніемъ, и самымъ высокимъ моральнымъ основамъ, доступнымъ опредѣленному человѣку.

Правда, человѣкъ, построивъ всю свою жизнь на какой нибудь узко-эгоистической или узко-классовой точкѣ зрѣнія, упорно ее защищаетъ, какъ нѣчто незыблемое и идеальное. Особенно въ этомъ отношеніи много

помогаетъ группировка людей въ отдѣльные классы, сословія, національности. Въ такихъ случаяхъ цѣлыя группы фактовъ, крупныя событія замалчиваются, ихъ незамѣчаютъ, причемъ первое время каждый такой непріятный фактъ намѣренно вытѣсняется изъ сферы сознанія. Особенно рѣзко это проявляется на почвѣ угнетенія одной національности другою. Наконецъ оффиціальное исповѣданіе во всѣхъ культурныхъ странахъ христіанской морали, въ то время какъ на самомъ дѣлѣ въ отношеніяхъ между людьми господствуетъ готтентотская мораль, представляетъ рѣзкій повседневный примѣръ этого.

Каждый человѣкъ упорно защищаетъ, какъ я сказалъ свое міросозерцаніе, онъ старается всѣ факты, съ которыми сталкивается, подвести подъ свою точку зрѣнія и если эти факты окончательно противорѣчатъ этой точкѣ зрѣнія, то онъ ихъ отказывается признавать — какъ я уже упомянулъ, выталкиваетъ изъ сферы сознанія. Въ этомъ отрицаніи самыхъ бросающихся въ глаза фактовъ и отношеній человѣкъ можетъ достигнуть поразительныхъ результатовъ, но нужно помнить, что это достигается послѣ большой затраты душевныхъ силъ. Прежде чѣмъ будетъ достигнуто то, что повседневный фактъ

будетъ не доходить до сознанія, приходится человѣку дѣлать много усилій чтобъ его не замѣчать. И, конечно, все это не спасетъ тщательно и съ большимъ трудомъ построеннаго зданія отъ разрушенія. Легко себѣ представить, какая смута происходитъ въ душахъ, когда народъ, въ теченіе долгаго времени считавшій себя выше другихъ, Богомъ избраннымъ, вдругъ терпитъ жестокія пораженія.

Если взрослые люди легко и безъ труда въ теченіе долгаго времени ходятъ въ шорахъ, то молодежи это не сразу дается и каждый человѣкъ по мѣрѣ того, какъ онъ входитъ въ жизнь съ трудомъ продѣлываетъ эту операцію изуродованія своей мыслительной способности и нравственной сферы въ угоду господствующей теоріи. Эта ломка дѣтей и подростающей молодежи не бросается въ глаза, но мучительна и сказывается разладомъ на всю послѣдующую жизнь.

Каждое живое существо стремится сохранить ненарушеннымъ ходъ своихъ внутреннихъ жизненныхъ процессовъ противъ враждебныхъ вліяній, направленныхъ на него изъ внѣшней среды. Каждое живое существо стремится какъ можно лучше приспособиться къ тѣмъ спеціальнымъ условіямъ, въ которыхъ оно живетъ. Исключительными, особенно хорошо приспособлен-

ыми къ тѣмъ спеціальнымъ условіямъ, въ которыхъ они живутъ, являются животныя, обитающія въ изолированныхъ горныхъ долинахъ или на заброшенныхъ среди океана островахъ. Но эти, узко приспособленныя къ опредѣленнымъ условіямъ существа обыкновенно не въ состояніи бороться съ обитателями широкихъ равнинъ и материковъ. Въ то время, какъ они приспособлялись къ своимъ исключительнымъ условіямъ и оставались неподвижными благодаря своей изолированности, общая эволюція шла своимъ путемъ; когда продукты этой эволюціи, новые жизненные типы, созданные на большихъ материкахъ и равнинахъ, встрѣтятся, наконецъ, съ обитателями изолированныхъ уголковъ, послѣдніе не въ состояніи будутъ выдержать конкурренцію съ пришельцами, принадлежащими къ болѣе высокому типу.

Точно также и человѣкъ можетъ составить себѣ въ опредѣленной средѣ очень узкую точку зрѣнія и держаться ея вопреки законамъ логики и фактамъ. Но такая защита внутренняго міра обходится дорогой затратой душевныхъ силъ. Даже тогда, когда самому человѣку кажется, что его міросозерцаніе стоитъ твердо и ненарушимо, подрывающіе цѣльность этого міросозерцанія,

факты все таки оказываютъ свое дѣйствіе незамѣтно для него въ томъ, что его чувства и поступки теряютъ въ своей опредѣленности и цѣльности. Но самое ужасное, когда наконецъ міросозерцаніе, построенное на отжившихъ, потерявшихъ свое значеніе основахъ, наконецъ рухнетъ. Тогда въ своемъ паденіи оно можетъ увлечь къ полной гибели и своего носителя.

Самый характерный въ этомъ отношеніи примѣръ представляетъ герой великаго міроваго произведенія Сервантеса Донъ-Кихотъ. Онъ былъ одушевленъ великими и свѣтлыми идеями: помогать слабымъ, защищать обиженныхъ, служить женщинѣ такъ, какъ это дѣлали герои рыцарскихъ романовъ, несмотря на то, что время странствующихъ рыцарей давно прошло. Не смотря на то, что онъ каждую минуту попадаетъ въ просакъ, становится въ самыя смѣшныя и нелѣпыя положенія, симпатіи читателя остаются на его сторонѣ, и герой романа заставляетъ любить себя даже такихъ узкихъ и практичныхъ людей, какъ Санчо Панса. До тѣхъ поръ пока Донъ Кихотъ находится подъ обаяніемъ образовъ изъ рыцарскихъ романовъ, одушевленъ и полонъ стремленіемъ совершить подвиги — онъ неуязвимъ. Онъ легко все переноситъ: го-

лодъ, жажду, жару, побои, раны. Но мало по малу подготовляется душевный переломъ. Самыя на первый взглядъ разительныя противорѣчія не производятъ на него никакого дѣйствія. Что бы не случилось, что казалось, должно было бы, совершенно разбить его фантастическіе замки, онъ находитъ объясненія изъ практики рыцарскихъ романовъ и видитъ своими глазами самыя фантастическія картины. Но въ то время, какъ призрачное построеніе еще царствуетъ въ его сознаніи, въ это время безсознательно происходитъ внутренняя работа и вотъ послѣ тяжелой неудачи — пораженія въ поединкѣ — все созданіе фантазіи рушится. Рыцарь Печальнаго Образа отрезвляется отъ своихъ мечтаній, но вмѣстѣ съ ними отлетаетъ для него и возможность, и способность жить. Сколько разъ въ обыденной жизни повторяется эта трагедія: когда разрушенъ идеалъ, то вмѣстѣ съ нимъ исчезаетъ и жизнь.

II.

Мы видѣли, что общественное и этическое направленіе душевнаго міра человѣка не только вліяетъ на внѣшній ходъ его жизни, но тѣсно связано со всѣмъ его существомъ не только психическимъ, но и физическимъ, оно оказываетъ вліяніе и на здоровье и на болѣзнь его тѣла.

Посмотримъ теперь, существуетъ ли какая нибудь связь между современной медициной съ одной стороны и общественно-политическими направленіями, во первыхъ, и этическими основами, во вторыхъ. Что касается общественно политическихъ теченій, то современная научная медицина связана съ ними самымъ тѣснымъ образомъ. Изъ научныхъ основъ медицины вытекаетъ необходимость свободы и прогресса для человѣчества. Современный научно образованный врачъ долженъ быть прогрессивнаго направленія въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ; въ противномъ случаѣ онъ или

невѣжда, или же не отвѣчаетъ тѣмъ основнымъ нравственнымъ требованіямъ, которыя предъявлялись искони человѣчествомъ къ врачу.

Въ одномъ изъ своихъ романовъ Мирбо заставляетъ вести горничную слѣдующій ядовитый и выдуманный діалогъ съ писателемъ Бурже. Эта горничная спрашиваетъ знаменитаго французскаго писателя, какъ онъ психологически объясняетъ одно происшествіе, свидѣтельницею котораго была спрашивающая. „А кто же была героиня этого событія?“ Ему отвѣчаютъ, что это была горничная. Тогда, заявляетъ Бурже, здѣсь нѣтъ никакой психологіи, такъ какъ психологія имѣется только у людей, получающихъ не менѣе ста тысячъ франковъ ежегоднаго дохода.

Есть очень много врачей, для которыхъ больные начинаются тоже съ извѣстной довольно значительной суммы дохода. Ниже же этой суммы дохода больныхъ, которыхъ можно было бы и стоило бы лечить, нѣтъ. Есть субъекты, которымъ можно прописывать лекарства, чтобы они отвязались, но обращать на нихъ серьезное вниманіе по мнѣнію этихъ врачей совершенно не стоитъ.

Вотъ, если не стоятъ на этой точкѣ зрѣнія якобы-врачей, то врачъ для того что-

бы видѣть свои труды для облегченія страданій больного человѣчества плодотворными всѣми силами души долженъ сочувствовать экономическому и политическому подъему низшихъ классовъ населенія и слѣдовательно работать въ этомъ направленіи.

Въ самомъ началѣ мы говорили, что болѣзнь есть нарушеніе соотвѣтствія между организмомъ и окружающей средой. Въ своихъ предыдущихъ работахъ я старался выяснить, что подъ терминомъ отношенія организма къ окружающей средѣ мы должны понимать сложную систему отношеній индивидуума къ существамъ, окружающимъ его.*) Изъ этого вытекаетъ, что если мы хотимъ, чтобы индивидуумъ вышелъ побѣдителемъ во всѣхъ отношеніяхъ изъ жизненной борьбы, мы должны желать, чтобы онъ былъ возможно сильнѣе и, притомъ, разносторонне и гармонично развитъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ долженъ имѣть сильный интеллектъ, для того, чтобы быть въ состояніи разобраться въ томъ, что его окружаетъ, сильную волю, чтобъ провести въ жизнь принятое рѣшеніе, онъ долженъ быть полонъ

*) 1) Человѣческій типъ въ деревнѣ и городѣ. Начало, № 5, 1899 г., стр. 50. 2) Объективная необходимость прогресса. Вопросы философіи и психологіи. 1901 г., стр. 342.

вѣры въ свои силы и исполненъ чувства своего человѣческаго достойнства. Такихъ людей не единицами, а въ массѣ, можетъ производить только свободная страна.

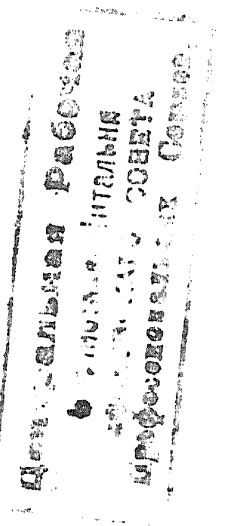
Легче всего это доказать, рельефнѣе всего это видно на вопросѣ о борьбѣ съ заразными болѣзнями. Основныя ихъ причины: недоѣданіе, скученность и некультурность населенія. Бороться съ этими болѣзнями это значитъ бороться съ ихъ основными причинами. Первое, что долженъ желать врачъ для населенія, среди котораго онъ живетъ и работаетъ, это высокая производительность труда, такъ какъ только въ такомъ случаѣ будетъ и питаніе стоять высоко и жилища будутъ хорошія и населенію учиться будетъ возможность. Но одной высокой производительности труда недостаточно; необходимо, чтобы населеніе съумѣло съорганизоваться для того, чтобы не дать капиталистамъ и земельнымъ собственникамъ отнять въ свою пользу большей части продуктовъ труда. Рабочее населеніе должно съумѣть организоваться въ союзы для того чтобъ не допустить чрезмѣрнаго пониженія заработной платы.

Для борьбы съ заразными болѣзнями безусловно необходима дѣятельность мѣстныхъ органовъ самоуправленія. Никто кромѣ нихъ

не въ силахъ устроить хорошее водоснабженіе, канализацію, больничное дѣло, надзоръ за пищевыми продуктами и т. д. Эти органы мѣстнаго самоуправленія несомнѣнно должны быть поставлены на самыхъ широкихъ демократическихъ началахъ, такъ какъ само собою разумѣется, что если въ самоуправленіи будутъ участвовать только самые богатые верхніе слои населенія, то послѣдніе будутъ преслѣдовать только свои узкія цѣли, причемъ интересы ихъ въ большинствѣ случаевъ будутъ прямо сталкиваться съ интересами широкихъ массъ населенія. Противоположность интересовъ домовладѣльцевъ и жильцевъ, земельныхъ собственниковъ и обрабатывающихъ ихъ земли является уже всѣмъ извѣстною банальною истиною. Между тѣмъ полная несовмѣстимость правильно и широко поставленнаго мѣстнаго самоуправленія съ деспотическимъ строемъ была уже много разъ освѣщена и притомъ съ самой авторитетной стороны.

Точно также необходимость просвѣщенія есть нѣчто такое съ чѣмъ приходится сталкиваться каждому врачу, работающему среди широкихъ массъ населенія. Но, опять таки — просвѣщеніе, правильно поставленная школа — могутъ существовать только въ свободномъ государствѣ.

Наконецъ, вообще энергичные люди, способные къ иниціативѣ, способные проводить въ жизнь свои взгляды, полные чувства достоинства, однимъ словомъ граждане, могутъ составлять массу населенія только тамъ, гдѣ обезпечены гражданскія права личности.



Послѣ этого является вполнѣ понятнымъ, что научно образованный врачъ, если онъ имѣетъ дѣло съ паціентами изъ широкихъ слоевъ народа, если онъ искренне желаетъ помочь имъ, какъ врачъ, и если притомъ онъ дѣлаетъ правильные выводы изъ тѣхъ теоретическихъ основаній, которыя онъ получилъ отъ науки, долженъ стоять за широкія демократическія реформы и экономическое освобожденіе трудящихся классовъ. Вѣдь ни въ какой другой спеціальности представителямъ ея не приходится такъ близко сталкиваться изо дня въ день съ человѣческимъ горемъ и нуждою, такъ что врачу трудно остаться равнодушнымъ къ этимъ страданіямъ. Кромѣ того врачъ большею частью находится на службѣ у широкихъ массъ населенія и степень его благосостоянія зависитъ отъ уровня благосостоянія той среды, изъ которой къ нему являются паціенты. Конечно, въ рядѣ частныхъ случаевъ существуютъ такія условія, которыя

заставляютъ врачей становиться на сторону богатыхъ и привилегированныхъ противъ массы, но въ этомъ неповинна наука, которая и въ настоящее время зоветъ врача уйти въ „станъ погибающихъ за великое дѣло любви". До какой степени прогрессивныя политическія и экономическія теченія логически вытекаютъ изъ самыхъ основъ современной медицины для меня выяснилось изъ слѣдующаго примѣра. Весною 1905 года былъ собранъ Пироговскій Съѣздъ врачей по поводу приближающейся холеры. Какъ извѣстно, на этомъ съѣздѣ былъ принятъ рядъ крайне радикальныхъ резолюцій по основнымъ политическимъ вопросамъ русской жизни. Изъ за этихъ резолюцій Пироговскіе съѣзды подверглись цѣлому ряду нападокъ. Говорилось и писалось, что врачи воспользовались вопросомъ о холерѣ, какъ орудіемъ борьбы противъ правительства, что они сошли съ научной почвы и занялись легкомысленнымъ рѣшеніемъ вопросовъ, не входящихъ въ кругъ ихъ спеціальности и т. д.

Недавно мнѣ пришлось сравнить резолюціи этого съѣзда съ положеніями знаменитой статьи Р. Вирхова, вышедшей около шестидесяти лѣтъ тому назадъ по поводу эпидеміи сыпнаго (голоднаго) тифа въ Верхней Силезіи. Статья эта имѣла громадное

значеніе, такъ какъ въ ней положены основы современнаго способа борьбы съ чрезмѣрными заболѣваемостью и смертностью населенія. Сдѣлаемъ-же сопоставленіе выводовъ Вирховской статьи съ резолюціями Пироговскаго съѣзда. Получается необыкновенное совпаденіе.

Эта знаменитая статья Вирхова вышла въ 1849 году во второмъ томѣ, издававшагося имъ и существующаго до сихъ поръ Архива патологической анатоміи, физіологіи и клинической медицины. Носитъ она слѣдующее названіе: „Сообщеніе о тифозной эпидеміи, распространенной въ Верхней Силезіи.“ *) Въ отдѣлѣ, который онъ озаглавливаетъ заботы о будущемъ, онъ говоритъ, что изъ его изслѣдованій въ Силезіи выяснилось, что тамъ свирѣпствовала губительная эпидемія одновременно съ ужаснымъ голодомъ среди бѣднаго, невѣжественнаго и отупѣвшаго населенія. И это въ Пруссіи, которая гордилась совершенствомъ своего государственнаго устройства. Какія же выводы нужно сдѣлать изъ возможности возникновенія такихъ эпидемій; для Вирхова

*) Rud. Virchow. Mittheilungen über die in Oberschlesien herrschende Typhusepidemie. Virchow's Archiv, II. Band. 1849.

они вполнѣ опредѣленно сложились, когда онъ возвращался изъ Верхней Силезіи въ Берлинъ. Этотъ выводъ, говоритъ онъ, можно выразить въ трехъ словахъ: „Полная и неограниченная демократія.“ *)

Требованія Пироговскаго Съѣзда въ этомъ отношеніи не менѣе рѣшительны.

Далѣе, говоритъ Вирховъ, логическій отвѣтъ на вопросъ, какимъ образомъ на будущее время прекратить возможность такого положенія вещей, какое было въ Верхней Силезіи, ясенъ и простъ: Образованіе съ его дочерьми свободой и благосостояніемъ. **) Причемъ въ примѣчаніи добавляетъ, что подобное же требованіе поставила Парижская Академія Наукъ Египетскому Правительству на вопросъ о способахъ борьбы съ чумой. Соотвѣтственно этому Пироговскій Съѣздъ требовалъ всеобщаго, безплатнаго, обязательнаго обученія.

Дальше Вирховъ задается вопросомъ, какимъ путемъ добиться могучаго умственнаго подъема, какимъ образомъ этотъ опустившійся, инертный ослабѣлый народъ могъ бы самъ работать надъ своимъ возрожде-

*) Volle und unumschränkte Demokratie. S. 303.

**) Bildung mit ihren Töchtern Freiheit u. Wohlstand. S. 309.

ніемъ. Единственное средство, говоритъ Вирховъ, для того чтобы создать сильный и стойкій энтузіазмъ, онъ видитъ въ національномъ польскомъ возрожденіи Верхней Силезіи. *) Разъ Германія не съумѣла раньше онѣмечить жителей Силезіи, то теперь уже поздно думать о томъ, чтобы миліоны людей заставить говорить на чуждомъ имъ языкѣ „нѣмыхъ“ (нѣмецкомъ) и если Пруссія или Германія должна сохранить за собою Верхнюю Силезію, какъ имъ принадлежащія земли, то они должны попытаться привить нѣмецкій духъ и нѣмецкую культуру черезъ образованіе на польскомъ языкѣ. Ея задача была бы создать польскія школы съ разумными учителями, которые защищали бы интересы не католической іерархіи, а общечеловѣческіе интересы.

Соотвѣтственно этому мы видимъ въ постановленіяхъ Пироговскаго Съѣзда требованіе равноправія національностей. Не только русское, но и современное прусское правительство еще не раздѣляетъ, какъ извѣстно, Вирховской точки зрѣнія, не смотря на то, что съ тѣхъ поръ прошло почти шестьдесять лѣтъ.

Далѣе Вирховъ требуетъ самой широкой

*) nationalen Reorganisation Oberschlesiens. S. 310.

свободы, особенно полной свободы общинной жизни.*) Наряду съ этимъ Пироговскій Съѣздъ выставляетъ въ своей резолюціи требованіе широкаго свободнаго самоуправленія на началахъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія. Вирховъ высказывается за отдѣленіе церкви отъ государства. Если школа должна процвѣтать, то по его словамъ, она должна быть совершенно изъята изъ вѣдѣнія духовенства и мѣсто поповскихъ наставленій должно занять свободомыслящее преподаваніе, въ основѣ котораго положено позитивное міросозерцаніе.**)

Затѣмъ Вирховъ переходитъ къ экономическимъ вопросамъ и требуетъ справедливой и прямой системы налоговъ и уничтоженія всѣхъ преимуществъ и спеціальныхъ (феодальныхъ) обязанностей. Соотвѣтственно этому Пироговскій Съѣздъ высказался за введеніе прогрессивнаго подоходнаго налога, уничтоженіе выкупныхъ и оброчныхъ платежей и сложеніе крестьянскихъ недоимокъ, обезпеченіе землей трудящихся за счетъ государственныхъ, удѣльныхъ, монастырскихъ и частновладѣльческихъ земель. Для наем-

*) S. 313.
**) S. 314.

ныхъ рабочихъ съѣздъ высказывается за установленіе восьмичасоваго рабочаго дня, минимума заработной платы и ряда другихъ частныхъ реформъ. Что же касается Вирхова, то онъ стоитъ еще на болѣе широкой основѣ и заявляетъ, что разумное государственное устройство должно обезпечивать отдѣльному человѣку право на здоровое существованіе.*)

Мы видѣли, что статья Вирхова и положенія Пироговскаго съѣзда составлены на разстояніи почти шестидесяти лѣтъ другъ отъ друга и конечно вторыя совершенно независимо отъ первой. Я сомнѣваюсь даже были ли среди составителей этихъ положеній съѣзда люди, читавшіе эту знаменитую статью, такъ давно она вышла, такъ основательно позабытыми лежатъ въ библіотекахъ первые томы Вирховскаго Архива. И между тѣмъ мы видимъ такое замѣчательное совпаденіе до мелочей. Объясняется это по моему тѣмъ, что какъ положенія Вирхова, такъ и съѣзда представляютъ изъ себя логическіе необходимые выводы изъ общихъ основъ современной медицинской науки. И

*) Eine vernünftige Staatsverfassung muss das Recht des Einzelnen auf eine gesundsheitsgemässe Existenz unzweifelhaft feststellen.

до тѣхъ поръ, пока медицина будетъ стоять на твердой основѣ естественныхъ наукъ, черезъ какіе бы большіе промежутки времени не дѣлались попытки бороться съ чрезмѣрною болѣзненностью, эти попытки всегда будутъ направлены къ освобожденію и упроченію правъ человѣческой личности.

Съ другой стороны съ Пироговскаго Общества снимается упрекъ въ ненаучности его резолюцій. Вы видите, что за этими постановленіями стоитъ великій авторитетъ Вирхова — центральной фигуры медицинской науки XIX-вѣка, а статья его съ положеніями, тождественными съ положеніями Пироговскаго Съѣзда, украшаетъ одну изъ первыхъ книжекъ самаго аристократичнаго, самаго строгаго, научнаго журнала, какой мы имѣемъ въ медицинской литературѣ.

III.

Если изъ предыдущаго видна тѣсная связь медицины съ общественными вопросами, то о связи ея съ нравственными вопросами, по крайней мѣрѣ лично мнѣ, ничего неизвѣстно. Я не говорю о высокихъ нравственныхъ требованіяхъ, которыя предъявляются къ врачамъ, но, что касается самой медицины, какъ науки, то ея связь съ этическими нормами, абсолютно отсутствуетъ. Меня интересовало много разъ, какія нравственныя требованія въ отношеніяхъ людей другъ къ другу выставляетъ современная научная медицина. Такъ она говоритъ, что не надо чрезмѣрно эксплуатировать окружающихъ, такъ какъ присутствіе рядомъ истощенныхъ и ослабленныхъ людей послужитъ источникомъ развитія заразныхъ болѣзней. Такъ, неразумно держать прислугу въ дурныхъ и тѣсныхъ помѣщеніяхъ, потому что она начнетъ тогда хворать и болѣзни перейдутъ на хозяевъ. Но такія соображенія не относятся къ разряду

этическихъ требованій, это просто грубый эгоизмъ.

Точно также медицина не одобряетъ безпорядочныя внѣбрачныя отношенія, особенно съ проститутками, т. к. они могутъ повлечь за собою заболѣванія ужасными болѣзнями. Но, понятно, что эти требованія ничего не имѣютъ общаго съ требованіями нравственности.

И вотъ это полное игнорированіе медициной вопросовъ этики повлекло за собой то, что во многихъ отношеніяхъ медицина имѣетъ въ настоящее время разлагающее, тлетворное вліяніе на современное общество.

Особенно рѣзко это вліяніе въ вопросахъ половой морали. Смотря на человѣка, какъ на животное въ ряду другихъ животныхъ, она настаиваетъ на необходимости половыхъ сношеній, совершенно игнорируя душевный міръ и убѣжденіе человѣка. По крайней мѣрѣ такъ поступаютъ большинство представителей врачебной науки. Такъ какъ соціально экономическія отношенія не позволяютъ большинству городскаго населенія вступать въ ранніе браки, то изъ этого для этихъ представителей науки вытекаетъ ни необходимость измѣненія этихъ соціально-экономическихъ отношеній, ни проповѣдь воздержанія, а наоборотъ проповѣдь внѣбрачныхъ половыхъ сношеній и проституціи.

Мнѣ приходилось самому быть свидѣтелемъ, представляя одного больного на консультацію выдающемуся свѣтилу нейропатологіи, какъ послѣдній убѣждалъ паціента, нейрастеника съ незначительно выраженными явленіями, чтобы онъ непремѣнно жилъ бы половой жизнью, хотя тотъ абсолютно отрицалъ возможность для себя этого только съ гигіеническими цѣлями, а жениться, не любя не желалъ. Почтенный ученый не принималъ во вниманіе, что, конечно, его совѣтъ съ грубо физіологической точки зрѣнія раціоналенъ, но послѣдовать ему паціентъ могъ, только измѣнивъ своимъ кореннымъ душевнымъ убѣжденіямъ. Является вопросомъ, которое изъ двухъ рѣшеній принесло бы болѣе вреда этому человѣку — остаться вѣрнымъ своему идеалу или измѣнить ему и послѣдовать совѣтамъ „ветеринарной“ медицины. Послѣднее рѣшеніе могло повлечь за собой такую глубокую нравственную ломку, что она могла отразиться крайне неблагопріятно и на его здоровьѣ, не смотря на кажущуюся на первый взглядъ раціональность совѣта.

Но въ этомъ отношеніи, можетъ быть, отвѣтственность современной медицины, какъ науки, не столь значительна, такъ какъ большинство ея адептовъ въ этомъ вопросѣ не

стоятъ на строго научныхъ основаніяхъ. Но и помимо этого вопроса, насколько глубоко вліяніе медицины на современное общество, а это вліяніе дѣйствительно очень глубоко въ извѣстныхъ слояхъ, настолько же сильно здѣсь ея отрицательное въ этическомъ отношеніи значеніе.

Возьмемъ, сперва, интеллигентныхъ, любящихъ матерей, всю душу свою полагающихъ на воспитаніе дѣтей. Такія матери бываютъ обыкновенно цѣликомъ преданы принципамъ научной медицины и не опускаютъ казалось-бы, ничего, что необходимо для блага ихъ дѣтей. Первое, чѣмъ онѣ проникнуты это панической боязнью бактерій и заразныхъ болѣзней, далѣе сознаніемъ необходимости всесторонняго физическаго воспитанія, чистаго воздуха, свѣта, необходимости чистоты тѣла. Не довольствуясь тѣми условіями, которыя предоставляетъ имъ обычное ихъ мѣстопребываніе, онѣ везутъ своихъ дѣтей ежегодно или на берегъ моря, или въ горы. Наконецъ, помня, что жизнь есть борьба за существованіе, онѣ стараются вооружить своихъ дѣтей на эту борьбу самымъ тщательнымъ образомъ всевозможными знаніями и искуствами: на первомъ планѣ знаніемъ иностранныхъ языковъ, потомъ музыки или рисованія. Онѣ заботятся о томъ,

чтобъ ихъ дѣти обладали серьезными научными знаніями и на ряду съ этимъ дипломами, которые обезпечивали бы имъ соотвѣтствующее мѣсто въ жизни. Наконецъ, эти матери заботятся о матеріальномъ обезпеченіи своихъ дѣтей, т. к. это обезпеченіе представляетъ собою одну изъ прочныхъ основъ жизни. Но не только необходимо, съ ихъ точки зрѣнія, дать дѣтямъ извѣстныя матеріальныя средства, но необходимо ихъ научить умѣренно и обстоятельно пользоваться ими. Ну, а идеальныя цѣли жизни допускаются этой программой воспитанія въ самомъ ограниченномъ количествѣ и большею частью, можно сказать, почти исключаются изъ плана жизни. Напримѣръ, политическія стремленія допускаются только въ такой степени, въ какой они не могутъ повредить жизненной карьерѣ. Интересно, когда такая мать, если сама она религіозный человѣкъ, сталкивается съ необходимостью опредѣлить передъ ребенкомъ свое отношеніе къ Евангелію. Ей приходится заявить ребенку, что это такая книга, которую никто изъ обстоятельныхъ людей не принимаетъ въ серьезъ, что это просто красивыя мечты, которыя не имѣютъ никакого отношенія къ реальной жизни.

И вотъ изъ этого воспитанія выходитъ

человѣкъ, вооруженный всѣмъ, чѣмъ только угодно, кромѣ способности къ душевному подъему, къ идеализму. Объясняется это въ значительной степени тѣмъ, что таково было общее направленіе воспитанія. Если житейская мудрость среднихъ людей боится всякихъ увлеченій, то медицина, которая была поставлена въ одну изъ главныхъ основъ этой системы воспитанія, ничего не знаетъ объ идеалахъ и нравственныхъ основахъ жизни. Если бъ бѣдныя матери представляли себѣ, что въ тотъ день, когда ихъ дѣти, вступивъ жизнь и заболѣвъ серьезной болѣзнью, будутъ благодаря основному пробѣлу въ ихъ воспитаніи лишены главной опоры, которая дастъ имъ возможность побороть болѣзнь, если бъ онѣ знали, что нравственные принципы существуютъ не только для блага другихъ людей, что имъ надо слѣдовать не только для того, чтобы исполнять имманентные внѣ человѣчества поставленнные законы, а для своего блага и, какъ мы старались показать, даже для своего блага въ узкомъ смыслѣ этого слова, для сохраненія своихъ физическихъ силъ и здоровья — если бъ матери это знали, они иначе вели бы своихъ дѣтей.

Другой родъ людей, введенныхъ въ за-
 блужденіе медициной, представляютъ изъ

себя энергичные люди, цѣликомъ сосредоточившіеся на благѣ своей личности. Они въ мѣру и совершенно раціонально, согласно современнымъ требованіямъ медицины, исполняютъ все то, что необходимо для полнаго здоровья и предотвращенія наступленія преждевременной старости. Они въ мѣру и раціонально ѣдятъ, курятъ и пьютъ столько, сколько это допускается ихъ врачами безъ вреда для здоровья. Ежедневно они примѣняютъ пріемы водолѣченія, занимаются гимнастикой, спортомъ, путешествуютъ, однимъ словомъ дѣлаютъ все то, что только предписываетъ медицина для сохраненія здоровья и физическихъ силъ. Бѣдные и, съ нашей точки зрѣнія, введенные въ заблужденіе люди! Они не подозрѣваютъ, что оставили безъ вниманія основной факторъ, обусловливающій ходъ процессовъ въ организмѣ — нравственный подъемъ личности. При ихъ энергіи, если бъ только они знали, что для ихъ же блага имъ нужно быть идеалистами, они, кажется, поднялись бы до звѣздъ!

Нужно отмѣтить, что и рѣзко выраженный эгоизмъ, эгоцентрическое настроеніе можетъ быть такой душевной силой, которая можетъ поддерживать человѣка въ жизненной борьбѣ и являться основой, поддерживающей физическое здоровье. Но для того

Центральная Библіотека-Читальня Московскаго Общества Профессіональ...

чтобы играть такую роль, это чувство должно проявляться съ такой интенсивностью, сопровождаться такой вѣрой въ цѣнность и силу своей личности, которыя являются удѣломъ совершенно исключительныхъ единицъ. Но и такіе люди надламываются отъ неудачъ и ударовъ судьбы, такъ какъ эгоизмъ, является недостаточно прочной основой, чтобы на немъ строить всю жизнь.

Идеализмъ приходится выдвигать на первый планъ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы сдѣлать человѣка способнымъ къ жизненной борьбѣ, такъ какъ это есть факторъ, который изъ слабой человѣческой личности можетъ сдѣлать сильную. Трудно представить себѣ такую человѣческую личность, которая бы была въ силахъ безнаказанно противопоставить свое я остальному человѣчеству. И, наоборотъ, силы человѣка растутъ по мѣрѣ того, какъ онъ начинаетъ себя ощущать единицей, входящей въ составъ болѣе или менѣе обширной коллективной группы и работающей для пользы послѣдней.

IV.

Точка зрѣнія, которую я развивалъ здѣсь, имѣетъ несомнѣнное значеніе по вопросу о развитіи и упроченіи нравственныхъ устоевъ въ людяхъ путемъ естественнаго подбора и выживанія наиболѣе приспособленныхъ.

Дарвинъ придавалъ естественному подбору очень большое значеніе въ этомъ вопросѣ, но только на болѣе первобытныхъ стадіяхъ развитія, когда человѣчество состояло изъ отдѣльныхъ небольшихъ племенъ. Онъ говоритъ: „Не слѣдуетъ забывать, что, хотя высокій уровень нравственности даетъ каждому человѣку въ отдѣльности и его дѣтямъ лишь весьма небольшія преимущества надъ другими членами того-же племени или вовсе не приноситъ имъ никакихъ выгодъ, тѣмъ не менѣе общее повышеніе этого уровня и увеличеніе числа даровитыхъ людей несомнѣнно даютъ огромный перевѣсъ одному племени надъ другимъ. Очевидно, что племя, заключающее въ себѣ большое

число членовъ, которые надѣлены высоко развитымъ чувствомъ патріотизма, вѣрности, послушанія, храбрости и участія къ другимъ, — членовъ, которые всегда готовы помогать другъ другу и жертвовать собой для общей пользы, — должно одержать верхъ надъ большинствомъ другихъ племенъ. Это будетъ естественнымъ отборомъ. Во всѣ времена и на всей землѣ одна раса вытѣсняла другую; а такъ какъ нравственность составляетъ одинъ изъ существенныхъ элементовъ успѣха, то ясно, что общій уровень нравственности и число выходящихъ изъ ряда людей должно постоянно стремиться къ увеличенію и наростанію.*)"

Что касается цивилизованныхъ народовъ, ложившихся въ большія нація, то внутри послѣднихъ толькочто описанный способъ подбора уже происходить не можетъ. Правда, по словамъ Дарвина, убываніе самыхъ худшихъ наклонностей дѣлаетъ постоянные успѣхи даже въ наиболѣе цивилизованныхъ націяхъ. Такъ, говоритъ онъ, преступниковъ убиваютъ или заключаютъ въ тюрьмы на долгое время, такъ что они не

---

*) Чарльзъ Дарвинъ. Собраніе сочиненій въ четырехъ томахъ. Изданіе О. Поповой. Томъ II. Происхожденіе человѣка и половой отборъ. Стр. 93.

могутъ свободно передавать по наслѣдству своихъ дурныхъ качествъ. Меланхолики или умалишенные бываютъ обыкновенно отдѣлены отъ себѣ подобныхъ или кончаютъ жизнь самоубійствомъ. Злые и неуживчивые люди часто находятъ кровавый конецъ. Безпокойные люди — выселяются въ новооткрытыя страны. Невоздержанность, утверждаетъ онъ, страшно губительна, развратныя женщины имѣютъ обыкновенно мало дѣтей, а развратные мущины рѣдко вступаютъ въ бракъ; какъ тѣ такъ и другіе подвержены разнымъ болѣзнямъ.*)

Но въ общемъ у современныхъ цивилизованныхъ народовъ естественный отборъ не играетъвъ этомъ отношеніи большой роли по мнѣнію Дарвина. Вотъ какъ самъ онъ высказывается по этому поводу: „Насколько вопросъ касается повышенія уровня нравственности и увеличенія числа способныхъ людей, естественный отборъ имѣетъ, повидимому, у цивилизованныхъ націй мало вліянія, не смотря на то, что ихъ основные общественные инстинкты были первоначально пріобрѣтены этимъ путемъ.“ **)

Конечно, если только справедлива та точка зрѣнія, которую я развивалъ и по

*) Тамъ-же стр. 96.
**) Тамъ-же, стр. 97.

которой нравственныя силы человѣка непосредственно отражаются на его здоровьѣ и въ жизненныхъ процессахъ, такой подборъ долженъ происходить постоянно; начался онъ въ средѣ племенъ первобытнаго человѣчества и имѣетъ такое же большое значеніе и теперь для цивилизованныхъ народовъ. Человѣкъ, воодушевленный высокими идеалами, будетъ устойчивѣе въ борьбѣ съ внѣшними факторами, вредно дѣйствующими на его здоровье. Заболѣвъ тяжелой болѣзнью вслѣдствіе стеченія неблагопріятныхъ обстоятельствъ, онъ, какъ мы видѣли выше, будетъ имѣть больше шансовъ достичъ при прочихъ равныхъ условіяхъ выздоровленія.

Эта точка зрѣнія несомнѣнно даетъ твердую опору для свѣтлаго взгляда на будущее человѣчества, потому что согласно ей вслѣдствіе естественнаго отбора нравственный уровень человѣчества долженъ постоянно повышаться и въ этомъ отношеніи она представляетъ существенное дополненіе къ теоріи Дарвина.

Да въ сущности иначе и быть не можетъ. Если-бъ нравственныя свойства человѣка не поддерживались постоянно естественнымъ отборомъ они исчезли бы, какое важное значеніе не придавали бы имъ моралисты.

Точка зрѣнія, которая здѣсь излагалась, представляетъ собою тоже попытку съ физіологической стороны обосновать, лежащее въ основѣ ряда религій воззрѣніе, что болѣзнь есть слѣдствіе нарушеній нравственныхъ законовъ, возложенныхъ на человѣчество. Такъ по Библіи болѣзнь есть слѣдствіе грѣхопаденія. Богъ посылаетъ моровую язву на еврейскій народъ за первую перепись, произведенную царемъ Давидомъ. Аполлонъ насылаетъ на войско грековъ въ первой пѣснѣ Иліады повальную болѣзнь за то, что былъ оскорбленъ его жрецъ и т. д. Однимъ словомъ это одно изъ наиболѣе глубокихъ убѣжденій, коренящихся въ великихъ міровыхъ культурахъ, существовавшихъ до насъ. Не смотря на наивное сближеніе причинъ и слѣдствій въ отдѣльныхъ конкретныхъ случаяхъ, въ великихъ священныхъ книгахъ человѣчества, въ основѣ лежитъ глубокая и вѣрная мысль, что индивидуумъ даже физически распадается, если онъ будетъ игнорировать нравственные законы, выработанные человѣчествомъ.

Но, какъ всякій законъ природы, этотъ законъ въ отдѣльныхъ конкретныхъ случаяхъ никогда не проявляется въ чистомъ, незатемненномъ видѣ; каждый конкретный фактъ есть результатъ равнодѣйствующей

цѣлаго ряда сложныхъ факторовъ. Поэтому мы и не должны ожидать, чтобы и этотъ законъ, какъ и всякій другой, проявлялся въ чистомъ видѣ, непосредственно и немедленно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, чтобы за каждое доброе дѣло и чувство слѣдовала награда въ видѣ здоровья, а за худымъ — наказаніе въ видѣ болѣзни и чтобы вмѣстѣ съ благородствомъ души всегда соединялось здоровье, а съ порочностью — болѣзнь.

Книга Іова въ Библіи является выраженіемъ того, что уже издавно смущало: религіозныхъ людей какъ это можетъ быть, что болѣзнь поражаетъ праведника наряду съ грѣшникомъ. И недоумѣніе это разрѣшалось указаніемъ на непостижимость путей премудрости Божіей, а въ настоящее время, съ точки зрѣнія натуралиста, объясняется сложностью законовъ природы.

V.

Какъ мы говорили выше, существуетъ очень рѣзкая разница между точкой зрѣнія на леченіе у научной медицины и воззрѣніями прежняго времени, основывавшимися преимущественно на религіозныхъ вѣроученіяхъ. Когда человѣкъ тяжко заболѣвалъ, то согласно традиціоннымъ требованіямъ, онъ толженъ былъ покаяться въ своихъ грѣхахъ, пересмотрѣть всю прошлую свою жизнь, откинуть изъ нея все то, что не соотвѣтствовало его нравственнымъ идеаламъ, однимъ словомъ онъ долженъ былъ нравственно переродиться и въ этомъ нравственномъ перерожденіи ждать для себя облегченія болѣзни. Кромѣ этихъ основныхъ требованій, примѣнялся еще рядъ чисто лечебныхъ мѣропріятій.

Не то совсѣмъ въ современной медицинѣ. Когда человѣкъ заболѣетъ, то по отношенію къ нему примѣняютъ рядъ самыхъ разнообразныхъ лечебныхъ мѣропріятій,

какъ-то лекарствъ, физическихъ методовъ леченія, хирургическаго леченія, пребыванія въ санаторіяхъ. По современнымъ научнымъ взглядамъ для больного необходимо спокойное настроеніе, увѣренность, что онъ поправится, довѣріе къ врачу, но что либо въ родѣ нравственнаго перерожденія отъ больного не требуется; эта область душевной жизни совершенно не интересуетъ врача. Какъ видно изъ предыдущаго, мы не можемъ считать такую точку зрѣнія вполнѣ правильной.

Въ настоящее время можно сопоставить другъ другу съ одной стороны научную медицину, а съ другой американскія секты, т. н. молельщиковъ, которые убѣждены, что достаточно вѣры и одной молитвы, чтобы получить исцѣленіе отъ какой угодно тяжкой болѣзни, не прибѣгая къ помощи какихъ либо научныхъ медицинскихъ пріемовъ. Конечно, оба направленія съ негодованіемъ относятся, другъ къ другу, какъ шарлатанству. Что касается меня, то я въ нерѣшительности, на которой сторонѣ ошибка больше: отрицать-ли роль нравственной стороны духовной жизни человѣка въ развитіи и теченіи его болѣзней или, наоборотъ, признавать ее, но отрицать всѣ завоеванія научной медицины.

Мы указывали выше на тотъ подъемъ душевныхъ силъ, который приходится наблюдать при извѣстныхъ тяжелыхъ заболѣваніяхъ человѣка. Съ этимъ можно сопоставить тотъ подъемъ духа, то высокое религіозное чувство, встрѣчающееся среди тѣхъ классовъ населенія, которые поставлены въ необыкновенно тяжелыя, условія существованія. Сюда относится религіозное настроеніе бѣдныхъ, невѣжественныхъ массъ. Къ такому же подъему духа мы относимъ тѣ высокія идеалистическія свойства, какъ товарищеская солидарность, упорность въ борьбѣ, которыя проявляютъ рабочія массы во время стачекъ, а также и въ политическихъ движеніяхъ. Мнѣ представляется, что условія матеріальной жизни здѣсь такъ тяжелы, что тѣло можетъ препятствовать своему разрушенію, только напрягая всѣ силы духа. Можетъ быть, это не такъ, но я склоненъ думать, что высокія силы духа вызываются не только борьбой за улучшеніе своего положенія, но и прямой необходимостью нечеловѣчески напрягать свои силы, чтобъ существовать при извѣстныхъ условіяхъ.

Изъ этого совмѣстнаго существованія тяжелаго положенія и высокихъ душевныхъ свойствъ вытекаетъ извѣстная точка зрѣнія

о цѣнности страданія и нищеты и о необходимости ихъ вѣчнаго сохраненія для блага человѣчества. Но рядомъ съ этимъ, какъ извѣстно, нищета принижаетъ человѣка. Кромѣ того, нищета и бѣдственное матеріальное положеніе не являются необходимымъ условіемъ для высокаго душевнаго настроенія. Въ той точкѣ зрѣнія, о которой мы только что упомянули, по нашему мнѣнію лежитъ слѣдующая доля истины. Болѣзнь и страданіе есть несоотвѣтствіе между человѣкомъ и окружающей его средой. Среда постоянно усложняется вокругъ человѣка и заставляетъ его эволюціонировать, усовершенствовать свою природу по тому пути, который привелъ его отъ животнаго къ человѣческой природѣ. Каждая болѣзнь, каждое страданіе есть новое понуканіе со стороны природы развиваться дальше. Такимъ образомъ болѣзнь не есть только несчастіе, но имѣетъ ту хорошую сторону, что заключаетъ въ себѣ необходимость для индивидуума и всего человѣчества идти впередъ. Прогрессъ въ развитіи человѣчества сохранится всегда, но есть основаніе предполагать, что со временемъ онъ будетъ совершаться болѣе плавно; люди будутъ сильнѣе и будутъ легче примѣняться, чѣмъ теперь, къ измѣняющимся условіямъ существо-

ванія и прогрессъ не будетъ сопровождаться такой массой страданій, какъ теперь. Но объ этомъ я писалъ въ другой работѣ и отсылаю къ ней читателя.*)

*) См. цит. выше „Объективная необходимость прогресса".

VI.

Если идеалистическое настроеніе является столь важнымъ факторомъ для здоровья нашего тѣла, то само собой понятно, что идеалистическое воспитаніе подрастающаго поколѣнія съ точки зрѣнія сохраненія здоровья должно играть такую же важную роль, какъ и физическое. Каждый человѣкъ долженъ вступать въ жизнь съ большимъ запасомъ идеализма, который явится однимъ изъ самыхъ важныхъ факторовъ въ его борьбѣ за существованіе, понимаемой даже въ узкомъ смыслѣ борьбы за его здоровье. Наряду съ воспитаніемъ въ эту сторону должно быть направлено и его образованіе.

Основы такого воспитанія должны быть возможно широкія. Первую ступень въ этомъ отношеніи должно играть развитіе способности любить и наслаждаться окружающей природой. Для ребенка лучше всего, если онъ будетъ окруженъ людьми, умѣющими цѣнить красоты природы и умѣющими ими

наслаждаться. Старшіе не должны пропускать ни одного случая указать ребенку на прелесть или величіе той или другой картины природы. Въ ребенкѣ должно быть развито умѣнье видѣть красивое въ окружающемъ. Извѣстно, какъ постепенно развивается эта способность чувствовать прекрасное вмѣстѣ съ повышеніемъ уровня культуры. Конечно, на всѣхъ ступеняхъ ея встрѣчаются отдѣльныя чуткія личности, умѣющія наслаждаться природой, но для большинства красота ея закрытая книга, и только иногда что нибудь исключительно грандіозное или прекрасное заставляетъ людей обратить на себя вниманіе и освободиться отъ узко утилитарнаго отношенія къ природѣ, которое мы видимъ у большинства. Какъ я сказалъ, общеніе съ людьми, умѣющими наслаждаться картинами природы, есть въ этомъ случаѣ самое главное. Конечно, немного найдется такихъ людей, которые никогда бы не любовались красотою звѣзднаго неба, но во всякомъ случаѣ есть много людей, не обращавшихъ вниманія на вечернюю или утренную звѣзду или на красоту облаковъ. А между тѣмъ, постоянно мѣняющіяся формы и красочные оттѣнки облаковъ могутъ явиться источникомъ постояннаго эстетическаго наслажденія.

Но не только окружающая насъ природа, но вообще все непосредственно насъ окружающее можетъ и должно являться источникомъ эстетическаго наслажденія. При этомъ зачастую люди сами закрываютъ для себя возможность эстетически наслаждаться окружающимъ благодаря предвзятымъ точкамъ зрѣнія. Такъ есть люди, для которыхъ пейзажъ только тогда красивъ, когда на немъ имѣется лѣсъ и рѣка, и которые не цѣнятъ другихъ картинъ природы. Есть множество людей, которые не могутъ себѣ представить, что моховое болото можетъ быть красивымъ и только потому, что никто никогда не обращалъ вниманія ихъ на него съ этой точки зрѣнія.

Особенно бросается въ глаза эта предвзятая точка зрѣнія и отсутствіе умѣнія видѣть по отношенію къ различнымъ постройкамъ. Всѣмъ извѣстно, какъ въ XVIII вѣкѣ самые замѣчательные образцы готическаго искусства, которыми мы теперь наслаждаемся, считались безобразными и неуклюжими произведеніями, оставшимися отъ варварскихъ временъ. Какой нибудь забытый, покосившійся домикъ съ маленькими оконцами, который возбудитъ умиленіе въ художникѣ, въ тоже время ничего не даетъ человѣку съ неразвитымъ художественнымъ вкусомъ,

такъ какъ этомъ домикъ ничего не имѣетъ общаго съ тѣми шаблонными представленіями о прекрасномъ, которые сложились у послѣдняго.

Эстетически-художественное образованіе является насущною необходимостью, такъ какъ оно открываетъ глаза человѣка на все прекрасное, что окружаетъ его, и даетъ ему неисчерпаемый источникъ наслажденій.

На ряду съ умѣньемъ наслаждаться природой нужно стараться развивать въ дѣтяхъ и подрастающемъ поколѣніи молодежи интересъ къ окружающимъ людямъ, интересъ къ тому, что происходитъ въ ихъ душахъ. Сколько возможно, нужно стараться избѣжать того, чтобы выработалось эгоцентрическое міросозерцаніе, когда субъектъ представляетъ себѣ, что онъ центръ всего кругомъ, что онъ одинъ только полно чувствуетъ жизнь, а все вокругъ его только настолько имѣетъ значенія, насколько оно отражается въ его внутренней жизни.

Для развитія интереса къ окружающимъ людямъ имѣютъ большое значеніе такіе писатели беллетристы, которые съ любовью внимательно изучаютъ внутренный міръ среднихъ людей, какъ напр. Диккенсъ, Тургеневъ и др.

Дальнѣйшей ступенью воспитанія явится

проникновеніе молодежи величавыми идеальными образами міровой литературы и исторіи, какъ Вильгельмъ Телль, Маркизъ Поза, Вильгельмъ Оранскій и т. д.

Идеалистически-эстетическое воспитаніе не должно ограничиваться, конечно, одной только литературой. Всѣ отрасли искусства должны служить для этой цѣли. И, конечно, музыка занимаетъ въ этомъ отношеніи существенное мѣсто. Наше представленіе о великомъ, грандіозномъ потерпѣло бы существенный ущербъ, если бъ не существовалъ Бетховенъ. Но и для развитія другихъ сторонъ душевной жизни музыка имѣетъ выдающееся значеніе.

Такое же важное значеніе въ воспитаніи должны играть живопись и скульптура. Въ наше время эта задача особенно упрощается благодаря распространенію и дешевизны свѣтописныхъ снимковъ съ выдающихся произведеній. Нашей мѣркой по отношенію къ тому, чѣмъ долженъ быть человѣкъ, должны являться не окружающіе насъ люди, а образы Микель-Анджело, Рафаеля и Леонардода Винчи. Къ сожалѣнію высшіе образцы искусства — античная скульптура — мало доступны для широкихъ массъ, такъ какъ и фотографія, и гипсовые снимки плохо ихъ передаютъ.

Интеллектуальное развитіе точно также играетъ громадную роль въ жизни человѣка и съ медицинской точки зрѣнія. Раньше мы старались показать, какое важное значеніе имѣетъ высокій интеллектъ для успѣха борьбы съ тяжелыми болѣзнями, да и вообще для того, чтобы разумно окружить себя здоровой обстановкой.

Но интеллектуальное развитіе имѣетъ еще то значеніе, что благодаря ему жизнь становится разностороннѣе, богаче. Особенно научные интересы являются крупнымъ подспорьемъ въ жизни и выручаютъ въ самые трудные минуты. Въ этомъ отношеніи примѣръ Шлиссельбурцевъ является особенно поучительнымъ. Нѣкоторые изъ нихъ сохранили жизнь и душевное и тѣлесное здоровье только благодаря своимъ научнымъ интересамъ.

При этомъ нельзя не отмѣтить, какъ мало въ этомъ отношеніи даютъ массѣ своихъ слушателей наши высшія учебныя заведенія. Есть множество людей, которые, пройдя курсъ университета или другого учебнаго заведенія, продѣлавъ весь требуемый рядъ зачетовъ и практическихъ занятій, проштудировавъ соотвѣтствующіе учебники и записки и получивъ отличныя отмѣтки на экзаменахъ, не носятъ на себѣ

никакого отпечатка отъ всего продѣланнаго. Такъ вы можете видѣть естественника, прослушавшаго свой курсъ въ университетѣ и не замѣтить, ни въ его вкусахъ, ни въ складѣ его мышленія, что онъ продѣлалъ такую сложную и такую плодотворную для лицъ, не воспринимающихъ науку пассивно, научную дисциплину.

Для этихъ людей занятія наукой проходятъ также безслѣдно, какъ безслѣдно стекаетъ вода со стекла. Конечно, это явленіе зависитъ отъ особаго направленія ума этихъ молодыхъ людей, но, кромѣ того, виноваты въ этомъ до извѣстной степени программы и характеръ занятій въ учебныхъ заведеніяхъ. Мы не можемъ требовать, чтобъ всѣ кончали наши высшія учебныя заведенія съ ясно выраженною потребностью спеціально разработывать какую нибудь научную дисциплину, но мы въ правѣ ожидать, что каждый, кончающій высшее учебное заведеніе, будетъ умѣть сознательно отнестись къ явленіямъ окружающей жизни, будетъ способнымъ помочь изученію ихъ и имѣть потребность перомъ или устнымъ словомъ защищать свою точку зрѣнія.

Кончая изложеніе нашего воззрѣнія на интеллектуальное развитіе молодежи, мы должны еще разъ отмѣтить, что индивидуумъ

будетъ вообще въ жизни и въ частности по отношенію къ своему здоровью тѣмъ устойчивѣе, чѣмъ серьезнѣе и разностороннѣе будетъ его образованіе, чѣмъ болѣе разносторонни будутъ его интеллектуальные интересы. При этомъ особенно важно, чтобъ не выработалось безразличнаго холоднаго отношенія къ наукѣ и вообще къ знанію, чтобы выработались интересы и симпатіи къ опредѣленнымъ отдѣламъ и вопросамъ. Наконецъ, мы должны поставить себѣ задачей, чтобъ наша молодежь вступала въ жизнь съ выработаннымъ цѣльнымъ идеалистическимъ міросозерцаніемъ. Для мужской половины глубокое уваженіе къ женщинѣ и цѣломудріе до брака должны входить неотъемлемой частью въ это міросозерцаніе. Культъ женщины искони былъ испытаннымъ источникомъ энтузіазма и идеалистическаго настроенія, той основой на которой душевныя силы выростали до своего высшаго подъема.

VII.

Идеалистическое міросозерцаніе должно являться необходимымъ духовнымъ вооруженіемъ каждаго, выходящаго въ жизнь. Оно не только обусловливаетъ внѣшнюю исторію его жизни, но, какъ намъ кажется вѣроятнымъ, отъ него зависитъ весь темпъ и продолжительность физіологической его жизни. Что касается содержанія этого міросозерцанія, то, конечно, оно можетъ быть самымъ разнообразнымъ, хотя сущность его всегда болѣе или менѣе будетъ заключаться въ сознаніи связи между индивидуумомъ и человѣчествомъ въ болѣе или менѣе широкомъ смыслѣ этого слова. Но, какъ бы не было разнообразно это содержаніе, для судьбы человѣка, который управляется этимъ міросозерцаніемъ, жизненнымъ вопросомъ является его обоснованность и прочность.

Это важно потому, что судьба человѣка тѣсно связана съ прочностью того міро-
 созерцанія, которое имъ владѣетъ. И если

идеалистическое міросозерцаніе служитъ неисчерпаемымъ источникомъ духовныхъ силъ, то крушеніе его является роковымъ переломомъ въ жизни человѣка, такимъ ударомъ, отъ котораго часто человѣкъ не въ состояніи уже оправиться и не только надламывается нравственно, но и зачастую и физически оказывается не въ состояніи пережить крушенія своихъ идеаловъ.

Въ свою очередь прочность міросозерцанія обусловливается въ значительной степени всестороннимъ развитіемъ личности. Самыми непрочными являются, конечно, такія настроенія, которыя цѣликомъ связаны съ вѣрой и обаяніемъ, исходящими отъ опредѣленной личности. Достаточно, чтобъ этотъ человѣкъ оказался не на высотѣ, чтобъ разрушилось и то высокое настроеніе, источникомъ котораго онъ являлся. Также плохо обоснованными являются идеалистическія настроенія, основанныя на авторитетѣ и не подкрѣпленныя фактами и логическими построеніями. Какъ бы не былъ силенъ этотъ авторитетъ, въ концѣ концовъ жизнь разрушитъ его.

Болѣе прочными являются идеалистическія настроенія, покоящіяся на семейныхъ родовыхъ, классовыхъ и узко національстическихъ интересахъ. Эти настроенія мо-

гутъ достигать необыкновенной интенсивности и, какъ мы говорили выше, имѣютъ для субъекта тѣмъ большее значеніе, чѣмъ болѣе они лишены какихъ либо эгоистическихъ мотивовъ. Но общій недостатокъ ихъ заключается въ томъ, что они въ концѣ концовъ сталкиваются съ требованіями общечеловѣческой морали и это является, какъ мы показали выше, источникомъ раздвоенія міросозерцанія, источникомъ надломанности для носителей ихъ.

Одно изъ самыхъ тяжелыхъ испытаній въ жизни, которое выпадаетъ на долю человѣка это продолжительное одиночное заключеніе. Посмотримъ, какіе изъ различныхъ человѣческихъ типовъ являются по отношенію къ нему наиболѣе стойкими. Нужно предполагать, что, чѣмъ богаче душевный міръ человѣка, чѣмъ большимъ энтузіазмомъ онъ одушевленъ, тѣмъ легче вынесетъ онъ это тяжелое испытаніе. По этому поводу глубокоуважаемый Н. А. Морозовъ былъ такъ добръ сообщить мнѣ, что въ общемъ это положеніе не подлежитъ никакому сомнѣнію. Простые люди, необразованные, съ элементарной психологіей, попавъ въ одиночное заключеніе, большую часть дня лежатъ и спятъ и скоро заболѣваютъ и гибнутъ отъ цынги. Чѣмъ богаче и ярче душевная жизнь чело-

вѣка, тѣмъ онъ въ общемъ легче переноситъ заключеніе. Лично, Н. А. Морозову, очень помогало переносить свою судьбу въ первое время заключенія богатая фантазія, которая давала ему возможность строить цѣлыя картины и продолжать въ воображеніи событія съ той точки, на которой для него остановилась жизнь. Но есть, говоритъ онъ, одинъ родъ энтузіастовъ, которые совсѣмъ не переносятъ тюремнаго заключенія. Это люди съ необыкновеннымъ жаромъ цѣликомъ отдавшіеся опредѣленному практическому дѣлу революціонной борьбы. Эти люди, попавъ въ тюрьму, не могутъ оторваться отъ всего того же круга мыслей, направленныхъ на одно дѣло, мечутся какъ звѣрь въ клѣткѣ и быстро сгораютъ.

Это замѣчаніе является для насъ въ высшей степени цѣннымъ. Изъ него мы можемъ еще разъ заключить, что одного благороднаго душевнаго подъема, какъ бы ни важно было его значеніе, недостаточно для того, чтобы сдѣлать личность стойкой, а необходимо еще ея богатое содержаніе и разностороннее развитіе для того, чтобы человѣкъ могъ устоять при рѣзкихъ измѣненіяхъ окружающей обстановки.

Конечно, если говорить о воздѣйствіи со стороны родителей и старшихъ на молодежь

и подрастающее поколѣніе въ смыслѣ выработки идеалистическаго міросозерцанія, то непремѣннымъ условіемъ этого является искренность руководителей и глубокое проникновеніе ихъ тѣми идеалами, которые они хотятъ привить молодому поколѣнію. Для полнаго успѣха воздѣйствія ихъ въ идеалистическомъ направленіи на молодежь они сами должны умѣть слѣдовать по тому пути, который они указываютъ для другихъ.

Можемъ ли мы себѣ представить человѣка такого здороваго и въ такой обстановкѣ, чтобы съ увѣренностью сказать, что для него является совершенно ненужнымъ не только для даннаго момента, но и впредь, какое бы то ни было идеалистическое настроеніе. Можемъ ли мы представить себѣ такого человѣка, который и безъ поддержки, оказываемой людямъ идеаломъ, чувствовалъ бы себя всегда здоровымъ и счастливымъ. Внѣ всякаго сомнѣнія это невозможный случай.

Допустимъ, что мы имѣемъ предъ собою человѣка великолѣпнаго здоровья, уравновѣшеннаго и притомъ въ исключительной матеріальной обстановкѣ совершенно обезпечивающей его. Можемъ ли мы оградить его жизнь отъ неблагопріятныхъ вліяній со стороны окружающаго?

Это является совершенной невозможностью. Само матеріальное обезпеченіе въ громадномъ большинствѣ случаевъ не является чѣмъ-то безусловно прочнымъ. Но, даже оставивъ его въ сторонѣ, нашему герою придется сталкиваться съ людьми и нѣтъ никого, кто былъ бы застрахованъ отъ горя и не могъ бы быть выбитымъ изъ колеи. Какъ бы не было привилегировано положеніе человѣка, идеалистическая, нравственная точка зрѣнія является всетаки для него единственнымъ руководящимъ моментомъ, который даетъ ему возможность всегда держать вѣрный путь въ жизни. И если допустить, а это мы считаемъ безусловно необходимымъ, что идеалистическое настроеніе является существеннымъ орудіемъ борьбы человѣка съ болѣзнью, то развѣ можетъ хоть одинъ человѣкъ, какъ-бы онъ здоровъ не былъ, считать себя гарантированнымъ отъ тяжелой болѣзни.

Мы можемъ себѣ представить только одинъ случай, когда жизнь безъ идеала, или наперекоръ велѣніямъ идеала, можетъ не отозваться печально на психическомъ и физическомъ состояніи организма. Это можетъ быть только съ особымъ родомъ выродившихся субъектовъ съ — людьми лишенными нравственнаго чувства. Такъ какъ у этихъ

субъектовъ эта сторона психической жизни отсутствуетъ, то, какъ можно себѣ представить, цѣлый рядъ страданій сперва душевныхъ, а потомъ отражающихся и на организмѣ здѣсь можетъ тоже отсутствовать. Если представить себѣ, что организмъ можетъ достигнуть въ извѣстныхъ случаяхъ равновѣсія своихъ функцій при полномъ отсутствіи какого либо органа, то это равновѣсіе можетъ быть иногда прочнѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, если этотъ органъ сохранился, но страдалъ бы и функціонировалъ неправильно.

Но вѣдь такіе субъекты представляютъ изъ себя одну изъ наиболѣе рѣзкихъ ступеней вырожденія и въ общемъ являются малоустойчивыми въ жизни.

VIII.

Перейдемъ теперь къ практическимъ выводамъ изъ нашей работы. Представимъ себѣ рядъ задачъ изъ числа тѣхъ, которыя ставитъ ежедневно жизнь врачамъ и посмотримъ, какъ къ этимъ задачамъ относится современная медицина и что новаго въ рѣшеніе ихъ вноситъ та точка зрѣнія, которую мы защищали.

Какъ первый примѣръ представимъ себѣ, что передъ нами стоитъ задача вырастить и воспитать наилучшимъ образомъ ребенка, отягченнаго тяжелой наслѣдственностью, напримѣръ туберкулезомъ. Какимъ образомъ нужно обставить жизнь этого ребенка для того, чтобы онъ избѣгнулъ угрожающей ему болѣзни. Вопросъ этотъ подробно разработанъ врачами. Очевидно, такого ребенка нужно, по возможности, удалить изъ большого города; нужно помѣстить его въ деревенской обстановкѣ и притомъ лучше всего въ такомъ климатѣ, который давалъ бы ему

возможность, какъ можно больше, пользоваться воздухомъ и солнечнымъ свѣтомъ. Серьезное вниманіе должно быть обращено на питаніе ребенка для того, чтобы онъ обладалъ достаточнымъ запасомъ силъ для борьбы съ инфекціей. Нужно обращать вниманіе на то, чтобы развить у него достаточно мышечную систему и въ то же время и при прогулкахъ, и при физическихъ упражненіяхъ нужно стараться не переутомить его, такъ какъ неумѣренное движеніе можетъ явиться первымъ толчкомъ, который заставитъ дремлющій туберкулезъ перейти въ активную форму. Необходимъ тщательный уходъ за кожей въ формѣ различныхъ водолечебныхъ процедуръ для того, чтобы закалить организмъ противъ простуды. Наконецъ, больше чѣмъ во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, мы должны здѣсь стараться охранить организмъ отъ инфекціонныхъ болѣзней, такъ какъ онѣ опять таки могутъ оказаться факторомъ, могущимъ ослабить организмъ и заставить проявиться скрытый туберкулезъ.

Когда настанетъ для ребенка время учиться, мы и тутъ должны обставить его наболѣе благопріятныхъ въ гигіеническомъ отношеніи образомъ. Такъ, мы видимъ разработанную до мелочей программу, направленную къ тому, чтобы вырастить устойчивый

по отношенію къ туберкулезу организмъ. Какъ ни цѣлесообразна и ни справедлива, даже въ мелочахъ, вся эта система, она несомнѣнно, какъ мы уже и говорили выше, страдаетъ односторонностью и опускаетъ, можетъ быть, самое важное: возрастить въ человѣкѣ идеализмъ. Такому ребенку больше, чѣмъ всякому другому грозить въ будущемъ борьба за свою жизнь со страшнымъ врагомъ человѣчества — туберкулезомъ. Какъ мы старались показать выше, одно изъ самыхъ важныхъ и существеннѣйшихъ средствъ въ этой борьбѣ человѣка съ бациллой есть идеализмъ и субъектъ съ туберкулезной послѣдственностью больше, чѣмъ всякій другой, долженъ быть вооруженъ и этимъ оружіемъ въ борьбѣ за свою жизнь.

Эта точка зрѣнія противорѣчитъ тому направленію въ воспитаніи, котораго придерживаются родители дѣтей съ туберкулезной наслѣдственностью. Исходя изъ взгляда, что мы имѣемъ въ этомъ случаѣ субъекта со слабою способностью сопротивляемости вреднымъ окружающимъ вліяніямъ, они стараются оградить своихъ дѣтей отъ внѣшняго міра, стараются, можетъ быть до извѣстной степени невольно, воспитать въ нихъ преувеличенную заботливость о себѣ, эго-

измъ; стараются развить въ нихъ пассивное отношеніе къ окружающему, предполагая, что, если субъектъ съ туберкулезной наслѣдственностью будетъ чутко относиться къ окружающему, если онъ захочетъ принять горячее участіе въ жизни окружающихъ людей, то это повлечетъ за собою такую трату силъ, за которой долженъ неизбѣжно послѣдовать роковой исходъ.

Съ нашей точкѣ зрѣнія мы не можемъ согласиться съ такой системой воспитанія. Вести такъ ребенка значить выпустить его въ жизнь, лишивъ главной опоры. Поступаютъ такъ, исходя изъ той точки зрѣнія, что всякое идеалистическое настроеніе, достигнувъ высокой степени, влечетъ за собою отреченіе отъ своихъ узкихъ эгоистическихъ интересовъ, а такое самопожертвованіе можетъ быть особенно опасно для существа со слабымъ здоровьемъ. Стремиться къ тому, чтобъ субъектъ былъ идеалистически настроенъ и въ то же время никогда не рѣшился пожертвовать собой, этого можно добиться только съ ущербомъ для глубины и цѣнности идеалистическаго міровоззрѣнія. Но тѣ, которые придерживаются оспариваемой нами системы воспитанія, можетъ быть, стараясь избѣгнуть одной опасности, зачастую воображаемой, лишаютъ своихъ

дѣтей такого элемента жизни, безъ котораго послѣдняя не можетъ протекать правильно и сами толкаютъ дѣтей къ преждевременному, фатальному концу.

Выше мы уже коснулись того воцроса, что наибольшая опасность, которую представляетъ идеалистическое міросозерцаніе, заключается въ непрочности послѣдняго — крушеніе его рѣзко подрываетъ силы человѣка, которымъ оно владѣло. Всесторонне развить человѣческую личность и заложить въ немъ глубокое, тщательно обоснованное, идеалистическое міросозерцаніе значитъ гарантировать для него устойчивость въ самыя трудныя минуты жизни и въ смыслѣ физическаго здоровья.

IX.

Перейдемъ теперь ко второму случаю. Представимъ себѣ, что здоровый, полный силъ человѣкъ внезапно подъ вліяніемъ стеченія неблагопріятныхъ обстоятельствъ заболѣлъ тяжелой болѣзнью, напримѣръ, туберкулезомъ, сифилисомъ, болѣзнью сердца и т. д. Современная медицина до мельчайшихъ подробностей, какъ мы видѣли выше, разработала планъ лѣкарственнаго и діэтетическаго лѣченія этихъ болѣзней. Можно ли однако цѣликомъ строить свои надежды на выздоровленіе только на этихъ пріемахъ лѣченія. Конечно, нѣтъ. Несмотря на всю свою разработанность и раціональность они отказываются служить въ значительномъ числѣ случаевъ и больные, несмотря на тщательное примѣненіе методовъ лѣченія, погибаютъ.

Изъ этого вытекаетъ необходимость каждый разъ, когда человѣкъ подвергается такой страшной опасности пустить въ ходъ

всѣ силы, которыми обладаетъ организмъ, а среди нихъ одно изъ важныхъ мѣстъ занимаютъ душевныя силы. Если вѣрно, что энтузіазмъ обладаетъ благотворнымъ вліяніемъ на ходъ физіологическихъ процессовъ, то мы должны у такихъ больныхъ поднять духъ на самыя высшія ступени, до которыхъ только способенъ подняться человѣкъ. Вѣдь опасность, которой грозитъ такая болѣзнь, какъ напримѣръ, сифились, иногда столь ужасна, что ужасъ самой смерти передъ нею блѣднѣетъ. Призракъ такой опасности заслуживаетъ того, чтобы произвести коренной переворотъ въ человѣкѣ. И дѣйствительно, какъ мы говорили выше, въ прежнія времена тяжелая болѣзнь являлась для людей причиной вызывавшей глубокій религіозный подъемъ въ душѣ человѣка. Нѣчто аналогичное этому, мы и теперь должны требовать отъ заболѣвшаго тяжелою болѣзнью человѣка. Онъ долженъ проникнуться идеалистическимъ настроеніемъ. Такой душевный переворотъ не долженъ заключать въ себѣ, по возможности, ничего корыстнаго. Больной не долженъ руководствоваться такимъ соображеніемъ: „сдѣлаюсь настолько то лучше, чтобъ поправиться отъ своей болѣзни.“ Нѣтъ, въ немъ долженъ произойти искренній, глубокій перево-

ротъ, онъ долженъ просвѣтлиться; сознаніе угрожающей ему опасности должно поднять его духовную личность на высшую ступень.

Какъ можетъ произойти этотъ душевный переворотъ? Въ общихъ чертахъ мы уже касались этого вопроса. Я представляю себѣ, что у каждаго человѣка, на какой бы ступени развитія онъ не былъ, есть въ душѣ представленіе объ идеалѣ. Вотъ это представленіе должно быть вызвано и осуществлено въ собственной жизни. Для одного это будетъ Евангельскій идеалъ, для другого — тотъ или другой живой образъ, которому онъ раньше удивлялся и не въ силахъ былъ ему слѣдовать, для третьяго теоретическое представленіе о томъ, какимъ долженъ быть идеальный общественный дѣятель или политическій герой.

Все что мы знаемъ о сущности болѣзней заставляетъ предполагать, что вліяніе такого душевнаго подъема на организмъ должно быть очень велико и благотворно. Мнѣ кажется, что въ этомъ отношеніи нельзя поставить опредѣленныхъ границъ для такого вліянія души на тѣло.

Выдвигать значеніе нравственнаго подъема личности въ дѣлѣ лѣченія это не значитъ отрицать все зданіе современной медицины. Всѣ добытые ею факты и системы лѣченія

остаются непреложными, но только вводится новый факторъ, увеличивающій полезность лѣчебныхъ пріемовъ медицины. При этомъ необходимость до мельчайшихъ подробностей слѣдовать всѣмъ предписаніямъ врача будетъ вытекать не изъ шкурнаго инстинкта самосохраненія, какъ это было до сихъ поръ, но изъ того же подъема духа. Больной долженъ слѣдовать предписаніямъ врача, чтобы болѣзнь не помѣшала ему въ осуществленіи его идеала. Признаніе наивысшей цѣнности человѣческой личности въ другихъ заставитъ беречь и свою собственную личность и не растрачивать безумно свои силы.

X.

Наконецъ, третьимъ примѣромъ, мы возьмемъ человѣка, вполнѣ здороваго, но перешедшаго уже на вторую половину своей жизни и замѣчающаго уже, что его силы идутъ подъ гору. Для такого человѣка современная медицина имѣетъ въ запасѣ цѣлый рядъ совѣтовъ, какъ то умѣреннный спортъ, гимнастическія упражненія, водолѣченіе, правильный образъ жизни, воздержаніе отъ алкоголя и табака, извѣстная пищевая діэта, наконецъ, въ послѣднее время Мечниковская простокваша, которая должна воздѣйствовать благопріятнымъ образомъ на бактерійное населеніе кишечника и на ферментативные процессы, происходящіе въ немъ. Не отрицая полной раціональности всѣхъ этихъ предписаній мы должны къ нимъ добавить еще нѣчто, что нужно считать въ высшей степени существеннымъ.

Если человѣку до этого момента, пока онъ былъ молодъ и полонъ силъ, не приш-

лось подумать объ идеализмѣ, то теперь безусловно настаетъ для него время это сдѣлать. И въ этомъ случаѣ, когда наступаетъ такъ называемое естественное пониженіе жизненныхъ силъ, душевный подъемъ является средствомъ задержать это паденіе и сдѣлать его болѣе правильнымъ, гармоничнымъ, приближающимъ его къ нашему представленію объ естественной старости; между тѣмъ какъ то, что мы наблюдаемъ теперь вокругъ насъ, можетъ называться преждевременной, болѣзненной старостью. Въ этомъ отношеніи взгляды, изложенные Мечниковымъ въ его книгѣ „О природѣ человѣка“ вполнѣ совпадаютъ со взглядами, которыхъ придерживается медицина. При современныхъ условіяхъ смерть, которою умираютъ большинство людей, можетъ считаться съ точки зрѣнія физіологіи и патологіи насильственной, такъ какъ человѣкъ при современныхъ условіяхъ даже въ преклонныхъ годахъ очень рѣдко умираетъ отъ равномѣрнаго старческаго ослабленія жизнедѣятельности его органовъ. Всегда болѣзненныя измѣненія въ какомъ-нибудь одномъ органѣ бываютъ выражены болѣе рѣзко, чѣмъ въ другихъ и смерть наступаетъ вслѣдствіе недостаточной работы этого органа, въ то время какъ весь организмъ еще могъ

бы существовать. А въ громадномъ большинствѣ случаевъ просто нападеніе микробовъ, какъ при инфлюенцѣ или воспаленіи легкихъ, насильственно прекращаетъ жизнь въ то время, какъ человѣкъ зачастую еще сохранилъ свои интеллектуальныя силы и хочетъ еще жить. Выводъ этотъ вытекаетъ неизбѣжно изъ всѣхъ работъ, посвященныхъ вопросамъ о старости и, какъ я писалъ въ статьѣ о книгѣ Мечникова *) особенно поражаетъ то, когда умираетъ великій человѣкъ, хотя бы и въ преклонныхъ лѣтахъ по нашей современной мѣркѣ. Вѣдь смерть, даже въ преклонныхъ лѣтахъ отъ воспаленія легкихъ или отъ кровоизліянія въ мозгъ отъ разорвавшейся артеріи является въ такой-же мѣрѣ насильственной, какъ и смерть отъ удара дубиной по головѣ. Въ той-же мѣрѣ насильственной является смерть въ 50—60 лѣтъ и преждевременное одряхленіе, которыя такъ часто встрѣчаются въ окружающей насъ жизни.

По моему мнѣнію нельзя только согласиться съ Мечниковымъ относительно доминирующаго значенія, которое имѣетъ въ процессѣ развитія старости, толстая кишка съ оби-

*) Вѣстникъ Европы, Т. IV, Іюль, 1905, Природа человѣка по Мечникову, стр. 256.

тающими въ ней микробами и слѣдовательно нельзя абсолютно въ этомъ отношеніи полагаться на Мечниковскую простоквашу, что, конечно, не мѣшаетъ ей быть прекраснымъ діэтическимъ средствомъ. Согласно съ той точкой зрѣнія, которую я излагаю въ этой работѣ, болѣе справедливымъ кажется ученіе Толстого, по которому преждевременное наступленіе дряхлости въ современныхъ поколѣніяхъ людей, объясняется тѣмъ нравственнымъ разладомъ, который царствуетъ въ душѣ ихъ, вслѣдствіе противорѣчія требованій морали, выработанныхъ человѣчествомъ, съ современнымъ государственнымъ и соціальнымъ строемъ.

Вѣдь, какую бы теорію мы не взяли для объясненія явленій преждевременной старости у человѣка, всѣ онѣ, констатируютъ въ той или другой формѣ пониженіе жизненной энергіи клѣтокъ самыхъ важныхъ органовъ. Также, если мы возмемъ теоріи объясняющія происхожденія роковыхъ болѣзней старческаго возраста, какъ напр. ракъ, то какова бы эта теорія не была — объясняетъ ли она возникновеніе рака проникновеніемъ особыхъ паразитовъ, или тѣмъ, что въ органахъ человѣка сохраняются остатки зародышевой ткани, которые при ослабленіи жизненной энергіи окружающихъ клѣтокъ

вдругъ начинаютъ расти и развиваться въ ущербъ цѣлому организму или, наконецъ, объясняется ли происхожденіе рака тѣмъ, что нарушаются соотношенія клѣтокъ между собою и нѣкоторыя изъ нихъ начинаютъ жить самостоятельною жизнью, не сообразуясь уже съ потребностями цѣлаго — всегда, при всякой теоріи въ основѣ явленія лежитъ ослабленіе жизненныхъ силъ клѣтокъ. Если же вѣрна та точка зрѣнія, которую мы защищали все время и по которой душевные процессы оказываютъ сильное вліяніе на ходъ жизненныхъ явленій въ клѣткахъ живого существа, то очевидно душевный подъемъ является могучимъ средствомъ поднять жизненную энергію ослабѣвающаго организма.

Если согласно съ этой точкой зрѣнія человѣкъ, пока онъ молодъ, силенъ и здоровъ, можетъ еще жить, какъ онъ желаетъ, то когда онъ перешелъ уже на вторую половину своей жизни и силы его слабѣютъ, онъ долженъ подняться на высшую духовную ступень, на какую только онъ способенъ, и въ дальнѣйшей своей жизни руководствоваться и въ своихъ поступкахъ, и въ своихъ мысляхъ самыми чистыми идеалами, какіе только для него существуютъ.

Въ житіяхъ святыхъ является очень час-

тымъ мотивомъ рѣшимость при наступленіи старости порвать всѣ связи съ мелочнымъ, земнымъ и посвятить себя цѣликомъ Богу. Интереснымъ является то, что тоже самое предписываетъ людямъ индусская религія. Каждый человѣкъ, когда онъ вырастилъ своихъ дѣтей и у него уже есть внуки, долженъ бросить свои дѣла, сдѣлаться безъ страстей (стать Вайрагиномъ*). Это называется, какъ мнѣ сообщилъ глубоко уважаемый С. Ф. Ольденбургъ, по индусски „правраджь'я" — выступленіе въ путь.

Есть прекрасный разсказъ Киплинга „Чудо Пуранъ Богата", напечатанный въ переводѣ С. Ф. Ольденбурга въ „Мірѣ Божьемъ" **), въ которомъ онъ описываетъ индуса, министра одного изъ раджей, не только образованнаго согласно требованіямъ своей страны, но и получившаго прекрасное европейское образованіе, побывавшаго даже въ Европѣ и тамъ сталкивавшагося съ англійскими государственными людьми и учеными. Но, когда онъ выростилъ своихъ дѣтей и пришелъ срокъ, онъ бросилъ все и странникомъ-нищимъ направился къ сѣверу. На пути онъ попалъ въ Симлу, резиденцію вице-

*) Ви-рага, безъ страстей.

**) Іюль, 1897 года.

короля, гдѣ ему приходилось часто бывать, когда онъ былъ министромъ. Когда онъ остановился чтобъ полюбоваться чуднымъ видомъ, полицейскій отогналъ его, какъ нищаго. Онъ направился къ Гималаямъ и по мѣрѣ того, какъ онъ подымался въ горы, горы росли кругомъ него. Наконецъ онъ дошелъ до отдаленной горной долины, гдѣ въ лѣсу нашелъ заброшенный алтарь и остался здѣсь жить. Скоро жители близь лежащей деревушки узнали, что возлѣ нихъ поселился новый отшельникъ и женщины стали приносить ему пищу. Онъ приручилъ къ себѣ нѣсколькихъ лѣсныхъ животныхъ и жилъ созерцательной жизнью, какъ вдругъ однажды, послѣ сильныхъ дождей по безпокойству своихъ животныхъ узналъ, что готовится горный обвалъ, кинулся вмѣстѣ съ ними внизъ въ деревню и успѣлъ до катастрофы вывести изъ нея и спасти ея населеніе.

Въ актовой рѣчи, прочитанной проф. Д. Н. Кудрявскимъ въ Юрьевскомъ университетѣ *) описаны тѣ четыре стадіи жизни, которыя предписывались индусу древними законами: первая стадія мальчика, ученика,

*) Д. Кудрявскій. Четыре стадіи въ жизни древняго индуса. Юрьевъ, 1900.

вторая — домохозяина, третья — отшельника и четвертая — ниществующаго монаха. „Когда домохозяинъ — говорится въ священныхъ законахъ Ману — замѣтитъ морщины на своемъ лицѣ и сѣдину въ волосахъ и дождется внуковъ, онъ можетъ удалиться въ лѣсъ.“ Съ переходомъ въ эту стадію, говоритъ проф. Кудрявскій, человѣкъ порывалъ уже всѣ связи съ міромъ, и его обязанности состояли только въ ежедневномъ приношеніи пяти великихъ жертвъ (т. е. жертвы богамъ, демонамъ, предкамъ, чтеніе священныхъ книгъ и наконецъ, пятое, жертвоприношеніе людямъ). Онъ долженъ былъ отказаться отъ всѣхъ удобствъ жизни, одежда его должна была состоять только изъ шкуры или древесной коры, спать онъ долженъ былъ на голой землѣ, не смотря ни на какую погоду, и пища его должна была состоять изъ плодовъ, травъ и корней, находимыхъ въ лѣсу. Кромѣ того онъ долженъ былъ стараться всячески увеличивать тягость своей жизни различными упражненіями, изнуряющими тѣло *).

Очень вѣроятно, какъ предполагаетъ пр. Кудрявскій, что этотъ законъ, предписывавшій „удалиться въ лѣсъ“ ведетъ свое

*) Кудрявскій, l. c. стр. 9.

начало отъ стараго обычая первобытныхъ племенъ бросать своихъ стариковъ на произволъ судьбы или отдѣлываться отъ нихъ тѣмъ или инымъ способомъ. Дѣлать такое предположеніе заставляетъ слѣдующее предписаніе законовъ Ману: „Онъ можетъ также полный рѣшимости отправиться по прямому направленію на сѣверо-востокъ, питаяся только водою и воздухомъ, и идти до тѣхъ поръ пока его тѣло не упадетъ.“

Но, очевидно, это предписаніе не имѣло общеобязательнаго значенія, такъ какъ изъ третьей стадіи, отшельника, индусъ переходилъ въ четвертую и дѣлался ниществующимъ монахомъ.

Такъ же, какъ и въ предшествующей стадіи, индусъ, сдѣлавшись ниществующимъ монахомъ, говоритъ пр. Кудрявскій, долженъ былъ оставаться вѣрнымъ своему отреченію отъ міра: нигдѣ не оставаясь по долгу, онъ скитался, какъ нищій, въ изношенной старой одеждѣ, съ обритой головой, держа въ рукахъ чашку для сбора подаянія. Онъ не долженъ былъ просить милостыни, а ждать, пока ему подадутъ добровольно. Собирать онъ долженъ немного, только необходимое количество пищи на день. Отъ такого монаха требовалось со-

вершенно равнодушное отношеніе ко всему: если ему не подавали милостыни, онъ не долженъ былъ сердиться, но и не долженъ былъ радоваться, если ему подавали; онъ не долженъ былъ желать ни долгой жизни, ни скорой смерти, „а ждать своего часа, какъ слуга ждетъ уплаты жалованья.“ Онъ долженъ былъ размышлять о краткости жизни, о грѣховности плоти, о бренности красоты, о мукахъ ада, о тягости болѣзней и старости, о безконечныхъ странствіяхъ души.“

Рисуя жизнь отшельника, законъ повидимому не имѣетъ въ виду служенія человѣка ближнимъ. Но тѣмъ не менѣе, косвеннымъ путемъ, какъ видно изъ разсказа Киплинга, такой отшельникъ всетаки исполняетъ общественныя функціи. Несомнѣнно, отшельникъ, посвятивъ себя цѣликомъ молитвѣ, изнуренію плоти и мыслямъ о тлѣнности всего земного, является въ то же время, осмысливающимъ жизнь центромъ, святыней для близьживущаго населенія. Что касается монаховъ, то, какъ приводитъ проф. Кудрявскій, въ законахъ Ману сохранилось указаніе на то, что ниществующіе монахи занимались толкованіемъ знаменій, астрологіей и хиромантіей, давали совѣты въ различныхъ случаяхъ жизни и толковали законъ; 291

имъ запрещалось только дѣлать это ради полученія милостыни*).

Древнѣйшія редакціи индусскихъ „книгъ священнаго закона“ или „правилъ священнаго закона“ восходятъ къ 4—5 вѣку до Р. Х., а нѣкоторые еще древнѣе. Но значеніе ихъ для насъ заключается въ томъ, что по нимъ мы можемъ судить, какъ говоритъ пр. Кудрявскій, о древнѣйшихъ обычаяхъ арійцевъ, между тѣмъ какъ, для другихъ индоевропейскихъ народовъ свѣдѣнія объ этихъ обычаяхъ въ значительной степени утеряны.

Конечно, содержаніе идеаловъ у древнихъ индусовъ и у современнаго культурнаго человѣчества должно рѣзко отличаться другъ отъ друга. Но важно то, что древніе обычаи нашихъ предковъ предписываютъ для людей, приближающихся къ старости то же, что съ необходимостью вытекаетъ изъ данныхъ современной науки, по крайней мѣрѣ настолько, насколько вѣрны всѣ разсужденія этой книги. И законъ Ману, и выводы науки, по моему мнѣнію, предписываютъ для людей, перешедшихъ во вторую половину жизни одно и тоже: отрѣшиться отъ мелочей жизни и подняться на высшія ступени духа, доступныя человѣку.

---

*) Кудрявскій, l. c. стр. 10 и сл.

XI.

Та точка зрѣнія, которую мы защищаемъ, очевидно требуетъ, чтобы все современное общество прониклось идеализмомъ въ значительно большей степени, чѣмъ это имѣется въ настоящее время. Возникаетъ вопросъ, возможно ли это. Можетъ ли человѣкъ въ продолженіе всей своей жизни, начиная отъ первыхъ проблесковъ сознательного отношенія къ окружающему, и кончая послѣдними вспышками сознанія, направляться велѣніями идеала. То, что мы видимъ кругомъ насъ, конечно, можетъ дать поводъ быть скептикомъ въ этомъ отношеніи. Но, все-таки нужно думать, что жизнь въ значительно большей степени, можетъ быть направляема идеалистическими теченіями, чѣмъ это имѣетъ мѣсто теперь.

Въ этомъ отношеніи изъ прошлыхъ эпохъ особенно поучительны Средніе Вѣка. На ихъ примѣрѣ видно, до какой степени идеалистическія построенія могутъ имѣть

глубокое вліяніе на жизнь до самыхъ ея мельчайшихъ, интимнѣйшихъ подробностей.

Наивысшаго, кульминаціоннаго пункта достигла эта власть идеала того времени — идеала, религіознаго, воплощавшагося въ аскетизмѣ и земномъ владычествѣ церкви — въ крестовыхъ походахъ. „Почти полтора столѣтія крестовые походы, говоритъ Эйкенъ, составляли самый жгучій пунктъ всѣхъ интересовъ западно-европейскаго міра. Мужья покидали женъ, сыновья родителей, вассалы освобождались отъ своихъ ленныхъ обязанностей, крѣпостные отъ ихъ барщины, чтобы принять участіе въ святой войнѣ. Преступники освобождались отъ наказанія, если они выражали желаніе участвовать въ походѣ въ святую землю. Духовныя лица участвовали въ веденіи военныхъ операцій, или шли съ крестомъ вмѣсто меча, впереди отрядовъ войскъ, идущихъ на битву. Дома, по примѣру Гедеона, должны были, оставаться лишь негодные, какъ высказалъ папа Инокентій III въ буллѣ къ Кельнской эпархіи . . . Эти безчисленныя массы людей переносили въ теченіе многихъ лѣтъ невѣроятные труды и страданія, чтобы сразиться съ врагами Божіими и помолиться на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ когда-то совершились поколебавшія міръ со-
 бытія христіанской исторіи спасенія. Эти

люди приносили все свое существованіе въ жертву владычеству креста и церкви." *)

Но и внѣ этихъ исключительныхъ проявленій, вся жизнь того времени находилась подъ глубокимъ вліяніемъ религіознаго аскетическаго идеала. Множество людей отказывалось отъ жизни въ міру, уходило въ монастыри и умерщвляло свою плоть. Проникновеніе этимъ идеаломъ доходило до того что люди преодолѣвали страхъ смерти и съ страстнымъ желаніемъ ждали своего земного конца. „Я замѣчалъ, разсказываетъ Цезарій фонъ Гейстербахъ, у многихъ изъ нашихъ монаховъ, когда они дѣлаются больны, такое страстное желаніе смерти ради полученія вѣчной жизни, что имъ непріятно, когда имъ желаютъ выздоровленія." **)

Аскетическое вліяніе религіознаго идеала того времени глубоко вліяло на весь строй семьи, отношенія между супругами, отношенія между родителями и дѣтьми. Правда, противъ этого идеала аскетизма, рядомъ съ подчиненіемъ ему, постоянно существовалъ рѣзкій протестъ, но вѣдь это былъ противоестественный идеалъ, отрицавшій всякія права тѣла и считавшій презрѣннымъ и грѣхо-

*) Г. Эйкенъ. Исторія и система средневѣковаго міросозерцанія. СПБ. 1907, стр. 296.

**) Эйкенъ, l. c. стр. 280.

внымъ все земное. Насколько же большаго вліянія можемъ мы ожидать отъ болѣе свободнаго, болѣе свѣтлаго идеала.

Намъ остается только отмѣтить, что признаніе могущественнаго вліянія, которое оказываютъ нравственныя стороны душевной жизни человѣка на процессы его тѣла, даютъ опорный пунктъ искони существующему въ людяхъ стремленію путемъ страстнаго напряженія воли добиться выздоровленія.

Шарко ввелъ въ рамки фактовъ, объясняемыхъ наукой, то что на обыденномъ языкѣ называется „чудомъ", „чудеснымъ исцѣленіемъ", какъ напримѣръ чудеса Лурда, главнымъ образомъ по стольку, по скольку такія исцѣленія касались опредѣленнаго рода нервныхъ болѣзней, а именно функціональныхъ неврозовъ (истеріи и т. п.). Мы старались показать, что душевный подъемъ распространяетъ свое воздѣйствіе на всю область внутреннихъ болѣзней. Отъ больного самого зависитъ, если онъ интенсивно желаетъ своего выздоровленія, пустить въ ходъ могучій факторъ душевнаго подъема, который не преминетъ оказать свое благотворное вліяніе на теченіе процессовъ тѣла. Точно также окружающіе и близкіе могутъ путемъ воздѣйствія на идеалистиче-

скія стороны душевной жизни больного разбудить въ немъ новыя могучія жизненныя силы, которыя помогутъ ему выйти невредимымъ изъ тяжелой борьбы съ болѣзнью. Этимъ мы и закончимъ наше изслѣдованіе.

Приложеніе.

Въ главѣ XVI мы высказали утвержденіе, что представители русскихъ интеллегентныхъ классовъ рано дряхлѣютъ и рано умираютъ. Это, конечно, только впечатлѣніе, которое выносишь непосредственно отъ окружающей жизни. Было-бы очень важно имѣть цифровой матеріалъ, на которомъ можпо было бы обосновать это предположеніе, но, конечно, получить такой матеріалъ очень трудно.

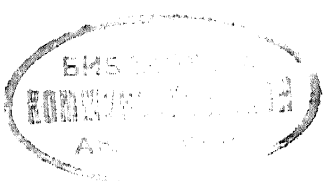
Любезности моего друга глубокоуважаемаго Л. В. Келлера обязанъ я двумя таблицами, помѣщенными ниже. Эти таблицы составлены имъ на основаніи матеріала, касающагося опыта страховыхъ обществъ и имѣющагося въ книгѣ С. Е. Савича „Элементарная теорія страхованія жизни и трудоспособности", СПБургъ, 1900. Цифры относительно Америки взятыизъ таблицъ Гоманса (1868); относительно Англіи по даннымъ Института Актуаріевъ въ Лондонѣ (1869—1887); относительно Германіи по даннымъ Коллегіи страховыхъ знаній (1883 г.)*); относительно Франціи по дан-

*) См. Савичъ, Таблица VI, стр. 8.

нымъ Комитета 4-хъ французскихъ страховыхъ обществъ (AF) (1889) и, наконецъ, относительно Россіи по даннымъ Малешевскаго, Русскія страховыя общества (1893).*)

Общее впечатлѣніе, которое выносишь изъ этихъ таблицъ такое, что чѣмъ страна богаче и чѣмъ политическіи строй совершеннѣе, тѣмъ меньше вѣроятность умереть въ теченіе слѣдующаго года и тѣмъ больше вѣроятная средняя продолжительность жизни. Но и эти выводы, не смотря на то, что они получены на основаніи точныхъ наблюденій и приблизительно однороднаго матеріала, могутъ вызывать сомнѣнія. Дѣло въ томъ, что спеціалисты страхового дѣла утверждаютъ, что въ странахъ, гдѣ страхованіе жизни еще только развивается, какъ напр. въ Россіи, страховые агенты болѣе снисходительно относятся къ состоянію здоровья страхующихся и въ виду этого въ этихъ странахъ получаются болѣе неблагопріятныя цифры.

*) Тамъ-же, Таблица VII, стр. 10.



I. Вѣроятность умереть въ теченіе слѣдующаго года жизни на 100,000.

Возр.	Амер.	Англ. H^m	Герм. MWI	Франц. AF	Росс. Мал. 93
20	781	572	919	690	1135
30	843	771	882	698	717
40	979	1001	1176	975	1084
50	1378	1572	1814	1638	1950
60	2669	2983	3535	3213	4025
70	6199	6410	7276	6897	7629
80	14447	14426	15517	15190	15164

II. Средняя продолжительность жизни.

Возр.	Амер.	Англ.	Франц.	Герм.	Росс.
20	42,20	42,10	41,84	39,68	39,75
30	35,33	34,73	34,38	32,89	32,77
40	28,18	27,39	26,83	25,80	25,14
50	20,91	20,27	19,66	18,96	18,32
60	14,10	13,81	13,29	12,85	12,32
70	8,48	8,49	8,15	7,89	7,92
80	4,39	4,66	4,50	4,23	4,73